РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(110)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия и Запад: стратегии взаимодействия
Russia and the West: Strategies for interaction

Современная Украина: проблема политического лидерства
Modern Ukraine: The problem of political leadership

Внутрипартийная борьба в СССР в 1920–1940-х годов
Intra-party struggle in the USSR in the 1920s–1940s.

Процессы социальной дифференциации в крупнейших мегаполисах Европы
The social differentiation processes in the european megacities

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2021

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2021.01.00

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2021

ISSN 1726–5223

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Дембински М., Полянский М.А. Россия и Запад: Причины противоречий и стратегии их разрешения **5**

Антошин А.В. Русское зарубежье после Второй мировой войны: В поисках консолидирующей идеи **20**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Dembinski M., Polianskii M.A. Russia and the West: Causes of tensions and strategies for their mitigation **5**

Antoshin A.V. Russia Abroad after the Second World War: In search of a consolidating idea **20**

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

Пряжникова О.Н. Развитие зеленых навыков и социальный диалог: Опыт зарубежных стран **31**

Трунов Ф.О. Взаимодействие РФ и ФРГ по урегулированию вооружённых конфликтов: Движение к новому уровню доверия? **47**

Азимова М.Р. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества на постсоветском пространстве **69**

Щетинина Н.Н. Маргинализация политических лидеров в массовых коммуникациях современной Украины **84**

Бубнова Н.И. Американо-украинские военно-политические отношения при Зеленском: В тени «Украингейта» **94**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Pryazhnikova O.N. The development of green skills and social dialogue: International practices **31**

Trunov Ph.O. The interaction between Russia and Germany in the sphere of armed conflicts resolution: Moving to a new level of confidence? **47**

Azimova M.R. The status and prospects of military-technical cooperation in the Post-Soviet space **69**

Shchetinina N.N. Marginalization of political leaders in mass communications in modern Ukraine **84**

Bubnova N.I. U.S. relations with Ukraine under the presidency of Zelensky: The shadow of «Ukrainegate» **94**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Юрганов А.Л.
Кто создал «объединенную оппозицию» в ВКП(б) в 1926 г.? **124**

Фельдман М.А.
«Таинственная» конференция (XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) в фокусе внешнеполитического фактора и индустриального проекта) **145**

Павленко О.В.
СССР и ФРГ в годы разрядки: От вынужденного взаимодействия к прагматичному партнерству **166**

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

Шатило Д.П.
Процессы социальной дифференциации в глобальных городах Европы на примере расселения иммигрантов и стоимости жилья **202**

Булдакова Д.И.
Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в осмыслении российских СМИ 2019 г. **220**

Раренко А.А.
Социальная ответственность бизнеса в зарубежных странах и России **237**

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Yurganov A.L.
Who created the «united opposition» in the VKP(b) in 1926? **124**

Feldman M.A.
The «Mysterious» conference (XVIII all-Union party conference of the CPSU(b) in the focus of the external political factor and the Industrial project) **145**

Pavlenko O.V.
The USSR and the FRG in the Détente Era: From Forced Interaction to Pragmatic Partnership **166**

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

Shatilo D.P.
The social differentiation processes in the European global cities. The Example of the immigrants' settlement pattern and the houses prices **202**

Buldakova D.I.
The resolution of European Parliament «On the importance of European remembrance for the future of Europe», as construed in the Russian Mass Media, 2019. **220**

Rarenko A.A.
Social responsibility of business in foreign countries and in Russia **237**

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.01

M. Dembinski, M.A. Polianskii

RUSSIA AND THE WEST: CAUSES OF TENSIONS AND STRATEGIES FOR THEIR MITIGATION

Abstract. *Six years after the Crimean crisis and the subsequent phase of confrontational dissociation, the first signs of a softening of the hardened fronts are becoming visible. There is a growing realization that the policies of recent years are producing high costs, but are not offering any solutions. Western states dared to take a first step to reduce the level of tensions in summer 2019 with the decision to keep Russia in the Council of Europe. Nevertheless, caution is advisable as phases of détente in Russian-Western relations have regularly been replaced by relapses into confrontation. Against this background, we are developing a new conflict model that sheds new light on the origins of the high tensions in Russian-Western Relations and points to a way to defuse them. In a nutshell, this model maintains that the high tensions resulted from a failed association project – the famous idea of a pan-European peace project whose contours were developed during the early 1990 – and the following dissociation of Russia from this order. However, this model also assumes that a conclusion of the dissociation process creates possibilities for a reduction of tensions. Building on this theoretical assumption, the article explores how the de-facto state of separation achieved in the last years could be transformed into a more codified and stable state of coexistence on the «thinner» basis of norms and institutions.*

Keywords: *Dissociation; Russia; West; NATO; EU; tensions; Paris Charter.*

Dembinski Matthias – PhD in Political Science,
Senior Researcher
at the Peace Research Institute Frankfurt, Germany,
Frankfurt am Main.
E-mail: dembinski@hsfk.de

Polianskii Mikhail – PhD Student at the Goethe
University Frankfurt, Doctoral
Researcher at the Peace Research Institute Frankfurt,
Germany, Frankfurt am Main.
E-mail: polianskii@hsfk.de
Web of Science Researcher ID: AAS-2923-2020

Дембински М., Полянский М.А. Россия и Запад: Причины противоречий и стратегии их разрешения

Аннотация. *Спустя шесть лет после крымского кризиса и последовавшей за ним фазы конфронтационного размежевания мы становимся свидетелями первых признаков смягчения изначально непримиримых позиций конфликтующих сторон. Участники противостояния все более понимают, что в настоящее время выбранные подходы не приносят конкретных результатов. Страны Запада предприняли первый шаг на пути к купированию противоречий летом 2019 г., когда в ПАСЕ было принято решение восстановить в правах российскую парламентскую делегацию. Тем не менее, как показывает история, этапы сближения между Россией и ее западными партнерами нередко сменялись периодами конфронтации, что побуждает к особой осторожности в разработке дальнейших шагов по налаживанию отношений. Учитывая эту динамику, в данной статье мы развиваем концепцию диссоциации, которая позволяет взглянуть на кризис отношений между странами Запада и России с иной точки зрения, а также предлагаем другой путь его разрешения.*

По сути, предложенная модель описывает, каким образом неудачный эксперимент интеграции России в общеевропейскую систему безопасности, основы которой были заложены в начале 1990-х годов, привел к резкому росту напряженности в отношениях между двумя сторонами. В то же время модель предусматривает возможность снижения конфликтности в отношениях между странами в случае полного завершения диссоциации. Отталкиваясь от этого предположения, в работе анализируется, как достигнутое в последние годы де-факто состояние размежевания может быть использовано для поддержания устойчивости двух- и многосторонних отношений на менее плотном нормативном и институциональном фундаменте.

Ключевые слова: *диссоциация; Россия; Запад; НАТО; ЕС; политическая напряженность; Парижская хартия.*

Дембински Маттиас – кандидат политологии,
старший научный сотрудник Франкфуртского института
исследования проблем мира и конфликтов,
Германия, Франкфурт-на-Майне.
E-mail: dembinski@hsfk.de

Полянский Михаил Антонович – аспирант Франкфуртского
университета имени Иоганна Вольфганга Гёте,
научный сотрудник Франкфуртского института
исследования проблем мира и конфликтов,
Германия, Франкфурт-на-Майне.
E-mail: polianskii@hsfk.de
Web of Science ResearcherID AAS-2923-2020

1. Narratives of the Conflict

Six years after the explosion of tensions between Russia and the West during the Ukraine crisis, certain images of the other have been firmly established in Russia and the West.

The majority of academic and political observers in the West assign the main responsibility for this conflict to Russia (see for example: [McFaul 2018; Aslund 2019])[1]. According to this view, Russia is an inherently aggressive actor, whose hostility towards the West is driven by a variety of factors, ranging from the interest in preserving a kleptocratic system to the persistence of the «Imperial mindset» and the consolidation of Russian statehood. Two arguments in this strand of literature have gained most prominence. The first maintains that Russia acts out of insecurity and weakness, which implies that the Kremlin needs a certain level of tensions with external enemies in order to divert attention from structural deficits of its system of authoritarian rule. According to this model, successful reforms in neighbouring countries would challenge Russia's authoritarian rule and might provoke democratic «spillover» [McFaul 2018]. The approach borrows heavily from the diversionary war studies, which argue that the need to stir up conflicts with external enemies is especially prevalent in periods when the economic performance lags behind [Gerstel 2016]. The second argument maintains that Russia's willingness to confront the West is driven by Russia's sense of «borrowed strength» that results from the autocratic coalition with China. In sum, Russian revisionism manifests itself in the Kremlin's support for anti-European forces, the meddling in elections, cyberattacks, and other forms of hybrid warfare. Without the heavy investment in deterrence and defense in recent years, Russia would by now be on the march to forcefully re-integrate not only Ukraine but other former Soviet republics as well.

The predominant Russian image of the West mirrors the Western view of Russia. According to this view, the West is inherently expansionist on the one hand and suffering from civilizational decay on the other. Western policies are characterized by a sense of unilateral strength that, coupled with a self-image of liberal exceptionalism, fosters a behaviour marked by double standards. The United States has ignored legitimate Russian interests in its neighbourhood, while using values as a veil to mask its hardcore geopolitical interests. The West had exploited Russian past achievements such as acquiescence to the German unification and the failure to keep the given promises, primarily concerning NATO enlargement. Instead, it preached about «rule-based order», while violating international norms when they

1. The Western debate on Russia is or course pluralistic. Different strands of academic research offer alternative explanation of the Russian – Western conflict that stress factors like institutional capture, an unilateralist misperception of the balance of power and a neglect of legitimate Russian interests [Mearsheimer 2014] or a downward spiral of insecurity and misperceptions (see for example: [Sakwa 2017]).

were contrary to the interests of Western states [Tsygankov, Fominykh 2010]. Were it not for the strengthening of Russia's military forces, Western adventurism would have expressed itself in the admission of Georgia, Ukraine, and other Eastern European countries into NATO, and a further encirclement of Russia. At the same time, Russian observers note inherent contradictions and weaknesses not only within the liberal order but also within Western states. These internal contradictions both reinforce the perception of the «expansionistic West» and fuel expectations that Russia might be able to drive wedges into the liberal order.

To summarize, both mainstream views assign the responsibility for the conflict and the high level of enduring tensions that we observe since 2014 to the other side. At the first sight, this might come across as a Cold Warlike situation but we believe that the image of two rational actors whose antagonistic interests fuel the conflict dynamic is rather misleading.

We side with observers who notice a surprising level of emotional, irrational, and self-damaging behaviour and argue that the high level of tensions is not resulting from conflicting interests over vital issues [Forsberg 2014; Heller 2014]. In fact, the differences between Russia and the West concern relatively trivial or second-ranking matters and for the most problems, compromises or strategies to isolate contentious issues are easily conceivable. Instead, we argue that the high level of tensions and aggressive conflict behaviour are driven by feelings of frustration, anger, and lack of mutual respect that result from a failed attempt of association in an imagined institutionalized European security order and the subsequent departure of Russia from it.

In previous research, we have identified the mechanisms that explain (a) why states become entangled in institutions that overburden them and how these institutions generate tensions between their members, and (b) how tensions escalate in the process of dissociation and relationships become so polarized that antagonistic interests become dominant and completely overshadow common interests [Dembinski, Peters 2019]. Processes of dissociation can put a permanent strain on relationships. However, if dissociation is managed properly, there is (c) also the opportunity to acknowledge the separation and to stabilize a state of co-existence in such a way that, in addition to positional differences, common interests become visible again and guide action [Dembinski, Spanger 2017]. In what follows below we describe these mechanisms in more detail and show how they worked in the case of the Russian-Western relationship.

2. The Failure of Integration

Contrary to the assumptions of rationalist institutionalism, the norms and rules of institutions must not necessarily conform to the interests and needs of their member states. Institutions may develop further not according to changes in the

interests of member-states but according to the logic of path dependency and thus become estranged from their members. States may join an institution hoping to change it according to their interests like the UK tried to change the EU. Finally, states might join institutions because state elites perceive institutional norms and practices as superior and try to use membership as an «anchor» to modernize domestic norms and practices. If attempts to reform institutions or to use them as socializing agents fail, they can therefore become «inappropriate» in the sense that they overburden the participating states [Gruber 2000]. In the case of Russia's accession to Western institutions during the early 1990s, the latter two causal mechanisms played a significant part. Russia participated in the creation of a liberal order epitomized in the Charter of Paris for a New Europe because one part of the Russian elite saw Western institutions as an anchor of modernization, while another hoped to be able to influence the concrete design of this institution. This latter hope was not unrealistic as the Charter of Paris had two different dimensions. While one of them stressed liberal values like democracy, human rights, and the rule of law, the other enunciated principles of common security.

Institutionally, the pan-European order was consolidated, on the one hand, by the accession of Russia and the other Eastern European states to the Council of Europe and, on the other, through the transformation of the CSCE into the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). In this context, the OSCE established organizational units to enforce liberal norms such as the Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), the High Commissioner on National Minorities, and the Representative on Freedom of the Media. With regard to the security dimension, however, the pan-European order remained pale. Aspects of military security were taken into account in the OSCE framework by the Vienna Document of 1994, but remained limited to confidence-building as a result of the failure to implement the Adapted Conventional Armed Forces in Europe Treaty (A-CFE). Russia sought to give institutional expression to the principle of common and indivisible security through the establishment of pan-European organizations in which it would be granted the status of a guarantor of that order. Unfortunately, these attempts failed when the West refused the Medvedev initiate of reforming the OSCE. Not only did the Western states decide to maintain the primacy of NATO and the EU in European security but also opened them to all former socialist countries in Eastern Europe ignoring Russian concerns.

An eventual estrangement of Russia from this order was finalized through two developments: by insisting on primacy of liberal values as a fundament of European security and by pursuing «everything but institutions» policy with Russia. The former was deemed to fail primarily to the disastrous social consequences of the liberal economic shock therapy in the 1990s which tarnished the reputation of liberal ideas and values in the country. This development has been further supported by President Putin’s project of a «sovereign» democracy which restored strong

statehood in Russia at the expense of further erosion of liberal values and the rule of law in Russia. In the Paris Charter-based order, however, this run counter to the Russian aspirations of its status recognition, which in this system was awarded not according to size or military power but rather according to approximation to the civilizational standards (primarily in the domain of human rights). The second development was epitomized by the institutional marginalization of Russia when after the fall of the Iron Curtain the West decided to expand both NATO and the EU honestly believing that it would ensure the stability of a pan-European peace order. Russia's participation in this system was to be secured by maintaining «privileged» but non-inclusive cooperation (e.g. NATO-Russia Council, Russia-EU Summits), which was described by the former President of the European Commission Romano Prodi as «everything but institutions» [EU membership].

The states of Eastern Europe and the post-Soviet space located between EU/NATO and Russia have become the most affected side in this confrontation. Although Yeltsin and, initially, Putin, acknowledged the right to freely choose alliances provided by the principle of equal state sovereignty, they never concealed their opposition to the enlargement of NATO [Sarotte 2019]. Putin drew a red line at the 20th NATO Summit in Bucharest (2–4 April 2008), where he warned against the admission of Georgia and Ukraine into NATO, which, unlike in the 1990s, could lead to a real military backlash on the side of Russia. Even though the abovementioned NATO summit, which was considered a landmark event, ended with the compromise to admit these states without a fixed accession date, it nevertheless cemented Russian resistance to the EU's Eastern Partnership, which was introduced a year later [Lavenex 2017, p. 68]. During Putin's third presidential term he took his opposition to the Transatlantic integration initiatives one step further with the introduction of the prestige project of the Eurasian Economic Union (EAEU).

In sum, Russia found no rightful place in the Paris Charter-based order not because of its lack of military might or size, but rather due to its authoritarian turn [Hill 2018]. Moreover, the liberal norms of this order were perceived to be working against the Russian interpretation of the principle of common security, as they allowed for the expansion of NATO and the EU into the post-Soviet space without giving Russia a chance of becoming part of them [Арбатов 2010]. However, the Russian objections to Western enlargement policies were largely ignored [Krastev, Leonard 2014, p. 2] which eventually made compromises on its reparation unattainable.

3. Dissociation

When states withdraw from institutionalized social orders, according to the dissociation model, conflicts escalate, involved issues become «securitized», and the tensions which caused the failure of integration are released. The latter can be-

come visible both between the outgoing and the remaining states as well as impact internal politics of individual states. Like integration, dissociation also produces social winners and losers as during the polarization of relationships antagonistic interests often come to the fore and common interests are pushed into the background. Lending from the social psychology research, dissociation studies assert that states, like separating individuals, tend to ascribe only negative attributes to their former partners due to their ongoing emotional involvement in the relationship. When, on the other hand, both parties consider the relations to be over and do not feel emotionally bound by them, the level of tensions in the process of separation proves to be extremely low [Grau 2002].

We argue that despite common interests identified in Russian and Western position papers, the conflict between both sides spiraled out of control precisely because they are too emotionally involved in it and refuse to accept the status quo. It is hard to name the specific date when the dissociation has started but its first signs have been already evident during the Orange Revolution in Ukraine and Putin's reaction to it, followed by his speech at the Munich Security Conference in 2007. With the crisis of 2014, however, the competition was transformed from influence-seeking into a military stand-off over territorial control. The operation in Crimea succeeded relatively quickly, but the conflict in Eastern Ukraine turned out to be extremely protracted and to date over 13,000 people have fallen victim to the war there.

Apart from «geographical» dissociation in Eastern Europe, relations between Russia and the West have polarized in other spheres too. Indicators of the tensions are the dramatic increase in dangerous military incidents [Kristensen, Korda 2020, p. 50; Kulesa, Frear, Raynova 2016], the arms race, and the various covert operations [Schnaufer 2017], which in the West are characterized as «hybrid warfare». In response to the Russian actions in Crimea and the support of the insurgents in the Donbass, the EU and the United States have introduced comprehensive restrictive measures which led to the downsizing of the trade level between the EU and Russia by almost half from 2013 to 2015. Russia reacted to Western sanctions with similar countermeasures by banning the import of numerous agricultural products and introducing travel restrictions directed against an officially undisclosed list of persons [Fischer 2017]. After the traumatic experience of 2014 both sides started to realize the meaningless of further integration attempts too. There are no serious political discussions of resuming G8 or Russia-EU Summit formats, Russia-NATO Council is paralyzed, and the Council of Europe and OSCE have become places for blame game.

Apart from the general Russia-EU dissociation we can also observe regional dimension of this phenomenon. Most prominently we can observe Ukraine's consequential «unbundling» from Russia which has included dissolution of economic interdependencies between the two countries and a reduction of the Ukrainian

dependence on Russian gas. Apart from that, the use of the Russian language is being further restricted in public spaces and the Ukrainian Orthodox Church has officially distanced itself from the Moscow Patriarchate. Finally, the infrastructural decoupling of the two countries has also significantly progressed in the last years epitomized by the opening of the Crimean Bridge connecting the peninsula and mainland Russia in 2018.

As mentioned earlier, apart from multi- and bilateral relations, dissociation has taken place in domestic politics too. Thus, we can observe how this phenomenon manifests itself in Russian internal political dynamics. By abandoning its plans to become part of the political West, Russia openly positioned itself as an opponent of this system. Moreover, the Russian leadership denounced the alleged decadence of the West and criticized it for betraying the «true» European values, while propagating alternative «traditional» values [Караганов 2016; Lipman 2016]. Finally, this policy has led to the marginalization of supporters of Russia's pro-Western orientation as they were equaled with the morally corrupt and decadent West.

In sum, Russia is no longer seen as part of the political West and Ukraine is no longer part of a Russian «orbit of influence». The camp of those who assume Russia's historical, cultural, and economic «attachment» to Europe and who want to save or restore as much as possible of its integration into the Paris Charter order has clearly lost influence since 2014 compared to the camp of those who assume substantial and lasting differences with the liberal European order: «The breaking news is that Russia's epic westward quest is finally over. Repeated and invariably abortive attempts to become part and parcel of the Western civilization, to get into the "good family" of European nations have ground to a final halt» [Сурков 2018]. Dmitry Suslov summed up the confrontation logic in in the following manner: «Russia had burned all bridges with its actions in Crimea. Unlike in the aftermath of the Georgian crisis of 2008, both sides have now become entangled in a vicious circle of confrontation where the only way out is the capitulation of the other side» [Суслов 2014]. On the whole, most Russian observers believe that the assumption that Russia will modernise and Europeanise with closer ties to Western institutions is a thing of the past. Although Russia is still culturally European [Иванов 2018; Кортунов 2019], overall, it is neither Asian nor European, but simply Russian [Trenin 2019].

On the Western side it is not only pragmatic realists like Thomas Graham [Graham 2019] who accept that Russia should remain as it is, but also some more liberal thinkers [Kadri 2019, p. 6]. The establishment of the current regime is Russia, which has been epitomized by the campaign to amend the Russian Constitution, is now only commented on with mockery, but is no longer sanctioned with protest. At best, there is still discussion whether the hope of the 1990s that Russia was on the way to a liberal society was a fundamental misunderstanding or whether the transition was blocked by some unforeseen factors.

This might give hope that involved states finally start to realize that ever-growing tensions are not the only option. If dissociation is managed correctly by both sides, it can open up windows of opportunities to avoid further escalations. As the level of relationships is lowered, so are the mutual normative expectations that used to cause friction in the relations between the involved parties. If both sides officially recognize the current level of dissociation, the next logical step would be to politically secure the actual separation and to stabilize a state of coexistence, particularly in Eastern European.

The Post-Soviet space plays the most prominent role in securing mutually acceptable level of predictability. Realizing that to avoid competition in the region altogether is rather too optimistic in the current situation, we argue that instead of the Cold War-like geographical division, the competition could take more subtle and functional forms. The seemingly incompatible positions of Russia and the West, where the former insist on «zones of privileged interest» while the latter emphasizes the respect for sovereignty could eventually be bridged if the parties agree on the possibility of «dividing responsibilities» within individual countries. This too could heighten tensions, but to avoid economic problems slipping into military dimension these states should be offered an option of becoming military neutral which should enable them to simultaneously uphold close economic ties with both Russia (e.g. in EAEU) and EU (free-trade agreements) without risking that one side would try to secure their economic influence with «boots on the ground». If all the parties involved could agree on this type of formula it would create a sustainable foundation for Russian-Western peaceful co-existence.

4. Proposals for a completion of the dissociation process: No enlargement of NATO and no Russian interference in the right of political and economic self-determination

The process of dissociation, especially during its early phases, tends to increase tensions. However, as dissociation is completed or has reached a new equilibrium, opportunities arise for a recognition and stabilization of the new relationship of co-existence. If properly managed, this arrangement leads to a reduction of tensions, a re-evaluation of antagonistic and common interests, willingness to isolate antagonistic positions and cooperate on the basis of common interests.

Six years after the beginning of the Ukrainian crisis the first signs of Russia's progressive dissociation from the Paris Charter-based order are clearly discernable. The initial high level of tensions has been reduced and involved states begin to reassess the balance of antagonistic and common interests. However, given the deep mistrust, the chances are that there are actors on both sides who suspect the others of hoping to acquire concessions by increasing pressure on the other. Realizing this lingering uncertainty, we present proposals on how the achieved level of disso-

ciation could be instrumentalized to avoid dangerous escalations as well as ensure minimal level of cooperation on significant issues.

First of all, it is not expected that central differences will be resolved soon. An agreement on the status of Crimea and a lifting of the sanctions related to this part of the conflict would at best be possible in the course of a fundamental understanding between Russia and Ukraine. As long as such an understanding is missing, differences over regional conflicts and the interventions in these conflicts are also likely to remain. At the global level, relations between Russia and the West will remain strained but despite remaining differences, a less confrontational relationship might be possible if both sides could codify the achieved level of dissociation with regard to norms and guiding principles in the post-Soviet space. The demarcation of influence in the states between NATO/EU, on the one hand, and Russia, on the other hand, could prove to be extremely difficult for the Russian concept of full sovereignty for major powers, including the demand for influence in the post-Soviet space, is indeed ambiguous. Yet, we do not see a revisionist agenda in Russian actions. In the West, too, the political willingness to expand membership of NATO and the EU is de facto declining, as it is more focused on consolidating the institutional status quo. This should not prevent, however, the EU from living up to its geopolitical responsibilities, especially in Ukraine after the United States has abolished the position of Ukraine coordinator in State Department and essentially withdrew from the conflict. The task of Germany and France as leaders of the Western world would be to link the renunciation of NATO enlargement only in exchange for Russia's good will in settlement of remaining militarized conflicts in the region and Moscow's guarantees for observation of Eastern European states' political, social, and economic self- determination rights.

Secondly, by deciding to keep Russia in the Council of Europe, the West has secured institutional ties but created a potentially difficult situation for there is still no discernible common normative basis for a constructive dispute settlement over the key questions concerning democracy, human rights, and the rule of law. Left untouched, the current structure will lead to perpetuation of the blame game at best, and at worst could in turn fire up tensions in other issue areas. To mitigate this danger, the West should refrain from using the Council of Europe as an arena for «naming and shaming» Russia and instead focus on practical solutions and achievable improvements of human rights in Russia in ECHR where the latter still indicates some willingness to cooperate. Thus, instead of putting liberal norms in the center of stability on the continent, it is more advisable to elaborate albeit «thinner» but more sustainable normative basis that would reaffirm principles of inviolability of borders, define what constitutes non-interference in internal affairs and respect for state sovereignty. Taking the aforementioned into account it is OSCE (e.g. under the auspices of Structured Dialogue) and not Council of Europe, which should

become the platform to elaborate a new normative basis for the fragile relations between Russia and the West.

This, by no means, implies that the West should put aside its own political values and convictions. The attitude of tolerance associated with the state of coexistence is not unlimited and should not be confused with value relativism [Dembinski, Spanger 2017, p. 25]. The demand of authoritarian regimes that, in the interest of cooperation, they should refrain from criticizing the internal conditions in their countries is unacceptable. In order to showcase the advantages of their own model, Germany and the EU should keep their borders open for information and ideas as well as promote social exchange, for example by facilitating the granting of visas and extending study opportunities and temporary work permits both for Russia and countries of the Eastern Partnership.

Essentially, there are two scenarios how Russian-Western relations might develop in the foreseeable future. In an optimistic one both sides manage to codify the achieved level of dissociation and stabilize the state of co-existence by renouncing a further enlargement of NATO and the EU in exchange for Russia's acknowledgement that the post-Soviet republics are fully sovereign with regard to organizing their political and economic affairs under the condition of their military neutrality. The second possible option is continuation of the current conflict which would entail considerable costs and risks for all sides. Avoiding these costs and risks is in the interest of all parties and the continuation of current myopic crisis management is likely only to increase them.

Библиография

Арбатов А.Г., Ознобищев С.К. Почему мы не понимаем друг друга? Военно-промышленный курьер // Военно-промышленный курьер. 2010.28.07. URL: https://carnegie.ru/2010/07/28/ru-pub-41520 (дата обращения: 14.06.2020).

Иванов И.С. РФ и Европа: от романтики к прагматике // Российский совет по международным делам: Официальный сайт. 2018.29.01. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/ (дата обращения: 14.06.2020).

Караганов С.С. С Востока на Запад, или Большая Евразия // Россия в глобальной политике. 2016.25.10. URL: https://globalaffairs.ru/articles/s-vostoka-na-zapad-ili-bolshaya-evraziya/ (дата обращения: 14.06.2020).

Кортунов А.В. Битва прагматиков со скептиками. Что означает возвращение России в ПАСЕ // Российский совет по международным делам: Официальный сайт. 2019.28.06. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-pragmatikov-so-skeptikami-chto-oznachaet-vozvrashchenie-rossii-v-pase/ (дата обращения: 14.06.2020).

Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018.04.09. URL: https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/ (дата обращения: 14.06.2020).

Суслов Д.В. Всерьез и надолго. Глобальные аспекты новой конфронтации России и США // Россия в глобальной политике. 2014.11.11. URL: https://globalaffairs.ru/articles/vserez-i-nadolgo/ (дата обращения: 14.06.2020).

Aslund A. Russia's Crony Capitalism. The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven: Yale UP, 2019. 336 p.

Dembinski M., Peters D. Dissoziation als Friedensstrategie? Konturen eines Forschungsprogramms // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. 2019. Vol. 26. Iss. 2. S. 88–105.

Dembinski M., Spanger H.-J. «Plural Peace» – Principles of a New Russia Policy // PRIF Reports. 2017. N 145. 37 p. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/PRIF-Report_145.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

EU membership? On Sunday, 2 May 2004, Sir David Frost interviewed Romano Prodi, President of the European Union // BBC News. 2004. 2 May. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/breakfast_with_frost/3678181.stm (дата обращения: 18.10.2020).

Fischer S. A permanent state of sanctions? Proposal for a more flexible EU sanctions policy toward Russia // Berlin' SWP News. 2017. N 11. P. 1–8. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/51615/ssoar-2017-fischer-A_permanent_state_of_sanctions.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2017-fischer-A_permanent_state_of_sanctions.pdf (дата обращения: 11.09.2019).

Forsberg T. Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. Iss. 3–4. P. 323–331.

Gerstel D. Motivations of the Kremlin // Swarthmore International Relations Journal. 2016. Iss. 1. P. 31–36.

Graham T. Let Russia Be Russia // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. Nov.-Dec. P. 134–146. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2019-10-15/let-russia-be-russia (дата обращения: 11.09.2019).

Grau I. Erleben und Verarbeiten von Liebeskummer // Zeitschrift für Psychologie. 2002. Vol. 210. Iss. 2. S. 87–98.

Gruber L. Ruling the World Power Politics and the Rise of Supranational Institutions. NY; Ithaca, 2000. 336 p.

Heller R. Russia’s quest for respect in the international conflict management in Kosovo // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. Iss. 3–4. P. 333–343.

Hill W.H. No Place for Russia. European Security Institutions since 1989. NY: Columbia University Press, 2018. 536 p.

Kadri L. In Search of «Business not as Unual» with Russia // European Council of Foreign Relations. 2019. May 29. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_business_not_as_usual_russia_eu_us_relations/ (дата обращения: 17.06.2020).

Krastev I., Leonard M. The New European Disorder // European Council on Foreign Relations. 2014. Nov. 20. P. 1–9. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/ECFR117_TheNewEuropeanDisorder_ESSAY.pdf (дата обращения: 17.06.2020).

Kristensen H., Korda M. United States Nuclear Forces, 2020 // Bulletin of the American Scientists. 2020. Vol. 76. Iss. 1. P. 46–60.

Kulesa Ł., Frear T., Raynova D. Leadership Network Managing Hazardous Incidents in the Euro-Atlantic Area: a New Plan of Action // European leadership network. 2016. Nov. 70 p. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2017/10/ELN-Managing-Hazardous-Incidents-November-2016.pdf. 2016. Nov. (дата обращения: 14.06.2020).

Lavenex S. On the fringes of the European peace project: The neighbourhood policy’s functionalist hubris and political myopia // The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. N 1. P. 63–76.

Lipman M. At the Turning Point to Repression: Why There Are More and More «Undesirable Elements» in Russia // Russian Politics & Law. 2016. Vol. 54. Iss. 4. P. 341–350.

McFaul M. From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America. London: Penguin Books, 2018. 544 p.

Mearsheimer J.J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. P. 77–84.

Sakwa R. Russia against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order, Cambridge: University Press, 2014. 370 p.

Sarotte M.E. How to Enlarge NATO: The Debate inside the Clinton Administration, 1993–95 // International Security. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 7–41.

Schnaufer T. Redefining Hybrid Warfare: Russia's Non-linear War against the West // Journal of Strategic Security. 2017. Vol. 10. Iss. 1. P. 17–31.

Trenin D. It's Time to Rethink Russia's Foreign Policy Strategy // Carnegie Moscow Center. 2019. URL: https://carnegie.ru/commentary/78990 (дата обращения: 14.06.2020).

Tsygankov P., Fominykh F. The Anti-Russian Discourse of the European Union: Causes and Main Targets // Russian Politics & Law. 2010. Vol. 48. Iss. 6. P. 19–34.

References

Arbatov A.G., Oznobishhev S.K. Pochemu my ne ponimaem drug druga? Voenno-promyshlennyj kur'er. Voenno-promyshlennyj kur'er [Why do we not understand each other? Military-industrial courier. Military-industrial courier]. 2010.28.07 (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Aslund A. Russia's Crony Capitalism. The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven: Yale UP, 2019. 336 p.

Dembinski M., Peters D. Dissoziation als Friedensstrategie? Konturen eines Forschungsprogramms. Zeitschrift für Internationale Beziehungen. 2019. Vol. 26. Iss. 2. S. 88–105.

Dembinski M., Spanger H.-J. «Plural Peace» – Principles of a New Russia Policy. PRIF Reports. 2017. N 145. 37 p. URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/PRIF-Report_145.pdf (date of access: 28.08.2020).

EU membership? On Sunday, 2 May 2004, Sir David Frost interviewed Romano Prodi, President of the European Union // BBC News. 2004. 2 May. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/breakfast_with_frost/3678181.stm (date of access: 18.10.2020).

Fischer S. A permanent state of sanctions? Proposal for a more flexible EU sanctions policy toward Russia. Berlin' SWP News. 2017. N 11. P. 1–8. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/51615/ssoar-2017-fischer-A_permanent_state_of_sanctions.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2017-fischer-A_permanent_state_of_sanctions.pdf (date of access: 11.09.2019).

Forsberg T. Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases. Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. Iss. 3–4. P. 323–331.

Gerstel D. Motivations of the Kremlin. Swarthmore International Relations Journal. 2016. Iss. 1. P. 31–36.

Graham T. Let Russia Be Russia. Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. Nov.-Dec. P. 134–146. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2019-10-15/let-russia-be-russia (date of access: 11.09.2019).

Grau I. Erleben und Verarbeiten von Liebeskummer. Zeitschrift für Psychologie. 2002. Vol. 210. Iss. 2. S. 87–98.

Gruber L. Ruling the World Power Politics and the Rise of Supranational Institutions. NY; Ithaca, 2000. 336 p.

Heller R. Russia's quest for respect in the international conflict management in Kosovo. Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. Iss. 3–4. P. 333–343.

Hill W.H. No Place for Russia. European Security Institutions since 1989. NY; Columbia University Press, 2018. 536 p.

Ivanov I.S. RF i Evropa: ot romantiki k pragmatike [Russia and Europe: from Romance to Pragmatics]. Russian Council for International Affairs: Official Website. 2018.29.01. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/ (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Kadri L. In Search of «Business not as Unual» with Russia. European Council of Foreign Relations. 2019. May 29. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_business_not_as_usual_russia_eu_us_relations/ (date of access: 17.06.2020).

Karaganov S.S. S Vostoka na Zapad, ili Bol'shaja Evrazija. Rossija v global'noj politike [From East to West, or Greater Eurasia. Russia in global politics]. 2016.25.10. URL: https://globalaffairs.ru/articles/s-vostoka-na-zapad-ili-bolshaya-evraziya/ (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Kortunov A.V. Bitva pragmatikov so skeptikami. Chto oznachaet vozvrashhenie Rossii v PASE [Battle of pragmatists with skeptics. What does Russia's return to PACE mean?]. Russian Council for International Affairs: Official Website. 2019.28.06. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-pragmatikov-so-skeptikami-chto-oznachaet-vozvrashchenie-rossii-v-pase/ (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Krastev I., Leonard M. The New European Disorder. European Council on Foreign Relations. 2014. Nov. 20. P. 1–9. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/ECFR117_TheNewEuropeanDisorder_ESSAY.pdf (date of access: 17.06.2020).

Kristensen H., Korda M. United States Nuclear Forces, 2020. Bulletin of the American Scientists. 2020. Vol. 76. Iss. 1. P. 46–60.

Kulesa Ł., Frear T., Raynova D. Leadership Network Managing Hazardous Incidents in the Euro-Atlantic Area: a New Plan of Action. European leadership network. 2016. Nov. 70 p. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2017/10/ELN-Managing-Hazardous-Incidents-November-2016.pdf. 2016. Nov. (date of access: 14.06.2020).

Lavenex S. On the fringes of the European peace project: The neighbourhood policy's functionalist hubris and political myopia. The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. N 1. P. 63–76.

Lipman M. At the Turning Point to Repression: Why There Are More and More «Undesirable Elements» in Russia. Russian Politics & Law. 2016. Vol. 54. Iss. 4. P. 341–350.

McFaul M. From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America. London: Penguin Books, 2018. 544 p.

Mearsheimer J.J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin. Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. P. 77–84.

Sakwa R. Russia against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order, Cambridge: University Press, 2014. 370 p.

Sarotte M.E. How to Enlarge NATO: The Debate inside the Clinton Administration, 1993–95. International Security. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 7–41.

Schnaufer T. Redefining Hybrid Warfare: Russia's Non-linear War against the West. Journal of Strategic Security. 2017. Vol. 10. Iss. 1. P. 17–31.

Surkov V. Odinochestvo polukrovki (14+). Rossija v global'noj politike [Solitude of a half-breed (14+). Russia in global politics]. 2018.04.09. URL: https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/ (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Suslov D.V. Vser'ez i nadolgo. Global'nye aspekty novoj konfrontacii Rossii i SShA. Rossija v global'noj politike [Seriously and for a long time. Global aspects of the new confrontation between Russia and the United States. Russia in global politics] 2014.11.11. URL: https://globalaffairs.ru/articles/vserez-i-nadolgo/ (date of access: 14.06.2020). (In Russ.)

Trenin D. It's Time to Rethink Russia's Foreign Policy Strategy. Carnegie Moscow Center. 2019. URL: https://carnegie.ru/commentary/78990 (date of access: 14.06.2020).

Tsygankov P., Fominykh F. The Anti-Russian Discourse of the European Union: Causes and Main Targets. Russian Politics & Law. 2010. Vol. 48. Iss. 6. P. 19–34.

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.02

А.В. Антошин

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: В ПОИСКАХ КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ИДЕИ

Аннотация. *Статья посвящена судьбе феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны. Статья анализирует положение и морально-психологическое состояние тех, кто эмигрировал из России вследствие революции, после Второй мировой войны. Большое внимание уделено попыткам старых эмигрантов сохранить существовавшие до Второй мировой войны институты Русского зарубежья. Охарактеризована эволюция форм деятельности данных институтов.*

Большое внимание уделено феномену «второй волны» эмиграции из Советского Союза. Автор показывает, что современники выделяли в ее составе две группы лиц: «новых» эмигрантов (бывшие военнопленные Красной армии, «остарбайтеры», коллаборационисты времен Второй мировой войны) и «новейших» эмигрантов («перебежчики», солдаты и офицеры, которые дезертировали из размещенных в Европе частей Красной армии). Показано, что обе группы эмигрантов сыграли свою роль в мифологизации исторической памяти России (прежде всего, связанной с событиями Второй мировой войны). В статье анализируется политическая символика, использовавшаяся эмигрантами «второй волны». Доказано, что происходила эволюция этой символики, того политического лексикона, который преобладал в дискурсе эмигрантов «второй волны». Автор показывает, что большое влияние на эту эволюцию оказало взаимодействие представителей разных волн русской эмиграции.

В статье показано, что серьезное влияние на эмигрантский политический дискурс послевоенной эпохи оказывали различные западные структуры, которые взаимодействовали с русскими эмигрантами. Отмечается их стремление «переформатировать» феномен Русского зарубежья в соответствии с установками, преобладавшими в кругах политической и интеллектуальной элиты стран Запада.

Ключевые слова: *Русское зарубежье; русская эмиграция; «вторая волна» эмиграции из СССР; «власовцы»; «перебежчики»; «холодная война»; Мюнхенский институт по изучению СССР; меньшевистская эмиграция.*

Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Уральского федерального университета, Россия, Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: F-9881-201
Scopus Author ID: 57194726801

Antoshin A.V. Russia Abroad after the Second World War: In search of a consolidating idea

Abstract. *The article highlights the phenomenon of the Russia Abroad after World War II. The situation, moral and psychological state, the fate of those who emigrated from Russia after the revolution and World War II are analyzed. Much attention is paid to the attempts of the old emigrants to preserve the institutions of the Russian diaspora that existed before World War II. The evolution of these institutions' forms of activity is characterized.*

Much attention is paid to the phenomenon of the Second wave of Soviet emigration. The author writes that contemporaries identified two groups in that society: the so-called new emigrants (former prisoners of the Red Army, «ostarbeiters», collaborators of the Second World War) and the so-called newest emigrants («defectors», soldiers and officers who deserted from the quartered in Europe parts of the Red Army). It is shown that both groups of emigrants played a role in the historical memory of Russia mythologization (primarily associated with World War II).

The author analyzes the political symbols used by the Second wave emigrants, proving that there was an evolution of this symbolism and the political vocabulary that prevailed in the discourse of the Second wave of emigration. The author proves that the interaction of representatives of different waves of Russian emigration had a great influence on this evolution.

The author draws attention to the fact that various Western structures, interacted with Russian emigrants, had a serious impact on the e political discourse of the emigrants in the post-war era. Their desire to «reformat» the phenomenon of Russia Abroad in accordance with the attitudes prevailing in the circles of the political and intellectual elite of Western countries is also note by the author.

Keywords: *Russia Abroad; Russian emigration; Second wave of Soviet emigration; Vlasovites; perebezhchiks; Cold War; Munich Institute on Soviet studies; Mensheviks in exile.*

Antoshin Alexey Valerevich. – Doctor of History, Professor,
Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg.
Email: alex_antoshin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: F-9881-201
Scopus Author ID: 57194726801

Русское зарубежье представляет собой феномен, вызывающий большой интерес не только у исследователей, но и у достаточно широких кругов российского общества. Это связано с тем, что в 1920–1930-е годы русские эмигранты в самых разных странах мира ощущали свою сопричастность к явлению, которое часто сами именовали «Россией № 2». Граждане зарубежной России, обычно негативно относившиеся к перспективе принятия подданства стран пребывания, предпочитали называть себя «изгнанниками», подчеркивая тем самым вынужденность (и, как им представлялось, временный характер) своего пребывания на чужбине. Антибольшевизм во многом выступал

как один из консолидирующих факторов в «русском рассеянии», наряду с ярко выраженным патриотизмом и стремлением сохранить национальную идентичность, отказом от ассимиляции.

Все эти явления уже не раз анализировались в исторической литературе. В Москве существует Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, миссией которого является сохранение исторической памяти о данном феномене. За последние четверть века было проведено множество научных и просветительских мероприятий по данной тематике, некоторые из которых стали традиционными (петербургские «Нансеновские» и «Слепухинские» чтения, московский форум «Люди и судьбы Русского зарубежья» и др.).

Процесс накопления знаний привел к тому, что исследователи стали гораздо глубже подходить к анализу такого явления, как «волны» Русского зарубежья. В частности, значительное внимание стало уделяться «поколенческой тематике», которая применительно к феномену Русского зарубежья во многом была открыта в известной книге В.С. Варшавского. В работах современных исследователей М.А. Васильевой, Ю.В. Матвеевой, М.Н. Мосейкиной и др. анализируется специфика психологических и ценностных установок представителей разных поколений русской эмиграции [Васильева 2008; Матвеева 2016; Мосейкина 2016 и др.].

Вместе с тем при характеристике Русского зарубежья исследователи очень часто останавливаются на эпохе Второй мировой войны. Глобальный военный конфликт нередко воспринимается как ключевой водораздел в истории данного феномена, после которого говорить о Русском зарубежье уже не приходится.

Так ли это? Исчезли ли после Второй мировой войны те ключевые признаки, которые отличали довоенное Русское зарубежье? Данный вопрос, на наш взгляд, является одним из ключевых в исследовании российской эмиграции. Именно судьбе феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны и посвящена данная статья.

Бесспорно, трудно отрицать, что Вторая мировая война стала одной из ключевых вех в истории русской эмиграции. Она кардинально изменила геополитическую ситуацию в Европе, а ее ход и результаты оказали огромное воздействие на ситуацию в таких довоенных центрах Русского зарубежья, как Берлин, Прага, Братислава, Белград, София, Варшава, Рига, Таллинн. Связанные с изменениями линии фронта «великие переселения народов», ставшие одним из знаковых явлений военных лет в Европе, затрагивали и семьи русских эмигрантов [Фариа-и-Кастро – Е.В. Саблину]. В результате разрушались семейные «гнезда», русские эмигранты теряли связи со своими родственниками и друзьями (нередко на годы, но чаще – навсегда).

События Второй мировой войны оказали чрезвычайно важное воздействие и на морально-психологическую атмосферу в своеобразной «столице

русского изгнания» – Париже. Часть русских эмигрантов примкнула к Движению Сопротивления, которое включало в себя людей самых разных взглядов. Уже в Советском Союзе были опубликованы мемуары некоторых репатриантов, посвященные борьбе русских эмигрантов против нацистской оккупации Франции [Сухомлин 1965; Андреев 1974 и др.]. Однако далеко не все участники Движения Сопротивления были приверженцами коммунистической идеологии, о чем свидетельствует, например, содержание дневника Б. Вильде [Вильде 2005]. Консолидирующим фактором выступало неприятие коллаборационизма, символом которого стала деятельность Управления по делам русской эмиграции во Франции во главе с Ю.С. Жеребковым (см.: [Сабенникова 2010] и др.). Так война углубила идейно-политический раскол Русского Парижа, возникший еще в 1930-х годах.

Серьезным (хотя, конечно, далеко не единственным) дезинтегрирующим фактором в истории русской эмиграции невольно оказался и всплеск патриотических настроений, случившийся в эмигрантской среде в годы Второй мировой войны. Стремление помочь оказавшейся в смертельной опасности Родине, гордость за победы русского оружия привели к тому, что часть русских эмигрантов начала активно сотрудничать с дипломатическими представительствами СССР [Е.В. Саблин – А.В. Тырковой-Вильямс 1945]. Безусловно, этот процесс начался еще в 1930-е годы (когда стал формироваться феномен новых «оборонцев»), раскол в эмигрантской среде шел по многим линиям, однако Вторая мировая война существенно усилила данную тенденцию. Принятие некоторыми эмигрантами советского гражданства нередко не сопровождалось возвращением человека на Родину (официальные структуры СССР очень избирательно давали на это разрешение), однако зачастую приводило к исключению таких людей из эмигрантских объединений. Становясь советским гражданином, человек переходил в иную категорию, что нередко вело и к разрыву личных контактов со старыми друзьями и соратниками.

Все указанные выше обстоятельства оказывали и мощное негативное психологическое воздействие на старых эмигрантов. Безусловно, играл роль и тот фактор, что к середине 1940-х годов многие эмигранты «первой» послереволюционной волны были уже весьма немолодыми людьми, на долю которых выпали тяжелейшие испытания: Русская революция, Гражданская война, две мировые войны. У многих из них уже не оставалось физических и психологических сил, чтобы воссоздать институты Русского зарубежья, существовавшие до войны [Новое о Буниных 1992, с. 310].

Этому способствовал и «кризис мотивации», характерный для многих эмигрантских общественных деятелей. Возникшие в 1920-е годы институты Русского зарубежья создавались для того, чтобы обеспечить существование альтернативной, зарубежной, России, подготовив ее к новому этапу борьбы с большевизмом за возвращение на Родину. Однако Советская власть оказалась

гораздо более жизнеспособным феноменом, чем думали эмигранты. В результате уже в 1930-е годы наступает понимание того, что рассчитывать на близкое падение большевизма не приходится. Исход Второй мировой войны неизмеримо поднял международный авторитет Советского Союза, сделав позиции советского руководства еще более прочными. В этих условиях часть эмигрантов стала ощущать бессмысленность продолжения существования эмигрантских структур.

Тем не менее многие институты «русского рассеяния» после Второй мировой войны уцелели. Как показывают исторические источники и научные работы [Ершов 2001, с. 111], в Париже и после Второй мировой войны продолжили свое существование военные эмигрантские организации, казачьи союзы, объединения выпускников учебных заведений и т.п. Безусловно, постепенно их деятельность затухала, менялись ее формы (основное внимание все больше уделялось мероприятиям мемориального плана). Однако эти институты Русского зарубежья продолжали выполнять свою консолидирующую функцию, одновременно сохраняя историческую память о России и ее прошлом.

Вместе с тем эмигранты «первой» послереволюционной волны не могли игнорировать факт появления в результате Второй мировой войны масс недавних выходцев из Советского Союза. Это были военнопленные Красной армии, «остарбайтеры», коллаборационисты и т.д. Они стали «перемещенными лицами», часть из них сформировала новую, вторую эмиграцию. Кроме того, после Второй мировой войны, особенно на рубеже 1940–1950-х годов развивается феномен, который в эмигрантской прессе получил название «новейшая» эмиграция: «перебежчики», солдаты и офицеры, дезертировавшие из расквартированных в Европе частей Советской армии и т.д. Часто они воспринимаются как элемент эмиграции «второй» волны, хотя в реальности отношения между этими двумя группами сразу же стали весьма напряженными. «Новой» эмиграции не нравилось, что «новейшим» (которых были единицы по сравнению с массами «перемещенных лиц») западная пресса уделяла большое внимание [М. Дутиков – Б.И. Николаевскому 1948]. В свою очередь среди «новейших» эмигрантов преобладали те, кто в годы войны воевал в Красной армии против нацизма, поэтому коллаборационистское прошлое некоторых эмигрантов «второй» волны было для них неприемлемо [К выборам 1953, с. 25].

Нельзя не обратить внимание на те структуры, которые были созданы «новыми» и «новейшими» эмигрантами, на их взаимоотношения с традиционными институтами Русского зарубежья. У «новой» эмиграции оказались свои институты, консолидировавшие ее: речь идет о феномене власовских организаций. Спецификой, бесспорно, являлся подчеркнуто политический характер этих объединений, акцент на антикоммунизм как стержневую идеологиче-

скую установку. Безусловно, для структур, созданных бывшими бойцами РОА, была характерна мифологизация исторической памяти о власовской армии и ее командующем. Именно бывшие власовцы внесли немалый вклад в создание ряда мифов о Второй мировой войне. Прежде всего следует отметить феномен Освободительного движения, который, по заявлениям бывших офицеров РОА, объединял значительную часть советского общества [Троицкий 2006]. Явно преувеличивались характерные для военных лет настроения политического протеста. При этом «на заднем плане» оставался вынужденный характер перехода многих солдат и офицеров на сторону Власова, связанный с условиями немецкого плена.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В первые послевоенные годы была предпринята попытка консолидации русской эмиграции вокруг фигуры генерала Власова как нового символа антибольшевистского сопротивления, которая и сопровождалась указанной выше мифологизацией событий Второй мировой войны. Однако эта попытка, предпринятая власовской частью «второй» эмиграции, все-таки не удалась: коллаборационизм вызывал отторжение у значительной части эмигрантской общественности (в частности, у политиков социалистического и леволиберального толка).

В определенной степени мифологизация была присуща и «новейшим» эмигрантам. Они также предприняли попытку конструирования исторической памяти, формирования картины прошлого, которая бы логично встраивалась в их идеологические установки. Значительная доля среди «новейших» бывших солдат и офицеров Красной армии обусловила попытки формирования в их среде представлений об особой роли офицерского корпуса в оппозиционном движении России. Подчеркивая принадлежность к русской военной элите лидеров-декабристов, «новейшая» эмиграция стремилась доказать, что их преемником выступала репрессированная И.В. Сталиным довоенная верхушка Красной армии во главе с М.Н. Тухачевским [Первая конференция 1951, с. 182]. Сами «новейшие» эмигранты соответственно выступали как продолжатели дела М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича и других расстрелянных военачальников.

Весьма показательно то обстоятельство, что в политическом лексиконе «второй эмиграции» первоначально весьма активно была представлена идеологическая символика, связанная с традициями революционной и оппозиционной интеллигенции дореволюционной России. Настойчивое использование «второй волной» таких конструктов, как «Освободительное движение», «освобождение народов России» и т.д. было не случайно: «власовцы» и их союзники как бы подчеркивали, что они ассоциировали себя с Россией не Николая II и Столыпина, а Герцена и лидеров Кронштадтского восстания [Кронштадтская платформа 1997]. В этой стилистике были выдержаны и названия печатных изданий «второй эмиграции»: «Голос народа», «Борьба» и т.д.

Безусловно, здесь играло свою роль советское воспитание лидеров новой эмиграции. Однако следует учесть еще одно обстоятельство. Первыми эмигрантскими политиками, с которыми зачастую сталкивались бывшие советские люди в лагерях для «перемещенных лиц» были представители леволиберальной и социалистической интеллигенции. Такие известные старые меньшевики, как Б.И. Николаевский и Д.Ю. Далин (позднее ставшие одними из основоположников американской советологии), весьма активно выходили на контакт с «новыми» и «новейшими» эмигрантами, оказывая им разнообразную помощь. В лагерях для «перемещенных лиц» распространялся меньшевистский «Социалистический вестник», зачастую являвшийся первым русскоязычным печатным изданием, которое доводилось прочитать бывшим советским людям [Базанов 2008, с. 282–285]. Упомянутые выше Б.И. Николаевский и Д.Ю. Далин пытались оказывать влияние и на политическую палитру «второй» эмиграции, находясь у истоков создания некоторых издательских проектов «новых» и «новейших» эмигрантов. Естественно, что, осуществляя всю эту деятельность, леволиберальная и социалистическая эмигрантская интеллигенция надеялась на то, что в политическом сознании «новых» и «новейших» эмигрантов сформируется картина мира, отвечающая ее идеологическим установкам. Впрочем, характеризуя причины первоначальной популярности таких конструктов, как «Освободительное движение», в политическом лексиконе «второй волны», нельзя не обратить внимание и на то, что свою роль играл фактор наличия западных (прежде всего, американских) консультантов у многих эмигрантских проектов данной эпохи.

Однако постепенно ситуация менялась. В 1940–1950-е годы стали возникать «площадки», где происходила встреча представителей разных эмигрантских «волн» и «поколений» (особое значение здесь принадлежит, бесспорно, нью-йоркскому «Новому журналу»). Во многом в результате общения с теми представителями старой эмиграции, которые находились в идеологическом «мейнстриме» довоенного Русского зарубежья (меньшевики и левые либералы к нему, безусловно, не принадлежали) происходила эволюция риторики «второй волны». Весьма характерен феномен тех институтов, которые стали результатом объединения усилий представителей «первой» и «второй» волн эмиграции. Одни из них делали ставку на использование патриотических символов, связанных со славными традициями Русской армии, которые во второй половине 1930-х годов были как бы реабилитированы в СССР и являлись приемлемыми для бывших советских офицеров. Среди них – Андреевский флаг, ставший символом Союза Андреевского флага в конце 1940-х годов, личность А.В. Суворова (она должна была объединить членов сформированного в начальный период «холодной войны» Суворовского союза). Эти знаковые для патриотических сил понятия и имена должны были стать теми символами, которые объединяли всю эмиграцию. Конечно, ука-

занные выше структуры не смогли стать серьезными политическими объединениями, во многом они оставались маргинальными эмигрантскими образованиями. Речь в данном случае шла о поиске консолидирующих идей, способных сплотить как «старых», так и «новых» и «новейших» эмигрантов.

В этом контексте нельзя не обратить внимание и на те попытки, которые предпринял в этом направлении знаменитый НТС. Характерен уже сам факт переименования этой организации. После Второй мировой войны эта организация стала называться не Национально-трудовой союз, а Народно-трудовой союз. Во многом это было связано с тем, что лидеры данной организации пытались соединить имперские и революционные идеи. Еще в союзной песне 1930-х годов пелось: «В былом источник вдохновенья / В деяньях Сечи и Петра…» [Рар, Оболенский 2003, с. 73].

Идеологические поиски в этом направлении продолжились и после Второй мировой войны. Бесспорно, они были еще усилены благодаря тому обстоятельству, что руководство Союза было пополнено эмигрантами «второй» волны, которые постепенно стали играть в нем все большую роль. Во многом НТС сам становился такой попыткой синтеза старого и нового, «первой» и «второй» эмиграции, имперской и постреволюционной России.

Насколько успешно проходил этот синтез? Бесспорно, он сталкивался с немалыми препятствиями, связанными, в том числе, со стереотипами восприятия друг друга, присущими «первой» и «второй» волнам. Не случайно и то обстоятельство, что 1950-е годы вошли в историю НТС как череда расколов, затронувших практически все региональные организации Союза. Однако, на наш взгляд, важнее другое. При всей причудливости синтеза, который пытались осуществить лидеры НТС, он учитывал реальную сложность исторического прошлого России, не игнорировал разные аспекты, присущие русскому национальному самосознанию.

Во многом в эмиграции уже во второй половине 1940-х годов шли поиски консолидирующей национальной идеологии, способной сплотить и «красных» и «белых». Кстати, подобные процессы происходят и в современной России. Именно поэтому думается, что та эпоха актуальна и сейчас. Часть эмигрантов, собиравшаяся как-то позиционировать себя в новом мире, возникавшем после окончания Второй мировой войны, неизбежно вынуждена была актуализировать и феномен Русского зарубежья. В новых, изменившихся, обстоятельствах приходилось искать и новые основы для консолидации.

Играла свою роль и атмосфера «холодной войны». Запад, безусловно, стремился использовать русских эмигрантов в этом процессе. Для этого важно было, чтобы эмигранты представляли собой не одиночек, разбросанных по миру, а некую альтернативную Россию. Все это вместе вновь актуализировало феномен «России № 2».

Насколько удачны оказались эти идеологические поиски? В каком направлении они шли? Серьезная зависимость многих эмигрантских структур от финансовой помощи западных держав вела к тому, что весьма сильными оказывались тенденции не просто сохранения, но «переформатирования» феномена Русского зарубежья после Второй мировой войны. В частности, предпринимались попытки заменить это понятие термином «эмигранты из СССР», не нашедшим, впрочем, большого количества сторонников, пока за пределами Советского Союза не появилась знаменитая «третья волна» эмиграции. Концепт «Россия» продолжал быть исключительно важным и для политически активной части эмигрантов «второй» волны. Вместе с тем не случайно, что одним из символов данной волны стало такое неоднозначное учреждение, как Мюнхенский институт по изучению СССР, представлявший собой важный центр европейской советологии. Его наследие давно вызывает ожесточенные дискуссии [Константинов 2002, с. 133–144; Кодин 2016]. Однако, на наш взгляд, сторонники разных интерпретаций этого феномена солидарны в главном: те силы, которые явились инициаторами и спонсорами данного проекта, стремились к тому, чтобы поставить под жесткий контроль все эмигрантские политические инициативы.

Удалось ли Западу в полной мере достичь поставленных целей? На наш взгляд, лишь частично. Прежде всего, нередко в условиях «холодной войны» Русское зарубежье действительно представало как инструмент в противоборстве двух сверхдержав. Однако ни в коем случае нельзя игнорировать тот факт, что многие эмигранты «второй» волны оказались носителями ценностей Русского зарубежья довоенной поры, приложившими немало усилий для того, чтобы сохранить его как идейно-политический феномен. Кто-то из «новых» эмигрантов (например, известный историк Н.И. Ульянов) был носителем этих ценностей еще в Советском Союзе, сформировавшись в кругах старой интеллигенции, связанной с традициями дореволюционной России. Другие эмигранты восприняли эти ценности уже за рубежом, в результате общения со старой эмиграцией, знакомства с литературой Русского зарубежья. Зачастую постепенно различия между «волнами» стирались. Часть эмигрантов «второй» волны смогла продолжить традиции Русского зарубежья, транслируя его ценности в своем литературном и художественном творчестве. После крушения коммунистического режима в СССР именно эта часть эмигрантов приложила немало усилий для того, чтобы выйти на контакт с теми, кто начал заниматься историей Русского зарубежья, содействовать сохранению памяти о данном феномене в современной России. Во многом благодаря их стараниям Русское зарубежье стало явлением, которое заняло важное место в исторической памяти России.

Библиография

Андреев В.Л. История одного путешествия. М.: Мысль, 1974. 374 с.

Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.

Васильева М.А. «Незамеченность» как поэтика и опыт (о полемике вокруг «Незамеченного поколения» В.С. Варшавского) // Нансеновские чтения. 2007. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. С. 424–437.

Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М.: Русский путь, 2005. 159 с.

Дутиков М. – Николаевскому Б.И. 18.03.1948 // Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace (HIA). Boris Nicolaevsky collection. Series 248. Box 478.

Ершов В.Ф. Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 110–120.

К выборам в состав Центральной ассоциации послевоенных эмигрантов // Колокол. Гамбург, 1953. № 1–2. С. 25.

Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: СмолГУ, 2016. 272 с.

Константинов Д., прот. Мюнхенский институт. Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. 2002. № 4. С. 133–144.

Кронштадтская платформа // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М.: ИАИ РГГУ, 1997. С. 333–337.

Матвеева Ю.В. Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г.А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Известия Уральского федерального университета. 2016. Т. 18. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 4 (157). С. 87–102.

Мосейкина М.Н. Судьба поколений литературной эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 55–67.

Новое о Буниных // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 8. С. 298–312.

Первая конференция послевоенных политических беженцев // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1951. № 9–10. С. 181–182.

Рар Л., Оболенский В. Ранние годы (1924–1948). Очерк истории Народно-трудового союза. М.: Посев, 2003. 192 с.

Сабенникова И.В. Русская эмиграция во Франции перед лицом Второй мировой войны // Нансеновские чтения. 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 62–74.

Саблин Е.В. – Тырковой-Вильямс А.В. Август 1945 г. // Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285 / 1324.

Сухомлин В.В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 111–156.

Троицкий Н.А. Ты, мое столетие… М.: ИПВА, 2006. 460 с.

Фариа-и-Кастро И.К., де – Саблину Е.В. // LRA. MS 1285 / 830.

References

Andreev V.L. Istoriya odnogo puteshestviya [A history of one trip] Moscow: My`sl`, 1974. 374 p. (In Russ.)

Bazanov P.N. Izdatel`skaya deyatel`nost` politicheskix organizacij russkoj e`migracii (1917–1988) [Publishing activity of political organizations of Russian emigration (1917–1988)]. Saint Petersburg: SPbGUKI, 2008. 468 p. (In Russ.)

Dutikov M. – Nikolaevskomu B.I. 18.03.1948 [M. Dutikov to B. Nicolaevsky. 18.03.1948]. Hoover Institution Archives on War, Revolution and Peace (HIA). Boris Nicolaevsky collection. Series 248. Box 478. (In Russ.)

Ershov V.F. E`volyuciya voennoj diaspory` v 1920–1970-e gg. [Evolution of military diaspora in 1920s–1970s]. Nacional`ny`e diaspory` v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv. Moscow: IRI RAN, 2001. P. 110–120. (In Russ.)

Faria-i-Kastro, I.K. de – Sablinu E.V. [I. De Faria-i-Kastro to E. Sablin]. LRA. MS 1285 / 830. (In Russ.)

K vy`boram v sostav Central`noj associacii poslevoenny`x e`migrantov [Elections to the Central Association of post-war emigres]. Kolokol. Gamburg, 1953. N 1–2. P. 25. (In Russ.)

Kodin E.V. Myunxenskij institut po izucheniyu SSSR, 1950–1972 gg.: evropejskij centr sovetologii? [Munich Institute on Soviet Studies: European Soviet Studies center?]. Smolensk: SmolGU, 2016. 272 p. (In Russ.)

Konstantinov D., protoierej. Myunxenskij institut. Iz istorii vtoroj rossijskoj politicheskoj e`migracii [Munich Institution. The history of the Second Russian political emigration]. Tribuna russkoj my`sli. 2002. N 4. P. 133–144. (In Russ.)

Kronshtadtskaya platforma [Kronshtadt platform]. V poiskax istiny`. Puti i sud`by` vtoroj e`migracii. Moscow: IAI RGGU, 1997. P. 333–337. (In Russ.)

Matveeva Yu.V. Pokolenie, proshedshee «odvukon`»: literaturnoe nasledie G.A. Andreeva (Xomyakova) v kontekste tvorcheskix sudeb «molody`x» pisatelej pervoy volny` russkoj e`migracii [Generation which passed *Odvukon*: literary heritage of Andreev (Khomyakov) in context of the fates of the «young» writers of the first wave of Russian emigres]. Izvestiya Ural`skogo federal`nogo universiteta. 2016. Seriya 2. Gumanitarny`e nauki. Vol. 18. N 4 (157). P. 87–102. (In Russ.)

Mosejkina M.N. Sud`ba pokolenij literaturnoj e`migracii v kontekste rossijsko-latinoamerikanskogo dialoga kul`tur [The fate of generations of the literary emigres in the context of Russian-Latin America cultural conversation] // Izvestiya Ural`skogo federal`nogo universiteta. 2016. Ser. 2. Gumanitarny`e nauki. Vol. 18. N 4 (157). P. 55–67. (In Russ.)

Novoe o Buniny`x [New about Bunin]. Minuvshee. Istoricheskij al`manax. Moscow, 1992. Iss. 8. P. 298–312. (In Russ.)

Pervaya konferenciya poslevoenny`x politicheskix bezhencev [The first conference of the post-War political refugees]. Socialisticheskij vestnik. New York, 1951. N 9–10. P. 181–182. (In Russ.)

Rar L., Obolenskij V. Rannie gody` (1924–1948). Ocherk istorii Narodno-trudovogo soyuza. [The first conference of the post-War political refugees]. Moscow: Posev, 2003. 192 p. (In Russ.)

Sabennikova I.V. Russkaya e`migraciya vo Francii pered liczom Vtoroj mirovoj vojny` [Russian emigres in France during the Second World War]. Nansenovskie chteniya. 2009. Saint Petersburg: ROO IKCz «Russkaya e`migraciya», 2010. P. 62–74. (In Russ.)

Sablin E.V. – Ty`rkovoj-Vil`yams A.V. Avgust 1945 g. [E. Sablin to A. Tyrkova-Williams. August 1945]. Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285 / 1324. (In Russ.)

Suxomlin V.V. Gitlerovcy v Parizhe [Hitler in Paris]. Novy`j mir. 1965. N 11. C. 111–156. (In Russ.)

Troiczkij N.A. Ty`, moe stoletie…[You, my century…] Moscow: IPVA, 2006. 460 p. (In Russ.)

Vasil`eva M.A. «Nezamechennost`» kak poe`tika i opy`t (o polemike vokrug «Nezamechennogo pokoleniya» V.S. Varshavskogo) [«Unnoticed» as a politics and experience (on polemics about «Unnoticed generation» by Vladimir Varshavsky)]. Nansenovskie chteniya. 2007. Saint Petersburg: ROO IKCz «Russkaya e`migraciya», 2008. P. 424–437. (In Russ.)

Vil`de B. Dnevnik i pis`ma iz tyur`my`. 1941–1942. [A diary and letters from the prison.] Moscow: Russkij put`, 2005. 159 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.04

О.Н. Пряжникова

РАЗВИТИЕ ЗЕЛЕНЫХ НАВЫКОВ И СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *Трансформация экономической деятельности и изменение структуры экономики, обусловленные переходом к зеленой экономике, приводят к сокращению или ликвидации рабочих мест в отраслях, наносящих вред окружающей среде. Одновременно распространение технологий, не нарушающих экологического равновесия, в традиционных и новых производственных секторах создают условия для роста экологически ориентированных рабочих мест, что способствует увеличению спроса на новые зеленые навыки. В результате владение зелеными навыками расширяет возможности работников адаптироваться к модели устойчивого экономического развития, которая снижает негативное влияние человеческой деятельности на окружающую среду. Для эффективной оценки потребностей экономики в зеленых навыках и разработки программ по их развитию необходимо обеспечить согласованность действий государства, участников рынка труда и прочих заинтересованных сторон. Во многих странах мира этой цели удается достичь благодаря социальному диалогу.*

Социальный диалог, целью которого в данном случае является формирование стратегии развития зеленых навыков, действует как мост между правительственными органами, промышленными и отраслевыми объединениями, ассоциациями работодателей и профсоюзными организациями. Роль государственных органов, формы вовлечения работодателей и работников в процессы социального диалога варьируются от страны к стране в зависимости от особенностей как национальных стратегий перехода к зеленой экономике, так и от особенностей социально-экономического развития.

В статье делается попытка дать обзор современных мировых практик использования механизмов социального диалога для прогнозирования и развития навыков для зеленых рабочих мест. Отмечаются общие характеристики механизмов участия заинтересованных сторон в социальном диалоге в сфере зеленой занятости.

Ключевые слова: *зеленая экономика; зеленая занятость; зеленые навыки; социальный диалог; профсоюзы.*

Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020

Pryazhnikova O.N. **The development of green skills and social dialogue: International practices**

Abstract. *The transformation of economic activity and restructuring of economy caused by transition to green economy lead to reduction or liquidation of jobs in sectors that harm the environment. At the same time, spread of sustainable technologies in traditional and new manufacturing sectors creates conditions for growth of green jobs, which drives demand for new green skills. As a result, green skills empower workers to adapt to the sustainable development model that reduces negative impact of human activities on the environment. To effectively assess the needs of the economy in green skills and elaborate programs for skill development, it is crutial to ensure coordination of actions among state, labor market participants and other stakeholders. In many countries this goal is achieved with the help of social dialogue.*

Social dialogue aimed, in this case, to develop strategy of green skills development serves as a bridge between government bodies, industry associations, employers' organizations and trade unions. The role of government bodies, the practices of involvement of employers and workers in the social dialogue vary from country to country depending on the characteristics of both national strategies for the transition to green economy and socio-economic development path.

The article attempts to give an overview of current world practices of using social dialogue mechanisms to forecast and develop skills for green jobs. It highlights common features of mechanisms of stakeholders participation in the social dialogue concerning green employment.

Keywords: *green economy; green employment; green skills; social dialogue; trade unions.*

Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Research Fellow,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020

Введение

В эпоху изменения климата, растущего дефицита природных ресурсов и продолжающейся деградации окружающей среды многие страны мира все чаще включают в свои стратегии развития цели экологизации экономической деятельности, продвижения принципов зеленой экономики и создания новых зеленых рабочих мест. Переход к зеленой экономике, в свою очередь, вызывает изменения на рынке труда. С одной стороны, он приводит к потере некоторого количества рабочих мест вследствие сокращения вредных для окружающей среды производств, а с другой – стимулирует возникновение новых в экологически ориентированных отраслях. Таким образом растет зеленая занятость и спрос на новые зеленые навыки.

Для более четкого понимания происходящих и предстоящих изменений, связанных с распределением зеленых рабочих мест в разных отраслях экономики, страны мира делают ставку на расширение социального диалога, в ходе которого государство, представители академической среды, группы работодателей и работников совместно готовят почву для перехода к более зеленой экономике и развития зеленой занятости.

В основе концепции зеленой экономики лежит идея о том, что экологическая устойчивость может быть движущей силой экономического роста. Впервые термин зеленая экономика был использован экспертами в сфере экологической экономики Д. Пирсом, Э. Барбье и А. Маркандиа в 1989 г. [Pearce, Barbier, Markandya 1989]. В последующих публикациях Д. Пирс, развивая концепцию устойчивого экологического развития, подчеркивает, что зеленая экономика создает условия для поддержания благосостояния населения, а также для использования природных ресурсов таким образом, чтобы не нарушался экологический баланс. Пирс определил основные темы дискуссии вокруг поиска новой модели устойчивого развития. Прежде всего, это необходимость изменения поведения человека, который в условиях ухудшения состояния окружающей среды, вызванных его деятельностью, вынужден переосмыслить выгоды и издержки своего экономического поведения и «стать менее жадным» [Pearce 1992, p. 1]. В результате такой переоценки негативное воздействие человека на окружающую среду должно уменьшиться. В целом, экологически устойчивое развитие в рамках зеленой экономики становится возможным благодаря ослаблению и / или разрыву прямой зависимости между объемом произведенного продукта и объемом используемых для его производства природных ресурсов [Pearce 1992, p. 4].

Концепция зеленой экономики получила дальнейшее развитие и оформление во многом благодаря специалистам ООН. В условиях роста озабоченности в связи с ухудшением экологической обстановки на планете в 2008 г. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) выступила с инициативой «Зеленая экономика» (Green economy initiative), в рамках которой в 2009 г. был подготовлен доклад «Глобальный зеленый новый курс», предлагающий комплекс мер развития зеленой экономики, способствующих восстановлению и повышению устойчивости экономики после мирового кризиса, а также искоренению бедности и сокращению выбросов углеводорода. Согласно исследованиям, проведенным специалистами ООН, зеленая экономика не только снижает экологические риски, но и способствует улучшению благосостояния людей и росту социальной справедливости. В зеленой экономике рост доходов населения и занятости достигается благодаря государственным и частным инвестициям в производственные процессы, предполагающие сокращение использования углеродного сырья, повышение эффективности использования природных ресурсов, сохранение биоразнообразия. Эксперты ООН

[Towards 2011, p. 9.] предлагают определение зеленой экономики как модели хозяйствования, в которой особое внимание уделяется жизненно важным связям между экономической деятельностью, обществом и окружающей средой и в которой трансформация производственных процессов и моделей потребления одновременно способствует сокращению отходов, загрязняющих окружающую среду, и эффективному использованию ресурсов, материалов и энергии [Green economy 2012, p. 5]. Эти процессы способствуют диверсификации экономики и созданию условий для достойной занятости, в том числе для создания так называемых зеленых рабочих мест.

По прогнозам в ближайшие 20 лет преобразование существующих экономических практик в соответствии с принципами зеленой экономики может привести к созданию от 15 до 60 млн новых рабочих мест по всему миру. Примерно половина рабочих мест на мировом рынке труда будут затронуты переходом к зеленой экономике. Наиболее бурный рост зеленых рабочих мест ожидается в таких традиционных секторах, как строительство, сельское хозяйство, энергетика и переработка отходов [Green skills 2016, p. 22].

Переход к зеленой экономике предполагает наличие у работников технических и профессиональных навыков для работы на зеленых рабочих местах. Последние представляют собой занятость, связанную с охраной окружающей среды (дикой природы, экосистем), производством возобновляемой энергии, энергосбережением, сокращением выбросов углерода, деятельностью по адаптации к изменению климата, а также производством экологически чистых продуктов с применением экологически чистых процессов.

ЮНЕП определяет зеленые рабочие места как занятость в сельском хозяйстве, производстве, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР) и других сферах, которые вносят существенный вклад в сохранение или восстановление окружающей среды [Green jobs 2008, p. 3]. Согласно определению Международной организации труда (МОТ), рабочие места являются зелеными в том случае, когда труд работника помогает уменьшить негативное воздействие на окружающую среду, что в итоге приводит к устойчивому развитию как предприятий, создающих зеленые рабочие места, так и экономики в целом [How 2017, p. 6].

Эксперты в сфере занятости отмечают, что владение зелеными навыками является ключевым фактором повышения адаптивности рабочей силы в условиях трансформации экономической модели развития [The employment 2018, p. 24]. По определению австралийского Национального центра исследований профессионального образования (National centre for vocational education research), зеленые навыки – это «технические навыки, знания, ценности и отношения, необходимые рабочей силе для развития и поддержания устойчивых социальных, экономических и экологических стандартов в бизнесе, промышленности и обществе» [Glossary 2017, p. 56]. Определение,

сформулированное специалистами Европейского центра по развитию профессионального образования (European centre for the development of vocational training), описывает зеленые навыки» как «способности, необходимые для жизни и развития общества, направленные на снижение негативного влияния человеческой деятельности на окружающую среду» [Terminology 2014, p. 101].

Конкретные примеры новых зеленых навыков можно рассмотреть, обратившись к сектору биоэнергетики. Работникам, занимающимся НИОКР в сфере биоэнергетики, требуются более углубленные знания в области производства биодизеля, агрономии, исследования сельскохозяйственных культур, почв, повышения эпидемиологического контроля. Для строителей биоэнергетических конструкций обязательным становится владение навыками проектирования и изготовления газификаторов биомассы и систем кондиционирования горячего газа, навыками монтажа и ввода в эксплуатацию крупных сетевых энергоблоков, работающих с использованием биомассы. Работникам, обеспечивающим операционное функционирование биоэлектростанций, необходимо владение навыками управления системами сжигания биомассы, их обслуживания и ремонта, а также логистики сбора и поставок биомассы.

Социальный диалог в сфере зеленой занятости

Страны мира используют разные подходы к разработке стратегии экологизации экономики. Страновые различия политики формирования зеленых навыков, с одной стороны, обусловлены темпами изменений экономических процессов, а с другой – особенностями институциональных механизмов формализации квалификационных стандартов на рынке труда.

Успех в переходе к зеленой экономике, адаптация к меняющимся условиям на рынке труда, связанными, в частности, с изменением требований к профессиональным навыкам, в значительной степени зависит от согласованности мер, принимаемых на национальном, региональном и секторальном уровнях. Важную роль в формировании интегрированного подхода к трансформации экономики и квалификационных стандартов, по мнению экспертов, играет социальный диалог [Green skills 2015, p. 16; The employment 2018, p. 36]. Его наличие обеспечивает взаимодействие государственных институтов и организаций частного сектора, что повышает согласованность и эффективность мер, призванных развивать зеленые навыки и другие новые компетенции участников рынка труда.

По определению, предложенному МОТ, социальный диалог представляет собой все виды переговоров, консультаций или процессов обмена информацией между представителями государства, работодателями и работниками по представляющим общий интерес проблемам экономической и социальной

политики [Social dialogue]. В сфере развития зеленых навыков социальный диалог содействует достижению консенсуса и демократическому вовлечению заинтересованных сторон в формирование соответствующих изменений на рынке труда.

Социальный диалог обычно осуществляется как трехсторонний процесс с участием государства, а также социальных партнеров, в лице работодателей и работников. Он также может быть и двусторонним, т.е. иметь место между работодателями и работниками или профсоюзами и организациями работодателей. Поиск консенсуса посредством социального диалога может происходить на межотраслевом и отраслевом уровнях или на уровне предприятия. Какие социальные партнеры участвуют в диалоге и какую роль они играют в механизмах определения потребностей в зеленых навыках, зависит от конкретной страны и конкретного сектора экономики, а также от того на каком уровне – национальном, региональном или местном – функционирует партнерство.

В социальном диалоге в сфере формирования политики зеленой занятости, как показывает мировая практика, принимают участие разнообразные заинтересованные стороны: государственные структуры, отраслевые организации, ассоциации работодателей, профсоюзы.

Роль государства в процессах определения потребностей в зеленых навыках в ходе трехстороннего социального диалога наиболее значима в странах, где правительства формируют специальный орган (или наделяют соответствующими полномочиями уже существующий). Он выступает как ведущий игрок в деле прогнозирования изменений в зеленой занятости и оказывает всестороннюю поддержку общественным организациям, вовлеченным в аналогичную деятельность.

Например, во Франции на национальном уровне функционирует Национальная обсерватория рабочих мест и профессий в зеленой экономике (Observatoire national des emplois et des métiers de l'économie verte – Onemev), созданная в 2010 г. Ее цель – выявление изменений профессиональных навыков, связанных со включением целей охраны окружающей среды в экономическую деятельность все большего числа предприятий. Организация состоит из двух подразделений. В рамках первого осуществляется сбор и количественная оценка статистических данных. Деятельность второго подразделения посвящена анализу зеленой занятости, зеленых навыков и изменений, которые необходимо внести в профессиональное обучение [Skills for green jobs in France 2018, p. 9]. На основе проведенных исследований Onemev выпускает отраслевые доклады, на основе которых органы власти формируют меры по удовлетворению потребностей в новых, в том числе и зеленых, навыках в определенных профессиях.

Кроме того, в 2014 г. при поддержке государства во Франции была учреждена Сеть рабочих навыков (Réseau emplois compétences), которая представляет собой платформу для координации деятельности служб, ответственных за мониторинг и прогнозирование динамики рабочих мест и трудовых навыков, и чиновников (на национальном и региональном уровнях), принимающих решения в области экономического развития, правового регулирования занятости и профессионального образования. И хотя в деятельности данной организации не выделено отдельное направление мониторинга зеленой занятости во Франции, тем не менее Сеть рабочих навыков представляет собой площадку, где происходит интеграция разнообразных инициатив, в том числе и в сфере развития зеленых навыков.

В Южной Корее разработка политики развития зеленых навыков осуществляется совместно Министерством труда и Министерством образования в соответствии с Национальной стратегией зеленого роста. В процессе формирования и реализации мер данной политики южнокорейское правительство активно сотрудничает с частным сектором и научными работниками. Корейские промышленные ассоциации, такие как Корейская ассоциация новой и возобновляемой энергии, Корейская ассоциация финансовых инвестиций, а также Корейская ассоциация городов в рамках меморандума, заключенного с правительством Южной Кореи, реализуют программы обучения зеленым навыкам [Policies 2014].

В Индии в 2015 г. по инициативе правительства и при поддержке Министерства новой и возобновляемой энергии и Конфедерации индийской промышленности в рамках проекта Национальной миссии по развитию навыков (National skill development mission) был учрежден Совет по навыкам для зеленых рабочих мест (Skill council for green jobs). Организация выявляет неудовлетворенные потребности, возникающие при подборе персонала в зеленых отраслях (возобновляемая энергетика, экологичное строительство, экологичный транспорт, утилизация твердых отходов, очистка водных ресурсов). Совет также реализует общенациональные инициативы по непрерывному обучению и развитию зеленых навыков среди работников, формирует стандарты отраслевых компетенций и разрабатывает учебные программы повышения квалификации [Skill council 2016].

В ЮАР подход государства к продвижению зеленых навыков заключается в том, чтобы интегрировать выявление и планирование потребностей в зеленых навыках в процессы прогнозирования навыков в ряде секторов экономики (энергетика, сельское, лесное и рыбное хозяйства, очистка водных ресурсов), а не создавать отдельный орган, отвечающий за профессиональную подготовку в соответствии с ростом значения охраны природы. В Южной Африке в 2015–2018 гг. был осуществлен проект «Зеленые навыки» (Green skills), в рамках которого государственный департамент окружающей

среды возглавил разработку Национального плана навыков в области охраны окружающей среды в сотрудничестве с Университетом Родс (Rhodes University). Предварительный анализ процессов планирования зеленых навыков в Южной Африке выявил их несогласованность. С целью обеспечения большей согласованности мероприятий по прогнозированию потребностей в новых навыках департамент окружающей среды сформировал механизмы более тесного сотрудничества с различными секторальными и межсекторальными организациями внутри учрежденного государством Национального форума по планированию экологических навыков. Данный Форум совместно с Университетом Родс разрабатывает практические предложения по развитию национальной системы прогнозирования навыков в целом, а также по созданию условий для более адекватного реагирования на растущую потребность развития зеленых навыков [Ramsarup, Ward 2018, p. 1].

Во многих странах ключевые функции прогнозирования потребностей в зеленых навыках осуществляются отраслевыми и региональными институтами – *региональными или отраслевыми советами* по развитию навыков. Они играют важную роль в раннем выявлении потребностей в новых навыках при переходе к низкоуглеродной экономике, а также в реализации программ развития новых навыков на практике.

В Австралии политика развития навыков реализуется 11 Советами по отраслевым навыкам (Industry Skills Councils ISC), которые наделены полномочиями определять потребности в навыках в соответствующих отраслях, а также консультировать Институт навыков Австралии (Skills Australia institute) – ведущее национальное учреждение профессионального образования [Environmental 2009]. Данные отраслевые советы разрабатывают учебные программы развития новых навыков, в частности для таких отраслей зеленой экономики, как управление водными ресурсами, экологически устойчивое сельское хозяйство, переработка отходов и т.д. Кроме того, важной составляющей деятельности австралийских отраслевых советов является мониторинг влияния процессов экологизации на функционирование конкретных отраслей экономики.

Во Франции, в соответствии с Национальным планом развития зеленой занятости (Plan national de mobilisation pour les métiers de la croissance verte), вступившим в силу в 2010 г., учреждено 11 секторальных комитетов в отраслях экономики с наибольшим потенциалом создания зеленых рабочих мест: сельское хозяйство, лесная промышленность, автомобилестроение, услуги, связанные с поддержанием биоразнообразия и сохранением экосистем, строительство, электромеханика, сети доставки электроэнергии, нефтехимия, возобновляемая энергетика, рыболовство, транспорт, туризм, водоочистка, утилизация отходов [Skills for green jobs: 2018 update 2019, p. 31]. Часть задач,

стоящих перед секторальными советами, заключается в исследовании зеленой занятости и потребностей в зеленых навыках.

В 2003 г. в Южной Корее при поддержке министерств образования и промышленности были созданы отраслевые советы по развитию кадров (Sector councils human resource development). Их деятельность регулируется соответствующими отраслевыми ассоциациями, а функции предполагают выявление и контроль потребностей в навыках в конкретных отраслях. В 2009 г. на фоне роста зеленой экономики число таких организаций увеличилось и были созданы новые советы в зеленых отраслях, а именно в секторах зеленых финансов и возобновляемой энергии. Так, совет по развитию кадров в автомобильной промышленности Южной Кореи совместно с двумя инженерными колледжами разработал и реализует программу обучения зеленым навыкам для производства экологичных транспортных средств. Совет в секторе возобновляемой энергетики осуществляет проекты повышения квалификации для работников отрасли. Совет по развитию кадров в сфере зеленых финансов проводит обучение консультантов по зеленым финансовым инвестициям [Misug].

В прогнозировании потребностей в зеленых навыках в ОАЭ активное участие принимают Институт прикладных технологий и Центр технического и профессионального образования Абу-Даби, чья совместная деятельность ставит целью выявлять потребности в новых навыках, в том числе зеленых, и вносить соответствующие изменения в учебные программы профессионального обучения. В результате их совместной работы были сформированы шесть отраслевых групп, где представители образовательной системы и отраслевые эксперты совместно работают над разработкой учебных программ. Краткосрочные программы обучения зеленым навыкам осуществляются отраслевой ассоциацией – Советом по экологичному строительству ОАЭ. Совет по контролю качества Абу Даби приступил к формированию стандартов сертификации персонала в отраслях возобновляемой энергии и систем кондиционирования [UAE 2019, p. 60].

В Великобритании представители бизнеса могут формулировать запрос на развитие новых, в том числе зеленых, навыков, участвуя в местных экономических партнерствах (Local economic partnerships), созданных по инициативе работодателей, и в 25 отраслевых советах по навыкам (Sector skills councils), объединяющих представителей предприятий [Skills 2011]. Британские отраслевые советы по навыкам разрабатывают программы повышения квалификации работников, занятых в секторах экономики, затронутых процессами экологизации. В рамках этих программ предлагается обучение новым навыкам в садоводстве, охране ландшафтов, лесном и сельском хозяйстве (LANTRA) [We are Lantra]; в промышленном секторе (SEMTA) [SEMTA], в сфере инженерных услуг в строительстве (SummitSkills) [SummitSkills], в

химической промышленности, атомной энергетике, нефтяной и газовой отраслях (ConstructionSkills) [ConstructionSkills].

Существуют и другие формы участия частного сектора в социальном диалоге с целью разработки политики и регламентаций, стимулирующих развитие зеленых компетенций. Как *отраслевые организации*, так и *отдельные компании*, как правило, крупные корпорации, часто вступают в партнерские отношения с *профсоюзными объединениями* в рамках консультативных органов и платформ. Профсоюзы действуют на национальном, отраслевом уровнях и на уровне конкретных предприятий, участвуя в политических дебатах на темы зеленой занятости, проводя исследования потенциала роста зеленых рабочих мест, организуя обучения рабочей силы навыкам, необходимым для зеленых рабочих мест, повышая осведомленность работников о зеленых навыках [Green jobs 2013, p. 63]. Следует отметить, что активное участие профсоюзов в прогнозировании потребностей в зеленых навыках характерны прежде всего для европейских стран.

В Дании реализуются инициативы, связанные с зеленой экономикой и зеленой занятостью, осуществляемые профсоюзами и представителями бизнес-организаций. Например, профсоюзная организация Fagligt Fælles Forbund помогает повышать квалификацию неквалифицированным работникам и поддерживает программы по созданию зеленых рабочих мест, представляя возможности, в том числе, онлайн-обучения на своем сайте [Skills for green jobs in Denmark 2018, p. 11]. Данное профсоюзное объединение сотрудничает с различными предприятиями, помогая им интегрировать процессы формирования у сотрудников зеленых навыков и новых технических компетенций в их стратегии развития.

В Великобритании подобные функции осуществляет организация Greener Jobs Alliance [Skills for green jobs in the United Kingdom 2018, p. 28]. В нее входят профсоюзы, студенческие и экологические организации, а также Институт исследований государственной политики (Institute of public policy research). Деятельность альянса посвящена обучению работников зеленым навыкам для удовлетворения потребностей быстрорастущих низкоуглеродных отраслей. Еще одна подобная организация Unionlearn, учрежденная Конгрессом профессиональных союзов Великобритании, активно занимается развитием профессионального обучения, продвижением новых профессиональных навыков, повышением осведомленности работников об особенностях зеленой занятости.

В Германии на уровне сектора химической промышленности реализуется инициатива устойчивого развития Chemie, инициированная совместно отраслевой ассоциацией VCI (Verband der Chemischen Industrie), профсоюзом IG BCE (Industriegewerkschaft Bergbau, Chemie, Energie) и ассоциацией работодателей BAVC (Bundesarbeitgeberverband Chemie). В рамках инициативы

формируются внутриотраслевые регламентации, увязывающие такие элементы, как зеленые навыки, безопасность на рабочем месте и повышение эффективности использования природных ресурсов.

В Испании конфедерация профсоюзов Confederacion Sindical De Comisiones Obreras (CCOO) организует отраслевые исследования, посвященные количественной оценке и анализу качественных параметров зеленых рабочих мест, а также прогнозированию динамики развития зеленой занятости и соответствующих ей новых компетенций [Skills for green jobs in Spain 2018, p. 16]. Таким образом испанские профсоюзы вносят свой вклад в формирование мер политики в сфере развития зеленой экономики.

Существуют платформы, посвященные реализации более широких задач устойчивого развития экономики, частью которых является и продвижение зеленых навыков. Так, в Эстонии учреждена комиссия по устойчивому развитию (Säästva Arengu Komisjon), состоящая из 19 неправительственных организаций. В нее в качестве экспертов и консультантов входят Эстонская конфедерация профсоюзов и торгово-промышленная палата Эстонии. Комиссия совместно с Межведомственной рабочей группой по устойчивому развитию Эстонии координирует реализацию стратегии устойчивого развития Эстонии и организует обмен информацией и передовым опытом среди всех заинтересованных сторон [Skills for green jobs in Estonia 2018, p. 28].

Заключение

Значение зеленых навыков растет в условиях экологизации экономической модели развития. Владение зелеными навыками помогает потерявшим рабочие места работникам переходить в динамично развивающиеся сектора зеленой экономики, где наблюдается рост занятости и, таким образом, обеспечивает им сохранение доходов. Кроме того, в результате обучения новым навыкам происходит повышение квалификации работников, что способствует росту инноваций, притоку инвестиций и повышению конкурентоспособности экономики, т.е. более устойчивому социально-экономическому развитию.

Однако положительные результаты роста зеленой занятости напрямую зависят от качественного прогнозирования, контроля и оценки последствий зеленой трансформации. Важным элементом таких процессов можно с уверенностью назвать механизм социального диалога, обеспечивающего сотрудничество государственных органов и социальных партнеров в лице работодателей и работников в деле формирования стратегии создания зеленых рабочих мест. В социальном диалоге, основанном на свободе ассоциации и праве на ведение коллективных переговоров, отражаются культурный, исторический, экономический и политический контексты каждой страны.

Во многих странах государство играет ключевую роль в социальном диалоге, в ходе которого формирует и поддерживает каналы получения обратной связи от представителей отраслей промышленности, что помогает официальным лицам, формирующим политику в сфере занятости предвидеть будущие потребности в зеленых навыках.

В большинстве рассматриваемых стран основные задачи разработки механизмов формирования навыков для зеленых рабочих мест, как правило, осуществляются в рамках отраслевых или консультативных советов, в отраслях, которые с наибольшей вероятностью будут затронуты переходом к зеленой экономике. Там где функционируют отраслевые советы, занимающиеся проблемами зеленой занятости, удается на раннем этапе выявлять возникающие потребности в новых навыках.

Важную роль в функционировании социального диалога в сфере прогнозирования и развития зеленых навыков играют работники, чьи интересы представляют профсоюзы, а также работодатели. И те и другие в первую очередь заинтересованы в обновлении и адаптации трудовых навыков рабочей силы в условиях изменений в экономике. Все чаще по всему миру организации, представляющие работников и работодателей, участвуют в исследованиях по прогнозированию потребностей в зеленых навыках, выявляя мнения, подкрепленные опытом развития и применения новых навыков непосредственно на рабочем месте. Наиболее активно они участвуют в социальном диалоге в странах Европы. Это во многом объясняется наличием в них развитой рыночной экономики и развитого профсоюзного движения, что в свою очередь обусловливает активное участие в общественной жизни представителей бизнеса и работников.

Опыт стран мира показывает, что социальный диалог играет важную роль в создании основы для исследований и анализа последствий роста зеленой экономики, а также для формирования мер политики в сфере развития зеленых навыков. Это становится возможным благодаря вовлечению в социальный диалог многочисленных заинтересованных сторон, что позволяет оперативно обмениваться информацией, обеспечивать профессиональную экспертную оценку, аккумулировать опыт и лучшие практики в данной области. В ходе социального диалога социальные партнеры участвуют в интерпретации результатов исследований, разрабатывают стандарты навыков, актуальных для зеленых рабочих мест, формулируют рекомендации по переквалификации работников и оказывают помощь в преобразовании систем образования и профессионального обучения.

Библиография

A source book to support skills planning for green economies // ResearchGate. 2018 URL: https://www.researchgate.net/publication/322435865_Enabling_green_skills_-_a_sourcebook_to_support_skills_planning (дата обращения: 03.07.2020).

Comparative analysis of methods of identification of skill needs on the labour market in transition to the low carbon economy / International Labour Organization. Geneva: ILO, 2011. 161 p.

Confederación Sindical de Comisiones Obreras // URL: https://www.ccoo.es/ (дата обращения: 16.12.2020).

ConstructionSkills. URL: https://www.constructionskills.org/ (дата обращения: 16.12.2020).

Environmental sustainability: An industry response // Industry Skills Councils. Sydney: New South Wales. 2009. 47 p. URL: https://www.voced.edu.au/content/ngv%3A38991 (дата обращения: 03.07.2020).

Glossary of VET / Ed. by J. Stanwick, K. Frazer; National Centre for Vocational Education Research. Adelaide, 2017. 129 p.

Green economy in action: Articles and excerpts that illustrate green economy and sustainable development efforts // Green Growth Knowledge Platform. UNDP. 2012. 58 p. August. URL: https://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/GE_compilation_report_UNDP.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Green jobs and related policy frameworks. An overview of the European Union // Skills For Employment. 2013. 98 p. URL: https://www.skillsforemployment.org/KSP/en/Details/?dn=WCMSTEST4_038427 (дата обращения: 03.07.2020).

Green jobs: Towards a decent work in a sustainable, low-carbon world. Geneva, 2008 // ILO.org. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_158727.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Green skills and innovation for inclusive growth // Cedefop. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2015. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/3069_en.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

How to measure and model social and employment outcomes of climate and sustainable development policies // Green Jobs Assessment Institutions Network. International Labour Organization. Geneva, 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_613934.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Misug J. Green growth initiatives and skills response in Korea // Cedefop. 2009. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/Misug_Jin_Green_growth_initiativea_and_skills_response_in_Korea.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Pearce D. Green Economics // Environmental values. N 1. 1992. P. 3–13. URL: http://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/pearce_1_1.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Pearce D., Barbier E., Markandya A. Blueprint for a Green Economy // Ideas.repec.org. Earthscan, 1989. URL: https://ideas.repec.org/a/eee/ecolec/v7y1993i1p75-78.html (дата обращения: 03.07.2020).

Policies for green skills and job creation in Korea // Green Growth Knowledge Platform. 2014. URL: https://www.greengrowthknowledge.org/case-studies/policies-green-skills-and-job-creation-korea (дата обращения: 03.07.2020).

Ramsarup P., Ward M. Enabling green skills: Pathways to sustainable development. SEMTA. URL: https://semta.org.uk/services/apprenticeships/ (дата обращения: 16.12.2020).

Skill council for green jobs. New Delhi, 2016. URL: http://sscgj.in/wp-content/uploads/2016/05/SCGJ-Brochure-V3_19-10-2016.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for a green economy: A report on the evidence / Department for business, innovation and skills; Department of energy and climate change; Department for environment, food and rural affairs. London, 2011. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32373/11-1315-skills-for-a-green-economy.pdf (дата обращения: 16.12.2020).

Skills for a greener future: A global view // ILO.org. Geneva: ILO, 2019. 12.12. URL: https://www.ilo.org/skills/pubs/WCMS_732214/lang--en/index.htm (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Denmark: an update // Cedefop. Denmark, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/denmark_green_jobs_2018.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Estonia: an update // Cedefop. Estonia, 2018. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/estonia_green_jobs_2018.pdf (дата обращения: 16.12.2020).

Skills for green jobs in France: an update // Cedefop. France, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/france_green_jobs_2018.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Spain: an update // Cedefop. Spain, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/spain_green_jobs_2018.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for green jobs in the United Kingdom: an update // Cedefop. United Kingdom, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/uk_green_jobs_2018.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Skills for green jobs: 2018 update. European synthesis report // Cedefop. Luxembourg, 2019. April. (Cedefop reference series; N 109). URL: https://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/3078 (дата обращения: 03.07.2020).

Social Dialogue: Finding a common voice // International Labour Organization. Geneva. URL: https://www.ilo.org/public/english/dialogue/download/brochure.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

SummitSkills // Skills Development Scotland. URL: https://www.skillsdevelopmentscotland.co.uk/what-we-do/apprenticeships/modern-apprenticeships/modern-apprenticeship-frameworks/summitskills/ (дата обращения: 16.12.2020).

Terminology of European education and training policy // Cedefop. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2014. 331 p.

The employment impact of climate change adaptation: Input document for the G20 Climate sustainability working group // International Labour Organization. Geneva: ILO, 2018. 46 p.

Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication // United Nations. UNEP, 2011. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

UAE green jobs program: Jobs & skills for the UAE's green economy transformation. Dubai, 2019. URL: https://www.moccae.gov.ae/assets/download/1360981f/UAE%20Green%20Jobs%20Program.pdf.pdf.aspx?view=true (дата обращения: 03.07.2020).

We are Lantra // Lantra awards. URL: https://www.lantra.co.uk/about-us (дата обращения: 16.12.2020).

World employment and social outlook 2018: Greening with jobs // ILO. Geneva, 2018. URL: https://www.ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

Youth Change. Green skills and lifestyles guidebook. Paris: UNESCO, 2016. URL: https://www.uncclearn.org/sites/default/files/inventory/245646e.pdf (дата обращения: 03.07.2020).

References

A source book to support skills planning for green economies. ResearchGate. 2018 URL: https://www.researchgate.net/publication/322435865_Enabling_green_skills_-_a_sourcebook_to_support_skills_planning (date of access: 03.07.2020).

Comparative analysis of methods of identification of skill needs on the labour market in transition to the low carbon economy. International Labour Organization. Geneva: ILO, 2011. 161 p.

Confederación Sindical de Comisiones Obreras. URL: https://www.ccoo.es/ (date of access: 16.12.2020).

ConstructionSkills. URL: https://www.constructionskills.org/ (date of access: 16.12.2020).

Environmental sustainability: An industry response. Industry Skills Councils. Sydney: New South Wales. 2009. 47 p. URL: https://www.voced.edu.au/content/ngv%3A38991 (date of access: 03.07.2020).

Glossary of VET. Ed. by J. Stanwick, K. Frazer; National Centre for Vocational Education Research. Adelaide, 2017. 129 p.

Green economy in action: Articles and excerpts that illustrate green economy and sustainable development efforts. Green Growth Knowledge Platform. UNDP. 2012. 58 p. August. URL: https://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/GE_compilation_report_UNDP.pdf (date of access: 03.07.2020).

Green jobs and related policy frameworks. An overview of the European Union. Skills For Employment. 2013. 98 p. URL: https://www.skillsforemployment.org/KSP/en/Details/?dn=WCMSTEST4_038427 (date of access: 03.07.2020).

Green jobs: Towards a decent work in a sustainable, low-carbon world. Geneva, 2008. ILO.org. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_158727.pdf (date of access: 03.07.2020).

Green skills and innovation for inclusive growth // Cedefop. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2015. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/3069_en.pdf (date of access: 03.07.2020).

How to measure and model social and employment outcomes of climate and sustainable development policies. Green Jobs Assessment Institutions Network. International Labour Organization. Geneva, 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_613934.pdf (date of access: 03.07.2020).

Misug J. Green growth initiatives and skills response in Korea. Cedefop. 2009. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/Misug_Jin_Green_growth_initiativea_and_skills_response_in_Korea.pdf (date of access: 03.07.2020).

Pearce D. Green Economics. Environmental values. N 1. 1992. P. 3–13. URL: http://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/pearce_1_1.pdf (date of access: 03.07.2020).

Pearce D., Barbier E., Markandya A. Blueprint for a Green Economy. Ideas.repec.org. Earthscan, 1989. URL: https://ideas.repec.org/a/eee/ecolec/v7y1993i1p75-78.html (date of access: 03.07.2020).

Policies for green skills and job creation in Korea. Green Growth Knowledge Platform. 2014. URL: https://www.greengrowthknowledge.org/case-studies/policies-green-skills-and-job-creation-korea (date of access: 03.07.2020).

Ramsarup P., Ward M. Enabling green skills: Pathways to sustainable development. SEMTA. URL: https://semta.org.uk/services/apprenticeships/ (date of access: 16.12.2020).

Skill council for green jobs. New Delhi, 2016. URL: http://sscgj.in/wp-content/uploads/2016/05/SCGJ-Brochure-V3_19-10-2016.pdf (date of access: 03.07.2020).

Skills for a green economy: A report on the evidence. Department for business, innovation and skills; Department of energy and climate change; Department for environment, food and rural affairs. London, 2011. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32373/11-1315-skills-for-a-green-economy.pdf (date of access: 16.12.2020).

Skills for a greener future: A global view. ILO.org. Geneva: ILO, 2019. 12.12. URL: https://www.ilo.org/skills/pubs/WCMS_732214/lang--en/index.htm (date of access: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Denmark: an update. Cedefop. Denmark, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/denmark_green_jobs_2018.pdf (date of access: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Estonia: an update. Cedefop. Estonia, 2018. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/estonia_green_jobs_2018.pdf (date of access: 16.12.2020).

Skills for green jobs in France: an update. Cedefop. France, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/france_green_jobs_2018.pdf (date of access: 03.07.2020).

Skills for green jobs in Spain: an update. Cedefop. Spain, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/spain_green_jobs_2018.pdf (date of access: 03.07.2020).

Skills for green jobs in the United Kingdom: an update. Cedefop. United Kingdom, 2018. URL: http://www.cedefop.europa.eu/files/uk_green_jobs_2018.pdf (date of access: 03.07.2020).

Skills for green jobs: 2018 update. European synthesis report. Cedefop. Luxembourg, 2019. April. (Cedefop reference series; N 109). URL: https://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/3078 (date of access: 03.07.2020).

Social Dialogue: Finding a common voice // International Labour Organization. Geneva. URL: https://www.ilo.org/public/english/dialogue/download/brochure.pdf (date of access: 03.07.2020).

SummitSkills. Skills Development Scotland. URL: https://www.skillsdevelopmentscotland.co.uk/what-we-do/apprenticeships/modern-apprenticeships/modern-apprenticeship-frameworks/summitskills/ (date of access: 16.12.2020).

Terminology of European education and training policy. Cedefop. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2014. 331 p.

The employment impact of climate change adaptation: Input document for the G20 Climate sustainability working group. International Labour Organization. Geneva: ILO, 2018. 46 p.

Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication. United Nations. UNEP, 2011. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (date of access: 03.07.2020).

UAE green jobs program: Jobs & skills for the UAE's green economy transformation. Dubai, 2019. URL: https://www.moccae.gov.ae/assets/download/1360981f/UAE%20Green%20Jobs%20Program.pdf.pdf.aspx?view=true (date of access: 03.07.2020).

We are Lantra. Lantra awards. URL: https://www.lantra.co.uk/about-us (date of access: 16.12.2020).

World employment and social outlook 2018: Greening with jobs // ILO. Geneva, 2018. URL: https://www.ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf (date of access: 03.07.2020).

Youth Change. Green skills and lifestyles guidebook. Paris: UNESCO, 2016. URL: https://www.uncclearn.org/sites/default/files/inventory/245646e.pdf (date of access: 03.07.2020).

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.05

Ф.О. Трунов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И ФРГ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ: ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ УРОВНЮ ДОВЕРИЯ?

Аннотация. *В статье отмечается возникновение «окна возможностей» на рубеже 2010–2020-х годов для развития взаимодействия России и Германии в области урегулирования вооруженных конфликтов. Наращивание мер, в том числе военных, по взаимному сдерживанию стран Евро-Атлантического сообщества и России в реалиях новой «холодной войны» достигло состояния стабилизации в 2017–2018 гг. На этом фоне осознание сторонами общей опасности, исходящей из очагов нестабильности в Европе, на Ближнем Востоке и Северной Африке, стимулировало потенциальный рост их взаимодействия.*

Задача статьи – изучить использование двумя странами открывшегося «окна возможностей» на примере украинского (уже существовавшего с 2014–2015 гг.) и ливийского (вновь возникшего в диалоге) направлений. В рамках первого исследуется перезапуск «Нормандской четверки» и проведения в этом формате переговоров на высшем уровне 9 декабря 2019 г., их значение и результативность. Раскрываются причины фактического дистанцирования Германии от решения «ливийского вопроса» в 2010-х годах и особенности пересмотра данной линии благодаря использованию потенциала отношений с РФ. В связи с этим изучается ход подготовки и основные вехи Берлинской конференции по Ливии 19 января 2020 г., а также последующие действия ФРГ на данном направлении.

Делается вывод о промежуточных результатах, в том числе «проблемных узлах» российско-германского взаимодействия в сфере урегулирования вооруженных конфликтов и перспективах его активизации по завершении эпидемии коронавируса.

Ключевые слова: *Россия; Германия; «окно возможностей»; вооруженные конфликты; Украина; «Нормандский формат»; Ливия; Берлинская конференция.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки,
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Autor ID: 57211605240
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020

Trunov Ph.O. **The interaction between Russia and Germany in the sphere of armed conflicts resolution: Moving to a new level of confidence?**

Abstract. *The article considers the emergence of the «window of opportunity» at the turn of the 2010s–2020s for cooperation between Germany and Russia in the sphere of armed conflict resolution. The countries of the Euro-Atlantic community and the Russian Federation in the realities of the new Cold War have reached rather stabilized level in their activities for mutual containment (including the realization of military measures) by 2017–2018. Against this background, the awareness by both countries the new quality of danger from the focal points of instability in Europe, in the Middle East and North Africa has stimulated the potential growth of their cooperation.*

The goal of the article is to explore the usage by Germany and Russia of opened «window of opportunity» on the examples of Ukrainian (existed since 2014–2015) and Libyan directions. In this regard the scientific paper investigates the re-launch of «Normand Format» and its usage for the negotiations at the highest level 9 December 2019, the importance and results of this meeting. The article also covers the reasons of German distance from a decision of «Libyan problem», and the features of revision of this line by the usage of potential of relations with Russia. In this regard the article explores the preparation and key results of Berlin conference on Libya (January, 19, 2020) and the following German actions.

The article concludes about interim results including problems in German-Russian cooperation in the sphere of armed conflict resolution and the perspectives of its activation after COVID-19 epidemic.

Keywords: *Russia; Germany; the «window of opportunity»; armed conflicts; Ukraine; «Normand Format»; Libya; Berlin conference.*

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, the Department of Europe and America,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru Scopus Autor ID: 57211605240
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020

В 2010-х годах к числу ключевых точек роста напряженности в отношениях Евро-Атлантического сообщества и РФ, приведших с 2014 г. к возникновению и развитию полноценной конфронтации, относились глубокие расхождения по вопросам урегулирования вооруженных конфликтов – прежде всего сирийского (с 2011 г.) и на востоке Украины (с 2014 г.). В их тени также находились иракский (де-факто с 2003 г., получил новый импульс к развитию с 2014 г.) и ливийский (с 2011 г.) конфликты. Все они несли в себе значительные риски безопасности – как сами по себе, будучи источниками многочисленных угроз нестабильности (укрепления структур международного терроризма, сопровождаемого попытками распространения их ячеек вовне и провоцирования мощных неконтролируемых волн миграции) для стран За-

пада и РФ, так и содержа в себе потенциал для усиления их конфронтации. Вместе с тем вооруженные конфликты, создавая географические отрезки для огромных дуг нестабильности: Сахель (Мали, Нигерия) – Северная Африка (Ливия) – Ближний Восток (Сирия, Ирак) – Средний Восток (Афганистан) – открывали и потенциальное «окно возможностей» для взаимодействия и даже сотрудничества стран – участниц Евро-Атлантического сообщества и России по решению данных проблем. Соответственно, общим знаменателем такой координации усилий выступало общее стремление к снижению или как минимум жесткому лимитированию тех объемов рисков, которые исходили для обеих сторон из вновь возникавших зон нестабильности.

Задачей данной статьи является исследование особенности и перспективы взаимодействия РФ и ФРГ в данной области в конце 2010-х – начале 2020-х годов на примере украинского и ливийского конфликтов. Выбор Германии обусловлен, во-первых, тенденцией устойчивого в целом роста ее влияния как на региональных уровнях, так и в глобальном смысле: страна представляет собой пример единственной «восходящей державы» из числа наиболее влиятельных игроков Евро-Атлантического сообщества.

Во-вторых, следует принять во внимание, что ФРГ стала своего рода мостом функций «моста» при выстраивании отношений «коллективного» Запада и СССР в годы «классической» холодной войны [Фалин 2016]. Наиболее отчетливо эта схема проявилась дважды: в период «разрядки» конца 1960-х – середины 1970-х годов и попыток отхода от парадигмы конфронтации на рубеже 1980–1990-х годов. В обоих случаях Боннская республика сумела извлечь из своего положения определенную выгоду. Так, в 1989–1990 гг. она была достаточно значительной в объединение Германии под эгидой ФРГ и предоставление ей де-юре полного суверенитета (включая принятие СССР обязательства по полному выводу своих войск из «новых земель») [Договор 1991]. При этом не следует забывать и об «оборотной стороне медали»: стремление к нормализации политических отношений и наращиванию объемов экономического сотрудничества с Советским Союзом сопровождалось для ФРГ последовательным выполнением своих военных обязательств по линии НАТО. Так, в период «разрядки», как это ни парадоксально, Боннская республика продолжала динамично наращивать свой военный потенциал (см.: [Weißbuch 1972]). Возникшее противоречие снимается, если рассматривать целью ФРГ институциализацию отношений Запада и СССР с учетом неизбежности сохранения конфронтации на длительную перспективу. Активно двигаться в данном направлении Боннская республика стала по прошествии достаточно длительного времени с начала «классической» холодной войны, когда уже не только вырисовалась общая конфигурация противостояния Запада и Востока, но и схема участия в нём ФРГ.

Таким образом, в данной статье попытаемся ответить на вопрос: может ли Федеративная Республика Германия вновь принять на себя функции моста между Западом и Россией в реалиях нового масштабного и обещающего стать длительным противостояния между ними?

Основным научным методом для решения поставленной задачи стал ивент-анализ, используемый прежде всего для анализа динамики значимых шагов политико-дипломатического характера.

Вопросы урегулирования вооруженных конфликтов в Украине, в Сирии, Ираке, Ливии достаточно подробно освещены в работах как отечественных, так и западных, в том числе германских, исследователей. Вместе с тем «в тени» оставались вопросы состояния и особенно перспектив развития взаимодействия РФ и ФРГ на данных направлениях (особенно трех последних) [Asseburg, Lacher, Transfeld 2018, p. 15–25, 27–42]. При этом стабильно сохранялось скептическое отношение к возможности «прорыва» переговоров даже на одном направлении [Stewart 2016; Fischer 2019, Asseburg, Lacher, Transfeld 2018, p. 25–27, 40–42, 58–59]. Однако признаки существенной интенсификации российско-германского взаимодействия практически по всем трекам просматривались уже с середины 2019 г., что становилось одним из ключевых двигателей успешного урегулирования в целом.

Рубеж 2010–2020-х годов: Обращение к потенциальному «окну возможностей»

Миграционный кризис 2015–2016 гг. в ЕС, тесно связанный с ростом террористической активности на территории государств – членов объединения (наиболее крупные акции были осуществлены в Париже 13 ноября 2015 г., Брюсселе 22 марта 2016 и Ницце 14 июля 2017 г.), отчетливо продемонстрировал экзистенциональный, а отнюдь не потенциальный характер отмеченных угроз нестабильности. Однако даже на этом фоне стороны во второй половине 2010-х годов весьма ограниченно использовали потенциальное «окно возможностей», открывавшееся в связи с необходимостью урегулирования вооруженных конфликтов. Безусловно, в условиях «замораживания» как Евро-Атлантическим сообществом (на уровне институтов (ЕС, НАТО), так и отдельными государствами) большинства политико-дипломатических каналов взаимодействия с РФ. «Нормандский формат» (создан 6 июня 2014 г.) сыграл роль амортизатора в условиях эскалации напряженности в отношениях Запада и России летом-осенью 2014 г., не допустив ее неконтролируемого роста. Функционируя по схеме «1+2+1» (Украина – тандем Германии и Франции – Россия), механизм «Нормандской четверки» смог обеспечить выработку соглашения «Минск-2» (12 февраля 2015 г.). Несмотря на значительные трудности с имплементацией его положений, документ остается «дорож-

ной картой» для урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины [Stewart 2016]. Однако в работе «Нормандского формата» с первой половины 2017 г. стала наблюдаться стагнация: резко сократилось число встреч «четверки» на высшем уровне (в 2017 – первой половине 2019 г. была проведена лишь одна – 29 марта 2018 г.)[1].

В Месопотамии – в середине 2010-х годов в борьбе со структурами международного терроризма (прежде всего, в лице «Исламского государства»[2]) – наблюдалось параллельное осуществление боевых операций двух коалиций: второй западной антитеррористической (создана по инициативе США в сентябре 2014 г.) и РФ, правительства САР и ИРИ (де-факто возникла с момента использования группировки Вооруженных Сил России в Сирии 30 сентября 2015 г.). При этом если страны Евро-Атлантического сообщества действовали прежде всего на иракском театре военных действий и в существенно меньшем объеме на сирийском, то коалиция РФ – правительства САР – ИРИ, напротив, основные усилия прилагала именно на нем. При этом стороны неоднократно подвергали весьма жесткой критике действия друг друга: так, глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер обвинил Иран и Россию в затягивании штурма Алеппо в ноябре-декабре 2016 г. и в создании угрозы гуманитарной катастрофы, призывая к немедленному прекращению боев [Außenminister Steinmeier 2016]. Де-факто одним из целеполаганий данных дипломатических демаршей являлось стремление к недопущению полного разгрома небольших военных сил «умеренной» оппозиции (часть которой была связана с отрядами группировок международного терроризма).

Отношение к использованию потенциального «окна возможностей» стало резко изменяться в ноябре 2019 – январе 2020 г.: со стороны группы стран Запада (прежде всего, Германии) наблюдалось резкое увеличение интереса к вопросам урегулирования вооруженных конфликтов. Так, 9 декабря 2019 г. в Париже произошла новая встреча «Нормандской четверки» [Pressekonferenz von BK'in 2019], а 19 января 2020 г. в Берлине были проведены многосторонние переговоры по решению «ливийской проблемы» [Einigung 2020]. Чем обусловлены эти перемены именно на рубеже 2019–2020 гг.? Прежде всего: закреплением на определенном уровне после 2017 г. масштаба конфронтации Запада и России как в целом, так и в отдельных областях. Речь идет, в первую очередь, как об экономической (снижение масштаба введения новых санкций ЕС в отношении РФ), так и общеполитической – восстановление части «замороженных» ранее переговорных форматов и даже учреждение новых – Сочинского (с 2017 г.), плоскостях. Заметное замедление темпов реализации

1. Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера (URL: http://www.bundeskanzleramt.de).

2. Запрещенная в России террористическая организация.

новых мер с целью усиления конфронтации наблюдалось и военной сфере. В соответствии с решениями Уэльского саммита НАТО (4–5 сентября 2014 г.) происходило наращивание потенциала сил быстрого реагирования (с формальным «потолком» численности в 40 тыс. военнослужащих), т.е. второго стратегического эшелона войск блока [Wales Summit 2014]. На Варшавском саммите (8–9 июля 2016 г.) была определена архитектура сил передового развертывания, дислоцируемых вблизи восточных рубежей Альянса, т.е. в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии [Warsaw Summit 2016]. Наконец, на Брюссельском саммите НАТО (11–12 июля 2018 г.) было принято решение о дополнительном наращивании оперативно-тактических резервов (по формуле 30×4, т.е. по 30 боевых единиц – батальонных тактических групп, авиационных эскадрилий, боевых кораблей, штабов) с готовностью в 2021 г. [Brussels Summit 2018]. Соответственно, скорость создания новых и рост суммарного масштаба многонациональных сил и объектов военной инфраструктуры НАТО – как в глубине зоны ответственности Альянса, так и на его восточных рубежах – уменьшились к началу 2020-х годов. Одна из объективных причин этого – нехватка войск у европейских стран – участниц НАТО для обеспечения мира и порядка в зонах вооруженных конфликтов (прежде всего, в Мали и Афганистане) с учетом передачи значительной части наиболее боеспособных сил в состав военных механизмов Североатлантического альянса в Европе. Так, численность личного состава бундесвера, используемого вне зоны ответственности НАТО, в 2014–2019 гг. сократилась в 2 раза примерно с 7,0 до 3,5 тыс. военнослужащих (см.: [Anzahl 2019]). Результатом этого и стала необходимость наращивания иных – прежде всего, политико-дипломатических – усилий на треках урегулирования с целью компенсации негативного эффекта от снижения объемов собственно военных мер миротворческого характера.

Если само «замирание» уровня конфронтации наблюдалось уже с 2018 г., то осознание этого факта сторонами (как на Западе, так и в России) произошло лишь с 2019 г. Причем, как показала активизация переговорного процесса, обе стороны стремились избежать дальнейшего значительного роста напряженности выше данной черты, что во многом обусловлено внутренними факторами. В случае РФ это, прежде всего, решение масштабных «застарелых» социально-экономических проблем, что было обозначено в послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию в 2020 г. [Послание Президента 2020]. В Германии наблюдается тенденция постепенной, но неуклонной потери электоральной поддержки ключевыми центристскими политическими партиями – блоком ХДС / ХСС и СДПГ – в пользу оппозиционных, в том числе фланговых (прежде всего, «Альтернативы для Германии» и «Левой» партии) (см.: [Ergebnisse 2019]). Иллюстрацией этой тенденции стал первый в истории ФРГ полугодичный (!) кризис с формированием пра-

вительства после выборов в Бундестаг 24 сентября 2017 г. (до первой декады марта 2018 г.). Соответственно, эти факторы обусловливают заинтересованность обеих сторон – причем германской в не меньшей степени, чем российской – в налаживании взаимодействия в области урегулирования вооруженных конфликтов. Помимо фактического результата для официального Берлина исключительно важен имиджевый эффект как демонстрация способности действующей элиты особенно в крайне сложный период транзита власти от А. Меркель к ее будущим преемникам решать сложные проблемы международной безопасности. Реальные достижения германской дипломатии и их освещение в СМИ были крайне значимы для ФРГ в условиях глубокого и приобретшего к началу 2020-х годов затяжной характер кризиса ее отношений с США при администрации Д. Трампа.

Именно к началу 2020-х годов 45-й президент США был временно вынужден перейти от сугубо наступательной дипломатии к частично оборонительной. Трампизм представляет линию, нацеленную на достижение максимально быстрых и полных тактических результатов, причем даже в ущерб стратегическим приоритетам – как США, так и Евро-Атлантического сообщества в целом. Общим знаменателем кажущихся на первый взгляд хаотичными (и в реальности отчасти являвшихся таковыми) действий 45-го президента Соединенных Штатов выступало стремление к укреплению, в том числе возвращению, национального суверенитета в его классическом понимании. Обладая мышлением бизнесмена и де-факто придерживаясь парадигмы неореализма применительно к международным отношениям (а в ряде случаев и ортодоксального реализма), Д. Трамп демонстрировал критическое отношение не только к многосторонним форматам, но «стратегическим сделкам» и формулам, выработанным коллективно странами – участницами НАТО и ЕС в целом. Соответственно, его внешнеполитические шаги, в том числе по вопросам урегулирования вооруженных конфликтов, неоднократно шли вразрез с линией государств – членов и институтов Евро-Атлантического сообщества, порождая для них широкий спектр вызовов, вплоть до «стратегических шоков» для формальных союзников по НАТО. Иллюстрацией «особой линии» администрации Д. Трампа является его решение по запуску миссии специального представителя Государственного департамента США по Украине К. Волкера (июль 2017 г.; по сути, данный дипломат являлся личным эмиссаром президента). Эта структура представляла собой механизм, параллельный и во многом конкурировавший с «Нормандским форматом», притом не строивший свою работу на признании соглашения «Минск-2» как «краеугольного камня» урегулирования конфликта на востоке Украины. Показательно в связи с этим уже отмеченное снижение частоты контактов «четверки» в первой половине 2017 – первой половине 2019 г. Их активизации, помимо смены власти в Украине (победа В. Зеленского на

президентских выборах, и успех созданной им партии «Слуга народа» в ходе выборов в Верховную Раду) способствовала отставка К. Волкера со своего поста 27 сентября 2019 г. С точки зрения автора, именно она придала мощный импульс перезапуску «Нормандского формата» в Париже (9 декабря 2019 г.). Косвенным подтверждением тому служит динамика изменения частоты телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина: если в феврале – сентябре 2019 г. их было всего два, то за короткий период времени с 19 октября по 11 ноября – три[3].

Что касается Ливии, то администрация Д. Трампа вынуждена была смягчить линию в отношении Ирана [Remarks 2020] после убийства в результате ракетного обстрела США иранского генерала Касема Сулеймани 3 января 2020 г. Трамп вновь стал объектом масштабной как внутренней (со стороны фракции Демократической партии в Конгрессе), так и внешней критики. Именно это обстоятельство привело к частичной парализации деятельности американской администрации на «Большом» Ближнем Востоке. Тем самым было открыто «окно возможностей» для ФРГ, которое А. Меркель попыталась использовать в ходе визита в Москву 11 января 2020 г. (договоренность об этой поездке была озвучена 6 января) и последующей Берлинской конференции по Ливии 19 января 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau 2020].

В связи с этим следует подчеркнуть, что к началу 2020 г. администрация Д. Трампа в принципе уже израсходовала значительную часть потенциального запаса решений, могущих быть воспринятыми в качестве «шоковых». Не менее важна и тенденция успешной адаптации к ним со стороны Германии – зигзагообразные действия 45-го президента США стали легче прогнозироваться и, главное, не вызывать длительных пауз для осмысления со стороны официального Берлина.

Возобновление работы «Нормандского формата»: новое прочтение устоявшейся формулы?

На фоне динамичного транзита власти в Украине – сначала президентской и исполнительной, а затем и законодательной – германо-французский тандем обозначил интерес к активизации работы в формате «Нормандской четверки». Впервые это было осуществлено в ходе совместных телефонных переговоров канцлера ФРГ А. Меркель, президента Франции Э. Макрона и президента России В.В. Путина 21 мая 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Проведя предварительные консультации со вступившим в долж-

*3. Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера (http://*www.bundeskanzleramt.de*).*

ность президента Украины В. Зеленским, А. Меркель и Э. Макрон подчеркнули приверженность выполнению «Минска-2», выразив в связи с этим обеспокоенность решением РФ выдавать свои паспорта населению Донецкой и Луганской народных республик [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Фактически германо-французский тандем вернулся к схеме «челночной дипломатии», т.е. переговоров по формуле «2+1» поочередно с Россией и Украиной, которая использовалась при наличии угрозы «затормаживания» работы «Нормандского формата». В данном случае наиболее сложной задачей (формально «домашним заданием») для германо-французского тандема являлось обеспечение не только декларативной, но особенно и фактической приверженности официального Киева при президенте В. Зеленском выполнению «Минска-2».

При этом германский канцлер и французский президент приветствовали возможность восстановления РФ как полноправного (с возможностью голосовать) государства – члена Совета Европы [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Тем самым официальные Берлин и Париж подавали «сигнал» о стремлении к хотя бы частичной «разморозке» переговорных площадок с Россией.

В условиях смены верхних эшелонов власти в Украине германо-французский тандем и РФ стали взаимно зондировать почву для активизации использования, а по сути перезапуска «Нормандского формата». Принципиально это было согласовано в сентябре–ноябре 2019 г., что фиксировалось в ходе телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина 11 ноября 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019a]. Встреча была назначена на 9 декабря 2019 г. с проведением ее в Париже, что отражало перспективы развития отношений двух западноевропейских держав в дальнейшем функционировании «Нормандской четверки».

Переговоры состоялись в целом согласно плану, причем участие в них А. Меркель отдельно освещалось Ведомством федерального канцлера – подобная процедура применялась лишь в отношении наиболее значимых дипломатических акций. Встреча продолжалась почти 8 часов (!), по этому показателю лишь в 1,5 раза уступая подготовке «Минска-2» (12 февраля 2015 г.). Сначала переговоры проходили по схеме «1+2+1», затем «1+1» (Украина – Россия»), затем вновь были продолжены в формате «четверки».

Каковы основные задачи встречи и насколько полно они были выполнены? Прежде всего речь шла о демонстрации приверженности «Минску-2» с признанием факта его «пробуксовывания» [Fisher 2019; Stefart 2016], что отнюдь не обнуляло ценности этих договоренностей. В этом были заинтересованы как РФ, так и германо-французский тандем. Де-юре данная, базовая и наиболее общая, задача была выполнена – все эти положения на встрече 9 декабря были приняты президентом В. Зеленским [Pressekonferenz…9. Dez. 2019].

Уместно выделить три основные группы задач:

1) установление новых сроков имплементации положения миротворческого блока договоренностей «Минск-2» – установление «режима тишины», т.е. полное прекращение огневых контактов сторон конфликта к концу 2019 г. (что признавалось А. Меркель как весьма амбициозная цель); завершение разминирования бывшей зоны боевых действий – к концу 2020 г. [Pressekonferenz 2019]. Здесь реализовывалась уже ранее неоднократно апробированная переговорная схема: перенос срока выполнения положений «Минска-2» при неизменности их содержания. Были определены также три дополнительных пункта разведения сторон к марту 2020 г. – станица Луганская, Золотое и Петровское [Pressekonferenz 2019]. Таким образом продолжал реализовываться принцип создания новых точек и секторов в линии соприкосновения, свободных от войск с обеих сторон, с целью полного освобождения таковой. При этом А. Меркель подчеркнула практическую важность деятельности мониторинговой миссии ОБСЕ, а также переход ее к работе по формуле 24 / 7, т.е. без праздников и выходных; кроме того была обозначена необходимость наращивания ее профильных технических возможностей [Pressekonferenz 2019];

2) выполнение политического блока «Минска-2» на основе «формулы Штайнмайера» (выработанной экс-главой МИД ФРГ в сентябре–декабре 2015 г.). Речь шла о выступлении в силу на временной основе закона Украины об особом статусе территорий ДНР и ЛНР в день (т.е. *одновременно с* фактом) проведения на них местных выборов. В случае признания независимыми наблюдателями (в том числе, от ОБСЕ) выборов честными и прозрачными начинается реализация данного документа. А. Меркель подчеркнула, что эти вопросы являются наиболее сложными, признав тем самым, что продвижение в этой области минимально [Pressekonferenz 2019];

3) размен пленных сторонами по формуле «всех на всех» до конца 2019 г. [Pressekonferenz 2019].

Особо была оговорена необходимость дальнейшей активизации работы «Нормандской четверки» со сроком проведения ее нового саммита в течение четырех месяцев, т.е. в марте 2020 г. [Pressekonferenz 2019].

Каковы результаты данного направления российско-германского взаимодействия? С одной стороны, сам факт перезапуска «Нормандского формата» и настоятельная заинтересованность в продолжении его деятельности (в том числе на фоне фактического прекращения работы миссии К. Волкера с отзывом последнего) со стороны как Германии и Франции, так и России вызывает определенный оптимизм. Риск возвращения к состоянию «горячей войны» на востоке Украины продолжает сохраняться на среднем, не самом высоком уровне. С другой стороны, на практике из всех основных положений, согласованных на встрече 9 декабря 2019 г., было реализовано лишь одно – о раз-

мене «всех на всех». С точки зрения автора, ключевая причина тому – активное маневрирование официального Киева в вопросах выполнения «Минска-2» уже при администрации президента Зеленского. Таким образом, российско-германское взаимодействие по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины можно охарактеризовать схемой: движение вперед (притом со значительной перспективой) – вновь торможение, но с признаками поиска выхода из создавшейся ситуации. Аналогичным образом выглядит и вновь возникшая на рубеже 2010–2020-х годов кооперация ФРГ и РФ на ливийском направлении.

Берлинская конференция (2020): Начало «входа» ФРГ в «ливийский вопрос»?

На протяжении практически всего десятилетия 2010-х годов Германия принимала весьма ограниченное, по сути точечное, участие в поиске решений «ливийского вопроса» – обеспечения возвращения территории этой страны Северной Африки к состоянию постконфликтного стабильного развития. В данной связи возникали два вопроса: чем объяснялась позиция официального Берлина? И носила ли данная тактика дистанцирования среднесрочный или долгосрочный характер?

С точки зрения автора, уместно выделить три основные причины представленной линии ФРГ. *Во-первых*, официальный Берлин тем самым ненавязчиво демонстрировал, что он не несет ответственности за обрушение института государственной власти в Ливии. В условиях возникновения и развития гражданской войны в Ливии (с 2011 г.) Франция и Великобритания, поддерживаемые администраций Б. Обамы, поставили вопрос об оказании военно-силового давления на власти Джамахирии во главе с М. Каддафи. 18 марта 2011 г. на голосование в Совете Безопасности ООН был поставлен вопрос об установлении бесполетной зоны над Ливией. Германия, на тот момент являвшаяся непостоянным членом данной структуры, единственной из западных стран, представленных в ней, демонстративно воздержалась от голосования по проекту резолюции 1973 [Арзаманова 2011, с. 11]. Тем самым германское правительство направляло «сигнал» о неготовности к прямому военному участию в планируемой боевой операции. При этом в отличие от ситуации вокруг Ирака (2003), в принципе не стоял вопрос о возможной блокировке Германией механизма НАТО для его возможного военного-силового использования. Тем самым официальный Берлин оказывал условную политическую поддержку государствам – партнерам по Альянсу. Выражалась она в дипломатическом признании и в оказании экономической помощи, считавшейся умеренной, оппозиции режиму М. Каддафи [Pinfari 2012, p. 42–43]. Позднее это трансформировалось в поддержку Правительства национального

согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем. Следовательно, сделав заявку на обеспечение политических позиций в Ливии на перспективу, ФРГ формально сняла с себя ответственность за физическое уничтожение лидера Джамахирии и последующую деградацию системы государственной власти в стране. Это обеспечивало важное имиджевое преимущество Германии перед Францией, Великобританией и Италией при развитии диалога с руководством стран Северной и Северо-Западной Африки.

Во-вторых, в условиях крайне нестабильной обстановки внутри Ливии, проникновения на территорию этой страны и усиления боевиков «Исламского государства»[4] и «Аль-Каиды», официальный Берлин не демонстрировал готовности в принципе идти на сколько-нибудь активное наземное использование сил бундесвера для решения миротворческих задач. В целом германская сторона придерживалась принципа «стратегической сдержанности», что означало использование взвешенного подхода к применению войск вне зоны ответственности НАТО. В частности, речь шла об отказе от использования бундесвера в тех операциях, где существовал риск втягивания его в полномасштабные боевые действия, сопровождаемые существенными потерями, и, соответственно, отзывом мандата Бундестага. Показателен в связи с этим пример Сомали. Не желая принимать участие ни на одной из сторон в гражданской войне «всех против всех», в 1993 г. Германия поспешила досрочно вывести наземный контингент из состава сил UNOSOM II (1993). С начала 2000-х годов ФРГ вновь подключилась к решению «сомалийской проблемы», но резко изменила формы использования бундесвера: акцент был сделан на развертывание военно-морских группировок (во главе с западной антитеррористической коалицией – 2002–2013 гг.; ЕС – с 2008 г.). Следует заметить, что наземные операции или вовсе не проводились, или были минимальными (не более 20 офицеров и солдат, во главе с ЕС, в 2010–2017 гг.), ограничиваясь лишь решением военно-тренировочных, но отнюдь не масштабных миротворческих задач. Подобный метод был использован и в отношении Ливии: ФРГ силами ВМС принимала участие в операции ЕС «Sophia» (в 2012–2019 гг.), целью которой являлось пресечение неконтролируемых потоков беженцев из Африки и Ближнего Востока, в том числе через «ливийскую дверь», возникшую после падения Джамахирии. При этом в данном случае, в отличие от Сомали, ФРГ не пошла на развертывание даже точечной военно-тренировочной миссии, что свидетельствовало о том, что дееспособность властей в Триполи рассматривалась даже ниже (!), чем в Могадишо.

4. Запрещенная в России террористическая организация.

Наконец, *в-третьих*: в 1990–2000-е годы в рамках реализации ФРГ политико-военной стратегии на мировой арене странам Северной Африки в целом и Ливии, в частности, уделялось даже меньше внимания, чем, например, Афганистану, Ираку или Сомали – государствам, существенно более удаленным от Евро-Атлантического сообщества. Почему? Страны – участницы ЕС – прежде всего Франция, стремящаяся к развитию тандема с Германией, – традиционно имели разветвленные контакты в политико-военной области со странами Магриба, большинство из которых к началу 2010-х годов считались стабильными. «Арабское пробуждение» привело не только к дестабилизации в той или иной степени государств Северной Африки (вплоть до возникновения риска обрушения государственности в принципе – как это имело место в Ливии), но и временной деградации отношений части из них (Египет при «раннем» А.-Ф.Х. Ас-Сиси – 2013–2015) с Евро-Атлантическим сообществом. Миграционный кризис 2015–2016 гг. и тесно связанная с ним активизация структур международного терроризма высветили особую геополитическую значимость Северной Африки для Германии и ее партнеров.

Логичной в связи с этим стала интенсификация диалога с Тунисом, Египтом (после прихода к власти Ас-Сиси) и Алжиром – в том числе с целью координации усилий с ними (особенно последним) для урегулирования вооруженного конфликта в Мали – страны, игравшей роль «ворот» для притока масс беженцев и мимикрировавших под них террористов в сторону Европы. Параллельно германская дипломатия зондировала почву на предмет оказания помощи в решении «ливийской проблемы» [Pressekonferenz 2018]. Данная задача была одной из актуальных и в ходе турне А. Меркель по странам Сахеля в начале мая 2019 г.

Эта тенденция позволяет дать ответ на второй вопрос. На деле официальный Берлин был заинтересован в отказе от тактики дистанцирования от «ливийского вопроса», однако долго (до 2019 г.) не мог найти необходимого решения. Поиск перешел в наиболее активную фазу с сентября 2019 г., когда Ведомство федерального канцлера и МИД ФРГ начали подготовку международной конференции по Ливии. Подготовка к работе конференции потенциальных стран-участниц параллельно происходила по нескольким направлениям[5]: державы НАТО (прежде всего, Франция и Италия, а также США и Великобритания), наиболее заинтересованные и влиятельные игроки из числа стран Ближнего Востока и Африки (Турция, ОАЭ, Египет, Алжир и ДРК), а также КНР (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Параллельно в проработку схемы и повестки дня переговорного процесса были вовлечены профильные планетарные (ООН) и региональные (ЕС и Европейский совет, Лига арабских

5. См. информацию с сайта Ведомства федерального канцлера (https://www.bundesregierung.de).

государств, Африканский союз) структуры (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Соответственно, в данном случае официальный Берлин стремился использовать возможности «треугольника» ЕС-ООН-АС с возможностью его трансформации в случае тактической необходимости до «четырехугольника» (еще одной вершиной которой становилась ЛАГ). При этом особое место в рассматриваемой деятельности ФРГ играли попытки сотрудничества с Россией по ливийскому треку одновременно с развитием взаимодействия по украинскому, о чем, например, свидетельствовало содержание телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина 11 ноября 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019a]. В окончательном виде была согласована схема взаимодействия двух держав в ходе рабочего визита канцлера в Москву 11 января 2020 г. [Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau, 2020]. Примечательно, что на пресс-конференции по итогам переговоров на высшем уровне оба лидера осветили ливийскую проблематику еще до сирийской и украинской (см.: [Pressekonferenz 2020]). Канцлер ФРГ приветствовала призыв России и Турции к прекращению огня в Ливии от 8 января 2020 г. [Pressekonferenz 2020]. А уже 13 января 2020 г. в Москву прибыли руководители конфликтующих сторон – Правительства национального согласия (Ф. Сарадж) и Ливийской национальной армии (ЛНА; Х. Хафтар), а также глава высшего государственного совета страны Х. аль-Мишри. И хотя их прямой контакт не состоялся, а итоговый документ с фиксированием обязательств по прекращению огня не был подписан [Мирные переговоры по Ливии 2020], эта встреча создала основу для успешного проведения Берлинской конференции 19 января 2020 г. Совокупность представленных факторов позволяет охарактеризовать кооперацию РФ и ФРГ на ливийском направлении в начале 2020 г. понятием «сотрудничество». Интересно, что именно в ходе рабочего визита в Москву 11 января 2020 г. канцлер ФРГ обозначила окончательную схему состава будущей конференции: пять постоянных членов Совета Безопасности, ФРГ, а также круг заинтересованных региональных игроков [Pressekonferenz 2020].

Переговорная «связка» В.В. Путин – А. Меркель сыграла исключительную роль в достижении договоренностей на Берлинской конференции от 19 января 2020 г. (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). В ходе нее удалось не просто обеспечить прямой диалог между главами ПНС и ЛНА, но и обеспечить достижение де-юре оформленных договоренностей о прекращении огня в Ливии. Контроль над этим возлагался на профильный орган, комплектуемый по схеме «5+5», т.е. с равным долевым участием ПНС и ЛНА. Особо подчеркивалась необходимость регулярного (как минимум ежемесячного) многостороннего взаимодействия на различных уровнях для обеспечения развития межливийского диалога. Особо подчеркивалась необходимость установления полного эмбарго на поставки вооружений и военной техники (ВиВТ) в Ливию [там же]. Берлинская конференция оказалась выигрышной для истеб-

лишмента ФРГ сразу в двух основных отношениях. Во-первых, это позволило приостановить относительно успешное наступление войск Х. Хафтара на позиции Правительства национального согласия в Триполи. Для Германии, имеющей официальные отношения с последним, возникала также «ловушка» различий между ее союзниками: так, англосаксонские державы, а также Алжир и Тунис (практическая ценность которых как партнеров ФРГ к началу 2020-х годов резко возросла), поддерживали ПНС, а Франция и ряд значимых для Германии ближневосточных игроков (включая КСА, ОАЭ и Израиль) – напротив, ЛНА. Этот фактор еще более осложнял для Германии задачу выхода на «ливийское поле», поскольку, хотя она и оказывала поддержку ПНС, отнюдь не была готова игнорировать интересы группы стран, поддерживающих ЛНА. Во-вторых, ФРГ постаралась извлечь максимум преимуществ – прежде всего, имиджевых и политико-дипломатических – из того факта, что формально именно на Берлинской конференции был осуществлен перезапуск (а де-факто запуск) процесса урегулирования вооруженного конфликта в Ливии как части усилий по возвращению Северной Африки на путь стабильного развития.

Соответственно, успех переговоров 19 января 2020 г. обеспечил не просто включение ФРГ в процесс поиска решений «ливийского вопроса», но занятие позиций, сопоставимых с другими игроками, уже длительное время действующими на данном направлении. Став в авангарде усилий под эгидой ООН и ЕС (а также АС и ЛАГ) по созданию реально действующего режима эмбарго ВиВТ в Ливию, Германия попыталась купировать переброску туда турецких наемников и их оснащения – этот вопрос был поставлен А. Меркель в ходе ее переговоров с президентом Р.-Т. Эрдоганом уже 24 января 2020 г. [Pressekonferenz 2020a]. Вслед за этим официальный Берлин стал пытаться осуществлять «челночную дипломатию» в условиях «пробуксовывания» полного выполнения договоренностей от 19 января 2020 г. внутриливийскими сторонами (особенно ПНС). Так, 10 марта 2020 г. А. Меркель провела прямые переговоры с Х. Хафтаром [Bundeskanzlerin Merkel trifft 2020], а 12 марта 2020 г. созвонилась с Ф. Сараджем [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2020], помогая им искать точки соприкосновения и подчеркивая неприемлемость возобновления полномасштабных боевых действий. Тем самым официальный Берлин небезуспешно балансировал между двумя группами своих союзников и партнеров, соответственно поддерживающих ПНС и ЛНА.

22 апреля 2020 г. бундестаг ФРГ одобрил использование контингента бундесвера с «потолком» в 0,3 тыс. военнослужащих для использования в операции под эгидой ЕС IRINI, направленной на мониторинг режима соблюдения эмбарго на поставки ВиВТ в Ливию. Планировалось, что в первой фазе (до августа 2020 г.) Германия будет вести лишь воздушную разведку, а в последующем начнется привлечение ВМС (прежде всего, фрегатов) как средст-

ва пресечения перевозок оружия через акваторию Средиземного моря [Fragen und Antworten 2020]. Принятие этого решения ознаменовало собой новый этап участия ФРГ в решении «ливийского вопроса», с применением бундесвера, при последовательной демонстрации приверженности принципу «стратегической сдержанности». Более позднее (через четыре месяца после начала использования разведывательных самолетов) подключение ВМС объяснялось стремлением предварительно обеспечить обнуление (или как минимум резкое сокращение объемов) перевозок оружия и контингентов военных Турцией для поддержки ПНС. Учитывая непростое положение дел в германо-турецких отношениях, ФРГ стремилась избежать резкого кризиса в диалоге с официальной Анкарой.

Вновь следует отметить, что резко возросшая активность Германии на ливийском направлении с конца января 2020 г. базировалась на успешном исходе Берлинской конференции, что, в свою очередь, было бы невозможно без активной поддержки России. Однако в феврале–апреле 2020 г. наблюдался спад в их взаимодействии на ливийском направлении. Ключевая причина тому – стремление ФРГ к максимальному использованию выгод, созданных Берлинской конференцией, в свою пользу: интересно, что уже при ее освещении Ведомство федерального канцлера не отметило факт прямой связи с переговорами в Москве 13 января 2020 г. (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Стремясь компенсировать дистанцирование от решения «ливийской проблемы» в 2010-е годы, Германия позиционировала себя как максимально влиятельного игрока на данном направлении, вновь не используя в должной мере потенциала взаимодействия с РФ, что проявилось и при развитии контактов с Турцией, и при выполнении функций «челночной дипломатии» между ПНС и ЛНА.

Вместе с тем уже в феврале-марте 2020 г. наблюдалось «пробуксовывание» процесса имплементации решений Берлинской конференции. Преодоление этой трудности, сохранение которой рискует перевести «ливийский вопрос» в разряд «застарелых» и потому существенно более сложно урегулируемых в принципе, не может быть обеспечено без активизации сотрудничества с Россией.

* * *

Эффект «глобального замирания», вызванный распространением эпидемии COVID-19, оказал соответствующее воздействие на развитие ситуации в зонах ключевых вооруженных конфликтов. Это открыло возможность для детальной инвентаризации обстановки и поиска «прорывных решений». Безусловно, магистральный фактор, ограничивающий практические возможности взаимодействия Германии и России в области урегулирования вооруженных конфликтов продолжает оставаться неизменным. В связи с этим следует

отметить, что «идлибская проблема», заключающая в себе неготовность ФРГ и стран Запада и особенно условно примыкающей к ним Турции согласиться с разгромом военизированных сил оппозиции (лишь часть из которой можно отнести к «умеренной») продолжала оставаться основным «камнем преткновения» в германо-российском взаимодействии по Сирии на рубеже 2010–2020-х годов (см.: [Pressekonferenz 2020]). В этот период на афганском направлении взаимодействие РФ и ФРГ фактически было сведено к минимуму – показательно, что оно даже не упоминалось сторонами в качестве аспекта их кооперации [см.: там же]. Германия демонстрировала заинтересованность в сохранении своего политико-военного присутствия в Афганистане в условиях усиления позиций в нем Талибана и, наоборот, ослабления таковых у официального Кабула. Однако даже на фоне существенного ухудшения отношений с США в период президентства Д. Трампа, администрация которого стала налаживать диалог с талибами де-факто без сколько-нибудь активного участия партнеров по НАТО, Германия не стала использовать потенциал отношений с РФ для поиска контактов с Талибаном.

Драйверами развития взаимодействия двух держав в области урегулирования вооруженных конфликтов на рубеже 2010–2020-х годов оказались украинское (уже бывшее таковым в 2014–2016 гг.) и ливийское (в этом отношении новое) направления. При этом резкий взлет объемов кооперации ФРГ и РФ оказался кратковременным (ноябрь 2019 – январь 2020 г.). С точки зрения автора, по мере преодоления пандемии коронавируса с ее эффектом «глобального замирания», взаимодействие сторон в исследуемой области вновь существенно активизируется по сравнению со второй половиной 2010-х годов, хотя и продолжит носить зигзагообразный характер. Причиной предполагаемого роста объемов и результативности кооперации официального Берлина с Россией следует признать исключительную заинтересованность сторон в реальном уменьшении рисков. Прежде всего, проактивная линия важна для германского истеблишмента, для которого новая потеря электоральной поддержки на запланированных на 2021 г. выборах критична. Стратегическая причина видится в последовательной реализации Германией линии на достижение статуса полновесной глобальной державы. Решение данной задачи невозможно без выхода на качественно иной уровень взаимоотношений с другими мировыми державами – в том числе, расположенными вне Евро-Атлантического сообщества. Так, исключительные успехи германской дипломатии на рубеже 2010–2020-х годов, особенно на ливийском направлении, были в первую очередь обеспечены взаимодействием с Россией.

Библиография

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. 2011. № 26 (42). С. 11–15.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М.: Международные отношения, 1991. Вып. XLVII. С. 34–37.

Мирные переговоры по Ливии в Москве сорвались // Lenta.ru. 2020. 13 янв. URL: https://lenta.ru/news/2020/01/13/sarra (дата обращения: 26.04.2020).

Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, 15 января 2020 года // Президент России: Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 26.04.2020).

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. 447 с.

Anzahl der internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista. 2019. Jan. 13. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения: 20.01.2020).

Asseburg M., Lacher W., Transfeld M. Mission Impossible? UN Mediation in Lybia, Syria and Yemen. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2018. 64 p. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP08_Ass_EtAl.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden // Auswärtiges Amt. 2016.16.12. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (дата обращения: 26.04.2020).

Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 6. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-reist-nach-moskau-1710156 (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Mai 21. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1613696 (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019a. Nov. 11. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1690754 (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Fayez al-Sarraj // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 12. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-fayez-al-sarraj-1730094 (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chali-fa Haftar // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 10. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592 (дата обращения: 26.04.2020).

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (дата обращения: 26.04.2020).

Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019 // Wahlrecht. URL: http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm (дата обращения: 26.04.2020).

Fisher S. Der Donbas-Konflikt. Wiederstreinde Narrative und Interessen, schwierieger Friendensprozess. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. 2019. 42 S. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S03_fhs.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. April 22. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506 (дата обращения: 26.04.2020).

Pinfari M. Tunisia and Lybia // The European Union and the Arab Spring. Lexington: Lexington books, 2012. P. 33–48.

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Dez. 9. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200 (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2018. Sept. 17. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382 (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 11. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802 (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Erdoğan // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020a. Jan. 24. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-erdoğan-am-24-januar-2020-1715978 (дата обращения: 26.04.2020).

Remarks by President Trump on Iran // Whitehouse.gov: Official Website. 2020. Jan. 8. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran (дата обращения: 26.04.2020).

Stewart S. Die Zukunft der Minsker Vereinbarung // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP-Aktuell). 2016. N 12. 4 S.

Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (дата обращения: 26.04.2020).

Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2014.05.09. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Warsaw Summit Communique. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2016.09.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Weißbuch 1971 / 1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr / im Auftr. der Bundesregierung hrsg. vom Bundesminister der Verteidigung; Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1972. 228 S.

References

Anzahl der internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista. 2019. Jan. 13. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (date of access: 20.01.2020).

Arzamanova T.V. Pozicija Germanii vo vremja livijskogo krizisa-2011: Novaja vneshnepoliticheskaja strategija ili predvybornyj manevr? Evropejskaja bezopasnost': Sobytija, ocenki, prognozy [Germany's position during the Libyan crisis-2011: A new foreign policy strategy or an election maneuver? European Security: Events, estimates, forecasts]. 2011. N 26 (42). P. 11–15. (In Russ.)

Asseburg M., Lacher W., Transfeld M. Mission Impossible? UN Mediation in Lybia, Syria and Yemen. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2018. 64 P. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP08_Ass_EtAl.pdf (date of access: 20.01.2020).

Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden. Auswärtiges Amt. 2016.16.12. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (date of access: 26.04.2020).

Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018. North Atlantic Treaty Organization: Official Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 6. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-reist-nach-moskau-1710156 (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Mai 21. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1613696 (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019a. Nov. 11. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1690754 (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Fayez al-Sarraj // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 12. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-fayez-al-sarraj-1730094 (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chali-fa Haftar // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 10. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592 (date of access: 26.04.2020).

Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii ot 12 sentjabrja 1990 g. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR i Rossijskoj Federacii [Treaty on the Final settlement with Respect to Germany, 12 September 1990. The Bulletin of international agreements signed by the USSR and Russian Federation]. Moscow: Mezhdunaridnyie otnochenyia, 1994. Vol. XLVII. P. 34–37. (In Russ.)

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (date of access: 26.04.2020).

Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019. Wahlrecht. URL: http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm (date of access: 26.04.2020).

Falin V.M. Bez skidok na obstoyatelstva [No discount on circumstances. Political memories]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016. 447 p. (In Russ.)

Fisher S. Der Donbas-Konflikt. Wiederstreinde Narrative und Interessen, schwierieger Friendensprozess. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. 2019. 42 S. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S03_fhs.pdf (date of access: 26.04.2020).

Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. April 22. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506 (date of access: 26.04.2020).

Mirnyje peregovori po Livii sorvalis` [Free agreements on Lybia were failed]. Lenta.ru. 2020. 13 Jan. URL: https://lenta.ru/news/2020/01/13/sarra (date of access: 26.04.2020). (In Russ.)

Pinfari M. Tunisia and Lybia. The European Union and the Arab Spring. Lexington: Lexington books, 2012. P. 33–48.

Poslanije Presidenta Federalnomu Sobrniju. Moskva, 15 janvarja 2020 goda [The Address of Russian President to Federal Assembly. Moscow, 2020, Jan. 15]. President of Russia: Official Website. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (date of access: 26.04.2020). (In Russ.)

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Dez. 9. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200 (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2018. Sept. 17. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382 (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 11. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802 (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Erdoğan // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020a. Jan. 24. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-erdoğan-am-24-januar-2020-1715978 (date of access: 26.04.2020).

Remarks by President Trump on Iran // Whitehouse.gov: Official Website. 2020. Jan. 8. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran (date of access: 26.04.2020).

Stewart S. Die Zukunft der Minsker Vereinbarung // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP-Aktuell). 2016. N 12. 4 S.

Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (date of access: 26.04.2020).

Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2014.05.09. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 20.01.2020).

Warsaw Summit Communique. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2016.09.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (date of access: 20.01.2020).

Weißbuch 1971 / 1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr / im Auftr. der Bundesregierung hrsg. vom Bundesminister der Verteidigung; Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1972. 228 S.

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.06

М.Р. Азимова

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В работе рассматриваются состояние и перспективы развития оборонно-промышленных комплексов (ОПК) стран СНГ и Балтии, а также военно-технического сотрудничества (ВТС) на постсоветском пространстве, в том числе – в странах, геополитически отдалившихся от евразийского блока с центром в России, в условиях появления в последние годы новых внешних и внутренних угроз и вызовов.*

Исследуется теоретическая и документальная база ВТС на постсоветском пространстве, как одного из ключевых факторов политической интеграции. Проведен анализ состояния и динамики развития ОПК и военно-технического сотрудничества по отдельным странам постсоветского пространства.

Выявлено значительное усиление динамики взаимовыгодного сотрудничества большинства стран с Россией в последние годы, при этом страны Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и СНГ начинают разворачивать сотрудничество между собой и с третьими странами, в том числе в формате экспортных поставок вооружений. Показано, что фактический выход из сотрудничества с Россией и интеграционных процессов на постсоветском пространстве Украины углубил кризис ОПК этой страны. ОПК прибалтийских стран – членов НАТО полностью обслуживает интересы блока в условиях активизации использования этих стран в противостоянии с Россией.

Ключевые слова: *страны постсоветского пространства; вооруженные силы; оборонно-промышленный комплекс; военно-техническое сотрудничество; ОДКБ; СНГ; Украина; страны Прибалтики.*

Азимова Малика Рустамовна – научный сотрудник
Института проблем безопасности СНГ. Россия, Москва.
E-mail: malkaaz@mail.ru

Azimova M.R. The status and prospects of military-technical cooperation in the Post-Soviet space

Abstract. *The paper considers the state and prospects of development of the defense industry of the CIS and Baltic countries, as well as military-technical cooperation (PTS) in the post-Soviet space, including in countries geopolitically distant from the Eurasian bloc*

with a center in Russia, in the context of the emergence of new external and internal threats and challenges.

The theoretical and documentary base of military-technical cooperation in the post-Soviet space is considered as one of the key factors of political integration. The analysis of the state and dynamics of the development of the defense industry and military-technical cooperation in selected countries of the post-Soviet space has been completed.

A significant increase in the dynamics of the mutually beneficial cooperation of most countries with Russia in recent years has been revealed, while the CSTO and CIS countries are starting to develop cooperation between themselves and with third countries, including in the format of arms export. It is shown that the actual way out of cooperation with Russia and integration processes in the post-Soviet space of Ukraine has deepened the crisis in the defense industry of this country. The defense industry of the Baltic countries – NATO members fully serves the interests of the bloc in the context of increased use of these countries in the confrontation with Russia.

Keywords: *post-Soviet countries; the armed forces; the military-industrial complex; military-technical cooperation; the Collective Security Treaty Organization; the CIS; Ukraine; the Baltic countrie.*

Azimova Malika Rustamovna – research fellow CIS Security Institute, Russia, Moscow. E-mail: malkaaz@mail.ru

Военно-техническое сотрудничество является одной из ключевых для обеспечения безопасности сфер взаимодействия между странами, входящими в ОДКБ и в большинстве случаев – со странами СНГ. Считается, что этому способствуют льготные цены, близкие к тем, по которым поставляется вооружение армии России [Нерсисян 2015]. Сотрудничество в военно-технической сфере зачастую рассматривается как ключевой показатель интеграции. По мнению А. Хетагурова, сотрудничество в военно-технической сфере – один из наиболее важных показателей и инструментов геополитического и внешнеполитического влияния ведущих стран мира [Хетагуров 2017].

Целью настоящей работы является выявление основных тенденций в развитии ОПК стран СНГ и Балтии и ВТС на постсоветском пространстве в новых геополитических и экономических условиях последних лет.

Для России в данной сфере характерен прагматичный подход, направленный на поддержание собственной высокотехнологичной сферы экономики, напрямую ответственной за национальную безопасность посредством значительной экспортной выручки и лишь затем путем наращивания и закрепления своего геополитического влияния. Однако на постсоветском пространстве военно-техническое сотрудничество справедливо рассматривается как фактор политической интеграции [Антипов 2016]. Этой теме было посвящено немало политологических работ, в том числе и диссертаций [Пуга-

чев 2006]. Так, А.В. Пугачев доказывает тезис о том, что в условиях глобализации залогом безопасности России и других стран СНГ является тесное военно-техническое сотрудничество как основа политической интеграции. При этом для дальнего зарубежья ВТС рассматривается прежде всего фактор геоэкономической политики [Плешков 2007]. ВТС России с иностранными государствами важен для безопасности во всех сферах – от государственной и общественной до безопасности в информационной, экономической, транспортной, энергетической и экологической сферах [Левкин, Власова 2017].

По ряду причин в советский период производство вооружений и военной техники было сконцентрировано в России. В СССР на ОПК непосредственно работало 7 тыс. предприятий, при этом только около 1 тыс. из них находились вне РСФСР [Бендиков, Хрусталев 1998]. Оборонные предприятия России в настоящее время включают в себя около 1,4 тыс. заводов различного профиля. В ОПК реализуется от 65 до 75% инноваций в области российских научных разработок [Седов 2014]. В ОПК России заняты 1,7 млн человек, однако вопрос воспроизводства кадров стоит остро, в 2013 г. планировалось, что к 2025 г. потребуется почти 700 тыс. новых работников [Кадры для ВПК].

Системы международной безопасности существуют на постсоветском пространстве в рамках СНГ и ОДКБ. Россия – естественный ключевой актор обеспечения безопасности евразийского пространства, а усилившаяся в последние годы экономическая интеграция в Евразии (создание ЕАЭС) способствует наращиванию ВТС, в том числе в наиболее глубокой сфере – сотрудничества в создании и функционировании единой системы ОПК. А.В. Пугачев и И.А. Антипов в указанных работах отмечают противоречивый характер развития ВТС на пространстве СНГ, выделяя группы страны с разным уровнем сотрудничества с Россией, что в целом должно соответствовать уровню комплексности интеграции этих стран, а также самим возможностям по сотрудничеству [Пугачев 2006; Антипов 2016].

Ярким примером связи в военно-технической сфере двух стран является военно-техническое сотрудничество Великобритании и США. Великобритания – активнейший участник так называемого Специального соглашения по безопасности (Special Security Arrangement), предоставляющего иностранным компаниям право участия в американских оборонных заказах. Создание ударного истребителя пятого поколения F-35 Lightning II было бы невозможно без участия британских Rolls-Royce plc и BAE Systems как главных партнеров американских Lockheed Martin и Northrop Grumman. Британская BAE Systems стала основным подрячиком Boeing и Lockheed Martin при разработке F-22 Raptor. BAE Systems с того времени – основной иностранный подрядчик Минобороны США.

ОПК в странах ОДКБ, кроме России и Белоруссии, в целом только начинает восстанавливаться и модернизироваться после длительного застоя в постсоветский период. Интеграция в данной сфере достаточно перспективна, в том числе и как результат инвестиций России в эти страны. Для России имеется возможность удешевить производство, а для стран-союзников – обеспечить приток технологий. Вместе с тем в случае возможных переворотов и реализации иных «цветных» угроз возможны потери, сравнимые с теми, что Россия получила на украинском направлении.

Впервые вопрос присоединения к НАТО **Украины** встал уже к концу 2005 г. и в последние годы обострился чрезвычайно. При этом ВТС России и Украины до 2014 г. оставалось на высоком уровне. Украинские двигатели ставились на российские вертолеты, украинские газовые турбины – на боевые корабли. «Ижмаш» поддерживал боевое дежурство баллистических ракет, производящихся в Украине. Украинские предприятия широко выступали как субподрядчики российских заводов. В постсоветский период Россия довольно медленно, но неуклонно шла к независимости от украинских поставок, но в этой области достижения были невелики. До 2014 г. в Украине производились ракеты «воздух-воздух» Р-27, создана новая ракета Р-74 для истребителя пятого поколения, выпускались комплектующие для систем С-300. Ряд изделий выпускался для космической отрасли (ракеты «Протон»). Украина производила ракету «Зенит», которая использовалась в российском проекте «Морской старт». Украина, в свою очередь, зависела от России в производстве Ан-140, Ан-148, тех же вертолетных двигателей. Наиболее известное работавшее с Россией предприятие – «Мотор Сич», замена его вертолетным моторам постепенно нашлась на заводе в Санкт-Петербурге, однако этот процесс занял несколько лет. Для украинского ОПК кризис в отношениях с Россией оказался фатальным, новых рынков практически не нашлось, переоснащение собственных вооруженных сил шло с большими промахами и неудачами. Выступая на Международном форуме «Российская энергетическая неделя-2019», Президент России В.В. Путин напомнил об утраченном высокотехнологичном прошлом Украины в составе СССР. В 1990 г. в машиностроении было занято 40% всего промышленно-производственного потенциала республики. Сегодня мощности «Южмаша» практически простаивают, 11 судостроительных, 16 судоремонтных заводов, семь предприятий судового машиностроения, 11 предприятий морского приборостроения, перешедших к Украине от Советского Союза, «выродились» к настоящему времени всего в три компании: николаевский «Нибулон», киевскую «Кузницу на Рыбальском» и судостроительный холдинг «Смарт Меритайм Групп» (СМГ). Даже до 2014 г. загрузка верфей Украины не была ниже 10% от их мощности. Государственное предприятие «Антонов» функционирует на «на минимально

возможных оборотах», в последние годы не произведено ни одного самолета [Тихий 2019].

Напротив, в странах – участниках ОДКБ оборонно-промышленный комплекс в содружестве с Россией переживает возрождение. Договоренность о совместной программе модернизации ОПК в странах ОДКБ была достигнута еще в 2012 г.

По мощи вооруженных сил в мировом рейтинге **Казахстан** является четвертым на постсоветском пространстве и стремится к большему (в 2017 г. страна находилась пятью ступенями ниже) [Хроленко 2019]. На территории Казахстана в советский период располагалось много предприятий ВПК. Это заводы, выпускавшие продукцию для военно-морского флота, восемь больших испытательных полигонов, в их числе – Семипалатинский ядерный и противоракетный полигон Сары-Шаган (7% территории Казахстана). После распада СССР Казахстан получил 196 предприятий ОПК, среди которых были крупнейшие в мире. Осуществлялось производство торпед, компонентов систем ПРО, ракет морского базирования, а также вооружения для танков, радиоэлектронного оборудования, систем наведения, систем артиллерии и до 20 % БМП [Хроленко, 2019]. Кризис 1990-х годов привел практически к полной остановке заводов. В конце 1990-х годов Казахстан производил только крупнокалиберный пулемет НСВ-12,7 («Утес») – Уральский завод «Металлист». В 2007 г. Президент Казахстана утвердил госпрограмму развития ОПК. До 2015 г. планировалась модернизация оборонной промышленности с обновлением технического оснащения вооруженных сил. Основным партнером являлась Россия.

Развивается и сотрудничество с дальним зарубежьем. На основе бронеавтомобиля ЮАР «Marauder» создана учитывающая климатические условия местности бронемашина «Арлан», одна из лучших в своем классе. Готовится ее дальнейшее развитие – бронеавтомобиль «Барыс» с колесной формулой 8×8, поступивший на вооружение в 2019 г. для замены советской техники. Предприятие «Семей инжиниринг» станет базой для кластера ремонта, модернизации и техсопровождения техники (Т-72, БМП, БТР). Завод «Металлист» в Уральске кроме пулемета НСВ разрабатывает антиснайперскую винтовку: имеет достаточные перспективы и организации производства легкого стрелкового вооружения на предприятии объединения «Казахстан инжиниринг».

Казахстан ориентирован на диверсификацию поставщиков вооружений. ТОО «Еврокоптер Казахстан инжиниринг», расположенный недалеко от Астаны, собирает и комплектует специальным оборудованием вертолеты ЕС-145 (многоцелевой вертолет, созданный франко-германским концерном «Eurocopter»). В мае 2018 г. министр оборонной и аэрокосмической промышленности Б. Атамкулов сообщил о начале сборки в Казахстане Ми-8 / 17. По-

требности ПВО Казахстана обеспечиваются собственными производственными мощностями СКТБ «Гранит». Казахстан освоил производство трех координатных РЛС (радиолокационных станций LS).

В конце 2018 г. профильные заместители председателя правительств РФ и Казахстана с удовлетворением констатировали позитивную динамику сотрудничества в военно-технической сфере. Поддержана инициатива ежегодно проводить военно-промышленную конференцию России и Казахстана. По оценкам экспертов, ежегодные объемы ВТС составляют миллиарды долларов, притом что в целом казахстанско-российский товарооборот в 2018 г. достиг 18 млрд долл. [Хроленко 2019]. В ноябре 2018 г. была утверждена программа стратегического партнерства Казахстана и России в военной области на 2019–2021 гг. Документ был подписан в Астане генералами армии С.К. Шойгу и Н. Ермекбаевым и систематизировал взаимодействие в военно-технической сфере, проведении совместных маневров, военном образовании. Заместители министров договорились сформировать консультативный механизм для координации оборонных политик двух стран.

ОПК **Белоруссии** после распада СССР переживал трудные времена. В советский период здесь работали 120 организаций ОПК, из них – 15 НИИ и КБ. Крупные производства, как правило, не размещались. В 1994 г. межправительственное соглашение обеспечило продолжение сотрудничества между «оборонками» России и Белоруссии. Белорусский ОПК работает со странами СНГ, Китаем и ближневосточными партнерами.

В настоящее время в ОПК страны – около 50 предприятий и организаций. Для стратегических ракетных комплексов «Тополь-М» и «Ярс» незаменима продукция Минского завода колесных тягачей (шасси). Примерами являются ОАО «Пеленг» (системы прицеливания), БПО «Экран» (пилотажно-навигационные комплексы), БелОМО (аэрофотоаппаратура и комплексы высокоточных измерений для авиации), КБ «Дисплей» (мониторы для электронно-вычислительных устройств в сложных условиях эксплуатации). В ОПК Беларуси немало предприятий частного сектора («Тетраэдр», «Минотор-Сервис», НТЦ «ДЭЛС» и др.). Отсутствует, впрочем, единый госпосредник оборонного экспорта. Такими правами обладают ГВТУП «Белспецвнешторгтехника», ГВТУП «Белвнешпромсервис», ЗАО «Белтехэкспорт», кроме того ряд самих предприятий [Барабанов 2012]. Только предприятия «Тетраэдр» можно назвать критически важными для РФ поставщиками продукции и услуг – в модернизации ЗРК С-125М и «Оса» и разработке ряда своих систем. Ежегодный объем сотрудничества России с белорусскими оборонными организациями, начиная с 2001 г., превышает 1 млрд долл. В начале мая 2019 г. ВС Беларуси была передана очередная партия истребителей Як-130, были запланированы поставки новых РЛС «Сопка» и «Противник-ГЕ», модернизация танков Т-72 до уровня Т-72Б3 [Федюшко и др. 2019].

Армения нуждается в масштабном инвестировании в развитие своих вооруженных сил. После распада СССР в Армении осталось около 30 оборонных предприятий. Многие в 1990-х годах, как и везде, прекратили работу, но некоторые пытались держаться на плаву. Так завод «Разданмаш» (г. Раздан) разработал минометы и гранаты, стрелковое вооружение фирмы «Аспар» было испытано в армии. В Армении сохранилось и получило развитие производство оптических, тепловизионных и лазерных систем. На вооружении имеется произведенный в Армении автоматизированный комплекс разведки и управления огнем артиллерии (2К02), дальность выявления целей – 20 км. Разработаны тепловизионные приборы для танка Т-72А, повышающие его возможности, а также лазерные дальномеры. Внедряется в армию оптико-электронная система противодействия 3К01М, которая обнаруживает вражеские оптические и оптико-электронные системы на дальности до 2,5 км и может лазером «ослепить» прицел противника. Армения ведет производство собственных и модернизацию советских РЛС. Иранская РЛС Najm-802 была разработана Ереванским НИИ средств связи. На государственном и частном уровне разрабатываются и производятся беспилотные летательные аппараты (БПЛА) различных типов. БПЛА Х-55 имеет на сегодня максимальную продолжительность полета в шесть часов при крейсерской скорости 100−130 км / ч. На вооружение принимаются и «дроны-камикадзе». Армянские БПЛА идут на экспорт. Приняты на вооружение пулеметные турели с дистанционным управлением, проводится разработка АСУ войсками, военных роботов. Разрабатываются и производятся новые системы РЭБ (система «Шгарш» для подавления сигнала GPS на расстоянии до 30−60 км; система «Мшуш» для помех спутниковой телефонии), проводится модернизация уже имеющихся изделий (например, Р-300Б «Мандат» до уровня «Манушак» и «Ампроп»). Разработанные в Армении автомат К-3, снайперская винтовка К-11 распространения в войсках не получили. По лицензии обслуживалось и модернизировалось оружие «Калашников», но в 2018 г. «Калашников» и армянская частная компания Royalsys Engineering ltd. подписали контракт на производство по лицензии АК-12 и АК-15. Группа компаний «Промышленные технологии» (бренд «ORSIS», патронные заводы в Туле и Ульяновске) планирует производить в Армении боеприпасы. Капитально ремонтируются танки Т-72, предприятие «КамАЗ-Армения» обслуживает соответствующую технику «КамаАЗ», предполагается наладить на этой базе и модернизацию всей армянской боевой техники советского и российского производства. ОПК Армении стремится к экспорту продукции не только в Россию, но и в европейские страны (например, итальянский Leonardo и французские Thales Group и Dassault systemes), а также в Китай и Индию [Нерсисян 2019].

В последние годы обсуждаются инициативы по развитию военно-технического сотрудничества России и **Кыргызстана**. Так, на заводе «Дас-

тан» в советский период выпускались комплектующие для торпед, интерес для российской стороны представляет и завод «Нур», на котором производятся радиоэлектронные детали. Киргизская сторона считает необходимым создание совместных предприятий по производству продукции военного назначения, что позволит оживить промышленность страны, обеспечить занятость населения. Возрождение завода «Дастан», пусть пока и полностью при участии на первом этапе российских специалистов, может дать серьезный толчок к подготовке высококвалифицированных инженерных и рабочих кадров [Банников 2017].

В **Таджикистане** в советский период имелся ряд оборонных предприятий. Так, в 1968 г. в г. Истиклол был основан филиал Алексинского химкомбината (производство пороха). Вскоре завод получил название «Заря Востока» (как филиал уже Бийского химкомбината), ведя в том числе, производство твердого ракетного топлива. Часть предприятия занималась переработкой уранового сырья для атомной энергетики и ядерного оружия. В 2005 г. Москва и Душанбе подписали договор на утилизацию «Зарей Востока» твердого ракетного топлива (стартовал в 2010 г.). «Заря Востока» – единственное предприятие Таджикистана с списке оборонных предприятий стран ОДКБ [Рябов 2014]. В 2017 г. на высшем уровне было подписано Соглашение между Россией и Таджикистаном о рекультивации урановых хвостохранилищ и утилизации выведенных из эксплуатации производств по добыче и переработке урана. Перспективы ВТС России и Таджикистана, таким образом, неплохо просматриваются, однако ряд авторов полагает, что полноценное участие страны в системе коллективной безопасности возможно лишь при присоединении Таджикистана к ЕАЭС [Beloglazov, Mubarakshina, Zakirov 2019].

Интересна ситуация с сотрудничеством в сфере ОПК между Россией и странами, не входящими в ОДКБ, но сохраняющих достаточно близкие отношения с Россией, например с **Азербайджаном**. В первой половине 2000-х годов Баку начал новый этап модернизации армии, в том числе был создан новый ОПК. Было создано также министерство оборонной промышленности (2005), а в целом в 2004–2012 гг. военный бюджет страны увеличился в 20 раз. Для ОПК Азербайджана характерна многовекторность в политике военно-технического сотрудничества. МОП взаимодействует с более чем 60 зарубежными компаниями по таким направлениям, как авиация, навигация, приборостроение и др.

По мнению руководства ОПК этой страны, Азербайджан в производстве патронов в полной мере обеспечивает собственные силовые ведомства. Создаются и новые образцы вооружений, например 14,5-мм крупнокалиберная снайперская винтовка «Истиглал», налажено лицензионное производство 5,45-мм автомата Калашникова АК-74М, разрабатываются собственные ва-

рианты (5,56-мм и 7,62-мм) данного автомата. На ряде направлений имеются образцы, которые на 90% изготовлены из местных комплектующих. Вооружение азербайджанской армии полностью обеспечивается произведенными в Азербайджане стрелковым оружием и средствами ближнего боя, а также рядом боеприпасов. Разработан новый вариант модернизации бронетранспортера БТР-70, создана тактическая разведывательно-патрульная машина «Гюрза-1», разрабатываются управляемые авиационные бомбы. Для продажи на экспорт разработана мобильная 107-мм реактивная система залпового огня MLRSMC (Multiple Launch Rocket System Mobile Complex). Продукция ОПК экспортируется более чем в десять стран. В 2016–2018 гг. объемы экспорта ежегодно удваивались. Среди покупателей – США, Южная Корея, Ирак, страны Африки [Оборонно-промышленный комплекс 2018].

В **Узбекистане** разработана комплексная программа на 2017–2021 гг. по приобретению продукции военного назначения, ремонту и модернизации имеющейся на вооружении техники. Руководство страны ставит задачу создания собственного ОПК, для чего предполагается образование соответствующего государственного органа. Работают ремонтные предприятия Министерства обороны, Чирчикский авиационный ремонтный завод и госпредприятия НПО «Восток». Предполагается не только обеспечить собственные потребности в вооружении, но и выйти на его экспорт [Военно-промышленный, 2018]. Расходы Узбекистана на оборону достаточно высоки для постсоветского пространства: в 2018 гг. они составили до 4% ВВП (более 1,4 млрд долл.), при значительной для СНГ численности вооруженных сил (около 60 тыс. человек). В этих условиях большие средства идут на закупку новейших вооружений – от средств ПВО и вертолетов до бронетанкового вооружения, артиллерийских систем и средств связи. Для создания собственного ВПК руководство страны собирается активно привлекать зарубежную помощь в рамках 13 «дорожных карт» военно-технического сотрудничества. Прежде всего, речь идет о России. Реструктуризация узбекского долга России (2014) открыла новые для Узбекистана возможности в сфере ВТС. Узбекистан еще в марте 1994 г. подписал в России соглашение «О принципах взаимного технического и материального обеспечения вооруженных сил». В 2017 г. с Рособоронэкспортом заключен контракт на покупку 12 ударных вертолетов Ми-35. Сотни узбекских офицеров проходят обучение в российских профильных вузах. Узбекистан, как страна, имеющая особые взгляды на коллективную безопасность в регионе, также активно развивает сотрудничество с третьими странами в военно-технической сфере (например, с Азербайджаном). Планируются поставки в Узбекистан бронетехники из Казахстана. В сфере военного образования развивается взаимодействие с Китаем [Демидов 2018].

Как таковая оборонная промышленность в **Туркменистане** отсутствует, и Ашхабад использует в основном оружие и технику советского периода, по-

ставленную из России и других государств. В первые постсоветские годы Туркменистан особенно активно диверсифицировал источники получения оружия и услуг военного назначения. Ашхабад с 2001 г. наладил тесные контакты с Киевом. В 2003 г. Украина поставила Туркмении радиолокационную станцию «Кольчуга-М», что даже вызвало небольшой конфликт с Азербайджаном. В последние годы Россия поставила Туркмении танки Т-90С, реактивные системы залпового огня «Смерч» и ракетные катера проекта 12418 «Молния». Другой важный партнер для Туркменистана – Турция, у которой были закуплены различное снаряжение и автомобильная техника. В 2010 г. Туркменистан и Турция начали строительство двух сторожевых катеров NTPB с возможностью продолжения работ до шести единиц. Компания Dearsan Shipyard (Турция) должна была делать корпусные секции и модули, а Туркменистан – собирать катера (в г. Туркменбаши). В 2012 г. было подписано второе соглашение, еще на восемь катеров типа NTPB. Ашхабад намерен, таким образом, развивать производство собственной техники [Рябов 2014].

С 2004 г. на постсоветском пространстве есть страны НАТО. Согласно оценке ОДКБ, в Восточной Европе, в основном в странах Балтии и Польше, сосредоточено более 12 тыс. военных НАТО и около 700 единиц боевой техники. При этом весной 2020 г. в регионе были запланированы крупнейшие за 25 лет учения НАТО «Защитник Европы – 2020» (40 тыс. военнослужащих из 18 стран, 17 тыс. – из США). Это событие, естественно, рассматривается Россией как потенциальная угроза. Главными задачами маневров заявлены отработка логистики и оперативная передислокация большого количества военнослужащих и боевой техники [Начальник штаба 2020]. Необходимо понимать, что страны Прибалтики – практически единственные, кто выполняет «наказ» Д. Трампа тратить не менее 2% от своего ВВП на оборону.

Компании стран Прибалтики занимаются как производством новой техники, так и модернизацией советского наследия – одна из компаний **Литвы** занимается модернизацией советских систем ПВО (в частности, для Анголы была проведена модернизация зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-125, а также были поставлены модернизированные радары П-18МЛ и MARS-L. Правда, некоторые эксперты полагают, что занимаются этим украинские специалисты, переехавшие в Литву. Литовская ассоциация безопасности и оборонной индустрии и госконцерн «Укроборонпром» подписала несколько лет назад соглашение о сотрудничестве в обеспечении обороноспособности двух стран. «Постмайданная» Украина предполагает через Литву и другие страны Прибалтики наладить собственное военно-техническое сотрудничество с НАТО. При этом в риторике руководства сектора используются такие термины, как «общая восточная угроза», для «защиты» от которой необходимо сотрудничество двух стран в сфере новейших высоких оборонных технологий [Литва и Украина 2017]. Компания ВПК из США NBC Security Inc намерена

создать филиал в Каунасе, что будет способствовать распространению военных технологий и закреплению мягкой силы США в регионе. США с 2002 г. выделяют странам Прибалтики 175 млн долл. из оборонного бюджета на развитие военной кооперации и отдельной строкой 50 млн долл. на поддержку развития ПВО прибалтийских стран.

В **Эстонии** действует периодически обновляемая программа развития ОПК (с ориентацией на экспорт и высокую производительность труда). Бюджет на поддержку ОПК весьма невелик и увеличен до 800 тыс. евро к 2018 г. Предпринимаются меры по улучшению инвестиционного климата для ОПК. Эстония – активный член НАТО. В год своего председательства в ЕС (2017–2018) она продвигала идею совместной договоренности со странами – членами ЕС о повышении бюджетных расходов на оборону. В ОПК Эстонии входят компании, производящие электронику, средства кибероборонs, специальное снаряжение, дроны, роботы. В настоящее время на оборону работают около 100 предприятий, производящих все – от сапог и снаряжения для солдат до технологий кибероборонs и беспилотных летательных аппаратов.

В **Латвии** производится модульная транспортировочная система LSH, экипировка компании SRC Brasa, ручное оружие Dupleks, мобильные системы полевого отопления Grandeg, беспилотники компаний Milrem Latvia и UAV Factory, нестандартные грузоперевозки от компании Combi Logistics.

Таким образом, военно-техническое сотрудничество России, стран ОДКБ и СНГ в целом успешно развивается. Россия не только продает оружие, но и активно инвестирует в возрождение и создание ОПК в дружественных странах ближнего зарубежья. К этому обязывают трудности собственного развития, в частности кадрового обеспечения процесса, отход от пророссийского вектора сильно скооперированной с ней Украины. Это приносит России определенные риски, так как в сотрудничающих странах теоретически могут произойти политические катаклизмы, которые разрушат сотрудничество и вызовут утечку технологий и потерю инвестиций. В то же время растущий уровень ВТС демонстрирует повышение уровня консолидации стран евразийского пространства в противостоянии внешним угрозам. Кроме того, это дает большой толчок научно-техническому и военному развитию постсоветских стран, укрепляет мягкую силу России на постсоветском пространстве.

Библиография

Антипов И.А. Военно-техническое сотрудничество как фактор политической интеграции и укрепления безопасности Содружества Независимых Государств // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2 (7). С. 9–11.

Банников В. Вновь запустить заводы: на территории КР может появиться российское военное производство? // News-Asia. 2017.23.06. URL: http://www.news-asia.ru/view/ks/10520 (дата обращения: 1.04.2020).

Барабанов М. Оборонно-промышленный комплекс Белоруссии. Развитие через сохранение специализации // Военно-промышленный курьер. 2012.13.06. № 23 (440). URL: https://www.vpk-news.ru/articles/8950 (дата обращения: 1.04.2020).

Бендиков М., Хрусталев Е. Интеграция военной индустрии стран СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 135–141.

Военно-промышленный комплекс может стать локомотивом экономики Узбекистана // Podrobno.uz. 2018.13.03. URL: https://www.podrobno.uz/cat/economic/voenno-promyshlennyy-kompleks/ (дата обращения: 1.04.2020).

Демидов В. Как Узбекистан стал мощнейшей военной державой в Центральной Азии // 365info.kz. 2018.20.01. URL: https://365info.kz/2018/01/kak-uzbekistan-stal-moshhnejshej-voennoj-derzhavoj-v-tsentralnoj-azii (дата обращения: 1.04.2020).

Кадры для ВПК. «Оборонка» выходит из обороны // Аккредитация в образовании. 2013. № 64. URL: http://www.akvobr.ru/kadry_dla_vpk.html (дата обращения: 01.04.2020).

Левкин И.М., Власова И.А. Военно-техническое сотрудничество России в системе национальной безопасности страны // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 31–39.

Литва и Украина подписали ключевое соглашение в сфере ОПК // Спутник. 2017.12.10. URL: https://sptnkne.ws/n3An (дата обращения: 1.04.2020).

Начальник штаба ОДКБ раскрыл численность сил и техники НАТО в Балтии // Спутник. 2020.30.01. URL: https://sptnkne.ws/ChVZ (дата обращения: 1.04.2020).

Нерсисян Л. Каковы перспективы военно-промышленного комплекса Армении? // Новости глобальной политики. Ереванский геополитический клуб. 2019.16.01. URL: http://geoclub.info/kakovy-perspektivy-voenno-promyshlennogo-kompleksa-armenii/ (дата обращения: 1.04.2020).

Нерсисян Л. ОДКБ: Стратегия и практика коллективного договора // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2015. № 5 (37). URL: https://dfnc.ru/politica/odkb-strategiya-i-praktika-kollektivnogo-dogovora/ (дата обращения: 1.04.2020).

Оборонно-промышленный комплекс Азербайджана: особый повод для гордости // Armiya.az. 2018.23.05. URL: https://www.armiya.az/ru/news/132818/Оборонно-промышленный-комплекс-Азербайджана--особый-повод-для-гордости- (дата обращения: 1.04.2020).

Плешков А.Д. Военно-техническое сотрудничество как фактор геоэкономической политики России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 12 (21). С. 55–61.

Пугачев А.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации со странами – участниками Содружества Независимых Государств как фактор политической интеграции: Дис. … канд. полит. наук. М., 2006. 174 с.

Рябов К. Оборонная промышленность на постсоветском пространстве. Часть III // Военное обозрение. 2014.24.06. URL: https://topwar.ru/52367-oboronnaya-promyshlennost-na-postsovetskom-prostranstve-chast-iii.html (дата обращения: 1.04.2020).

Седов В.С. Роль ОПК в инновационном развитии экономики страны: дис. … канд. экон. наук. СПб., 2014.

Тихий Ф. Деградация. Украина катастрофически теряет промышленность и высокотехнологические отрасли // Украина.ру. 2019.07.10. URL: https://ukraina.ru/exclusive/20191007/1025234267.html (дата обращения: 1.04.2020).

Федюшко Д., Новичков Н., Шайхутдинов А., Азанов Р. Оборонное партнерство и экспорт. Какое оружие показали Россия и Белоруссия на MILEX 2019 // ТАСС. 2019.17.05. URL:https:// tass.ru/armiya-i-opk/6442415 (дата обращения: 1.04.2020).

Хетагуров А. Геополитические аспекты политики РФ в сфере военно-технического сотрудничества // РСМД. 2017.28.08. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/geopoliticheskie-aspekty-politiki-rf-v-sfere-voenno-tekhnicheskogo-sotrudnichestva/ (дата обращения: 1.04.2020).

Хроленко А. Для чего Казахстан и Россия наращивают военно-техническое сотрудничество // Спутник. 2019.24.01. URL: https://sptnkne.ws/uQSW (дата обращения: 1.04.2020).

Beloglazov A.V., Mubarakshina A.M., Zakirov A. Global Supply Chain Strategy in the Cooperation of Russia and Tajikistan in the Field of Security in the Early 21st Century // International Journal of Supply Chain Management. 2019. Vol. 8. N. 5. P. 943–947.

References

Antipov I.A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo kak faktor politicheskoj integratsii i ukrepleniya bezopasnosti Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. Gumanitarnye problemy voennogo dela [Military-technical cooperation as a factor of political integration and strengthening the security of the Commonwealth of Independent States. Humanitarian issues of warfare]. 2016. N 2 (7). P. 9–11. (In Russ.)

Bannikov V. Vnov' zapustit' zavody: na territorii KR mozhet poyavit'sya rossijskoe voennoe proizvodstvo? [Re-launch the factories: can Russian military production appear on the territory of the Kyrgyz Republic?]. News-Asia. 2017.23.06. URL: http://www.news-asia.ru/view/ks/10520 (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Barabanov M. Oboronno-promyshlennyj kompleks Belorussii. Razvitie cherez sohranenie spetsializatsii [The military-industrial complex of Belarus. Development through maintaining specialization]. Voenno-promyshlennyj kur'er [Military Industrial Courier]. 13.06. 2012. N 23 (440). URL: https://www.vpk-news.ru/articles/8950 (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Beloglazov A.V., Mubarakshina A.M., Zakirov A. Global Supply Chain Strategy in the Cooperation of Russia and Tajikistan in the Field of Security in the Early 21st Century. International Journal of Supply Chain Management. 2019. Vol. 8. N 5. P. 943–947.

Bendikov M., Hrustalev E. Integratsiya voennoj industrii stran SNG. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Integration of the military industry of the CIS countries. World Economy and International Relations]. 1998. N 12. P. 135–141. (In Russ.)

Demidov V. Kak Uzbekistan stal moshchnejshej voennoj derzhavoj v Tsentral'noj Azii [How Uzbekistan became the most powerful military power in Central Asia]. 365info.kz. Jan. 20, 2018. URL: https://365info.kz/2018/01/kak-uzbekistan-stal-moshhnejshej-voennoj-derzhavoj-v-tsentralnoj-azii (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Fedyushko D., Novichkov N., Shajhutdinov A., Azanov R. Oboronnoe partnerstvo i eksport. Kakoe oruzhie pokazali Rossiya i Belorussiya na MILEX 2019 [Defense partnership and export. What weapons did Russia and Belarus show at MILEX 2019]. TASS. 2019.17.05. URL:https://tass.ru/armiya-i-opk/6442415 (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Hetagurov A. Geopoliticheskie aspekty politiki RF v sfere voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Geopolitical aspects of Russian policy in the field of military-technical cooperation]. RIAC. 2017.28.09. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-

market/geopoliticheskie-aspekty-politiki-rf-v-sfere-voenno-tekhnicheskogo-sotrudnichestva/ (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Hrolenko A. Dlya chego Kazahstan i Rossiya narashchivayut voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo [Why Kazakhstan and Russia are building up military-technical cooperation]. Sputnik. 2019.24.01. URL: https://sptnkne.ws/uQSW (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Kadry dlya VPK. «Oboronka» vyhodit iz oborony. Akkreditatsiya v obrazovanii [Personnel for the military-industrial complex. «Defense» leaves defense. Accreditation in Education]. 2013. N 64. URL: http://www.akvobr.ru/kadry_dla_vpk.html (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Levkin I.M., Vlasova I.A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii v sisteme natsional'noj bezopasnosti strany. Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Russian military-technical cooperation in the country's national security system. Management consulting]. 2017. N 6. P. 31–39. (In Russ.)

Litva i Ukraina podpisali klyuchevoe soglashenie v sfere OPK [Lithuania and Ukraine signed a key defense industry agreement]. Sputnik. 2017.12.10. URL: https://sptnkne.ws/n3An (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Nachal'nik shtaba ODKB raskryl chislennost' sil i tekhniki NATO v Baltii [CSTO Chief of Staff revealed NATO forces and equipment in Baltic]. Sputnik. 2020.30.01. URL: https://sptnkne.ws/ChVZ (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Nersisyan L. Kakovy perspektivy voenno-promyshlennogo kompleksa Armenii? Novosti global'noj politiki. Erevanskij geopoliticheskij klub [What are the prospects for the military-industrial complex of Armenia? Global politics news. Yerevan Geopolitical Club]. 2019.16.01. URL: http://geoclub.info/kakovy-perspektivy-voenno-promyshlennogo-kompleksa-armenii/ (date of access: 10.04.2020). (In Russ.)

Nersisyan L. ODKB: Strategiya i praktika kollektivnogo dogovora. Novyj oboronnyj zakaz. Strategii [CSTO: Strategy and practice of collective agreement. New defense order. Strategy]. 2015. N 5 (37). URL: https://dfnc.ru/politica/odkb-strategiya-i-praktika-kollektivnogo-dogovora/ (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Oboronno-promyshlennyj kompleks Azerbajdzhana: osobyj povod dlya gordosti [The military-industrial complex of Azerbaijan: a special reason for pride]. Armiya.az. 2018.23.05. URL: https://www.armiya.az/ru/news/132818/Оборонно-промышленный-комплекс-Азербайджана--особый-повод-для-гордости- (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

Pleshkov A.D. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo kak faktor geoekonomicheskoj politiki Rossii. Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' [Military-technical cooperation as a factor in Russia's geo-economic policy. National interests: priorities and security]. 2007. N 12 (21). P. 55–61. (In Russ.)

Pugachev A.V. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federatsii so stranami-uchastnikami Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv kak faktor politicheskoj integratsii [Military-technical cooperation of the Russian Federation with member countries of the Commonwealth of Independent States as a factor of political integration]: Dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow, 2006. 174 p. (In Russ.)

Ryabov K. Oboronnaya promyshlennost' na postsovetskom prostranstve. Chast' III [The defense industry in the post-Soviet space. Part III]. Military Review. 2014. June 24. URL: https://topwar.ru/52367-oboronnaya-promyshlennost-na-postsovetskom-prostranstve-chast-iii.html (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Sedov V.S. Rol' OPK v innovatsionnom razvitii ekonomiki strany [The role of the defense industry in the innovative development of the country's economy]: Dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Saint Petersburg, 2014. (In Russ.)

Tihij F. Degradatsiya. Ukraina katastroficheski teryaet promyshlennost' i vysokotekhnologicheskie otrasli [Degradation. Ukraine catastrophically loses industry and high-tech indus-

tries]. Ukraina.ru. 2019.07.10. URL: https://ukraina.ru/exclusive/20191007/1025234267.html (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Voenno-promyshlennyj kompleks mozhet stat' lokomotivom ekonomiki Uzbekistana [Military-industrial complex could become the locomotive of the economy of Uzbekistan]. Podrobno.uz. 2018.13.03. URL: https://www.podrobno.uz/cat/economic/voenno-promyshlennyy-kompleks/ (date of access: 01.04.2020). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.07

Н.Н. Щетинина

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Аннотация. *В 2019 г. со стартом президентской кампании в Украине отмечается осознанный уход кандидатов от обсуждения актуальной общественно-политической повестки. Коммуникационные стратегии ведущих украинских политиков были направлены на создание репутационных рисков для оппонента за счет использования «неджентельменских» методов политической борьбы. Наиболее явными эти тенденции стали в противостоянии двух лидеров предвыборной гонки – Петра Порошенко и Владимира Зеленского.*

Опыт последних президентских выборов Украины оказался уникален, поскольку в результате был сформирован особый «сниженный», маргинальный политический дискурс. Основной темой дискуссий претендентов на президентский пост стал взаимный компромат, связанный с якобы имеющейся у них обоих алкогольной и наркотической зависимостью. Впервые в истории предвыборных дебатов, участники отказались от телевидения в пользу интернет-трансляций и активно использовали личные аккаунты в социальных сетях. Это давало им большую свободу в высказываниях, выборе соответствующей лексики и провокационных тем публикаций. Подобный способ политической коммуникации сыграл роль катализатора интереса электората к выборам и вызвал взрывной рост политической активности граждан в социальных сетях, преимущественно Facebook.

Успех на выборах Владимира Зеленского привел к тиражированию маргинальной коммуникации и активному использованию ее другими политиками. Необдуманные, неподготовленные и провокационные высказывания и поступки стали массовым явлением и сформировали маргинальный образ современной украинской политики. При этом возникает важный коммуникационный эффект: пропорционально увеличению цитируемости этих политиков в социальных сетях и социальных медиа растет негативное отношение к ним со стороны населения. Владимир Зеленский, пришедший к власти в маргинальном политическом контексте, изначально пользовался поддержкой граждан, но в дальнейшем существенно утратил доверие – за первые полгода его работы количество негативных комментариев о нем в Facebook выросло на 50%. Оппозиционные политики имеют возможность заявить о себе, используя тот же инструмент – социальные сети, но при этом противопоставляя себя маргинальной власти как внутри страны, так и на международной арене.

Ключевые слова: *маргинализация; политический лидер; Украина; массовые коммуникации; политика в социальных сетях; Владимир Зеленский.*

Щетинина Нина Николаевна – кандидат политических наук,
доцент факультета коммуникативного менеджмента
Российского государственного социального университета,
Россия, Москва. E-mail: nsh75@inbox.ru

Shchetinina N.N. Marginalization of political leaders in mass communications in modern Ukraine

Abstract. *When Ukraine held presidential election in 2019, their characteristic feature re was the candidates' conscious withdrawal from discussing the current socio-political agenda. The communication strategies of the leading Ukrainian politicians were aimed at creating reputational risks for the opponent by using «ungentlemanly» methods of political struggle. These trends were most evident in the confrontation between the two leaders of the election race – Petro Poroshenko and Vladimir Zelensky.*

Both in content and use of technology, the last presidential elections in Ukraine were unique – as a result, there took shape a special «reduced», marginal political discourse. The main topic of discussions between the candidates for the presidential post were mutual insinuations about the alleged alcohol and drug addiction of both. For the first time in the history of election debates, participants abandoned television in favor of Internet broadcasts and actively used their personal accounts in social networks. This gave them a plenty of freedom in their statements, in choice of vocabulary and provocative topics of publications. This method of political communication had played a role of catalyst for the voters' interest in the elections and caused an explosive growth of political activity of citizens in social networks, mainly Facebook.

The victory of Vladimir Zelensky led to the replication of marginal communication and its active use by other politicians. Rash, unprepared and provocative statements and actions have become a mass phenomenon and have formed a marginal image of modern Ukrainian politics. At that, there emerges an important communication effect: in proportion to the increase in the citation of these politicians in social networks and social media, the negative perception of them by the population increases. Vladimir Zelensky, who came to power in a marginal political context, initially enjoyed the support of citizens, but later significantly lost credibility. For example, in the first six months of his tenure, the number of negative comments on him on Facebook increased by 50%. This gives opposition politicians the opportunity to assert themselves using the same tool – social networks, at the same time placing themselves in opposition to the marginal power both at home and in the international arena.

Keywords: *marginalization; political leader; Ukraine; mass communications; Vladimir Zelensky.*

Shchetinina Nina Nicolaevna – Candidate of Political Sciences, associate Professor of the faculty of communication management of the Russian state social University, Russia, Moscow.
E-mail: nsh75@inbox.ru

Политические лидеры широко используют в своей деятельности различные виды массовой коммуникации. Их выбор обусловлен исторически сложившейся практикой и традиционными для этой сферы жанрами (предвыборные телевизионные дебаты, встречи с избирателями, агитационные листовки и проч.). При этом в последние годы заметна смена привычных форматов и смещение политических коммуникаций в Интернет и, в частности, в социальные сети. Трендмейкерами этого процесса выступили западные политики, среди которых особо выделяется президент США Дональд Трамп. Его победу на выборах принято связывать с использованием технологии big-data, а успех в борьбе с оппонентами – с игнорированием традиционных СМИ в пользу Twitter. По мнению многих политологов и исследователей, именно Twitter помог Трампу сделать лояльными значительную часть американцев, которые на выборах его не поддержали (его рейтинг вырос с 32% в начале президентской карьеры до 52% в марте 2019 г. вместе со стократным ростом подписчиков). Будучи достаточно успешным «первооткрывателем» этого канала для большой политики, Трамп создал определенную иллюзию простоты и доступности работы в таком формате [Что происходит 2019].

Проамериканские политики по всему миру, вслед за президентом США, в своей деятельности начали активно эксплуатировать социальные сети. При этом в некоторых случаях возникли непредвиденные коммуникационные эффекты и общественные процессы [Володенков 2018, с. 69–82]. На наш взгляд, интересен анализ украинской политической практики, где наблюдаются явления, которые можно определить как маргинализацию политических лидеров в социальных сетях.

Маргинализация (*от лат. – промежуточность, пограничность, снижение*) затронула как форму, так и содержание политической коммуникации Украины и стала следствием глобальных изменений в картине общественных отношений. Как показывают данные исследований, на протяжении 2014–2019 гг. украинский электорат последовательно менял свое восприятие ведущих политиков с энтузиазма на недоверие. Так было с президентом Порошенко (падение рейтинга с 56% в начале карьеры до 24 – в конце), то же происходит сейчас с президентом Зеленским (с момента выборов до марта 2010 г. произошло падение рейтинга с 73 до 50%) (данные исследований Центра им. Разумкова). Такие «качели» общественного мнения вызваны объективным ухудшением жизни населения, неспособностью власти выполнить свои обещания и решить критически важные для страны вопросы [Тихий 2019]. От-

ставка украинского Правительства в начале марта 2020 г. вызвана негативным отношением граждан к политике Зеленского. Народ на протяжении длительного времени ощущает себя в подвешенном состоянии, происходят неуправляемые перемещения больших масс людей в связи с разрушением социальной структуры, ухудшением уровня жизни населения, девальвацией традиционных норм и ценностей. В украинском обществе началось нисходящее социальное перемещение групп, постепенно теряющих прежние позиции, статус и условия жизни [Левченко 2020]. Традиционные средства коммуникации также оказываются дискредитированными, поскольку транслируют официальную информацию, не заслуживающую доверия.

В такой ситуации социальные сети оказываются своего рода горизонтальной моделью общества, в которой присутствуют и равноправно коммуницируют самые разные социальные группы, становятся альтернативной площадкой для политического процесса. Так, по данным исследования «3D-профили участников президентских выборов-2019», проведенного социологической компанией «Центр прикладных исследований», в Украине Facebook, как источник получения новостей, обогнал традиционные СМИ. Из Facebook информацию получали 49% избирателей, а из онлайн-СМИ – 33,5%. Цифры популярности Facebook также коррелируют с таким источником информации, как друзья / знакомые – их назвали 48,6% избирателей.

Учитывая эти данные, а также указанный мировой тренд на переход большой политики в социальные сети, украинские лидеры предприняли поиск альтернативных вариантов, способных эффективно воздействовать на разнородное и негативно настроенное украинское общество, когда требовалось охватить одновременно несколько противоречащих друг другу социальных позиций.

Стоит отметить новаторский подход и трансформацию мировых трендов в национальной практике, что особенно ярко проявилось в период предвыборной гонки 2019 г. В частности, Петр Порошенко, будучи на тот момент президентом страны, провел голосование относительно дебатов с Владимиром Зеленским в своем Telegram-канале. В свою очередь кандидат в президенты Украины Владимир Зеленский смотрел трансляцию дебатов с действующим главой государства Петром Порошенко, на которые он не явился, в прямом эфире в Facebook. Пользователи, наблюдавшие за выступлением Порошенко, заметили в эфире Facebook автоматическое сообщение соцсети: «Владимир Зеленский смотрит это вместе с вами». Для Украины это был новый стиль поведения политиков первого ранга, свойственный ранее скорее деятелям шоу-бизнеса или популярным блогерам. Как уже было отмечено, Порошенко или Зеленский не были здесь первооткрывателями, однако значимым отличием украинской практики стал специфический контент, уводящий общественность в направлении маргинализации их образов.

Украинская специфика связана с созданием инфоповодов, лишь косвенно имеющих отношение к политической повестке. Это, прежде всего, эксплуатация «желтой» тематики – алкоголизма и наркомании, якобы имеющих место у кандидатов в президенты. Порошенко и Зеленский по максимуму отработали эту тему, сдавая, например, кровь на анализ перед камерами, и тем самым сумели перенести акцент с традиционной предвыборной повестки в новую – маргинальную. Очевидно, это было их осознанным решением – увести дискуссию от проблем, которые они не хотели бы комментировать.

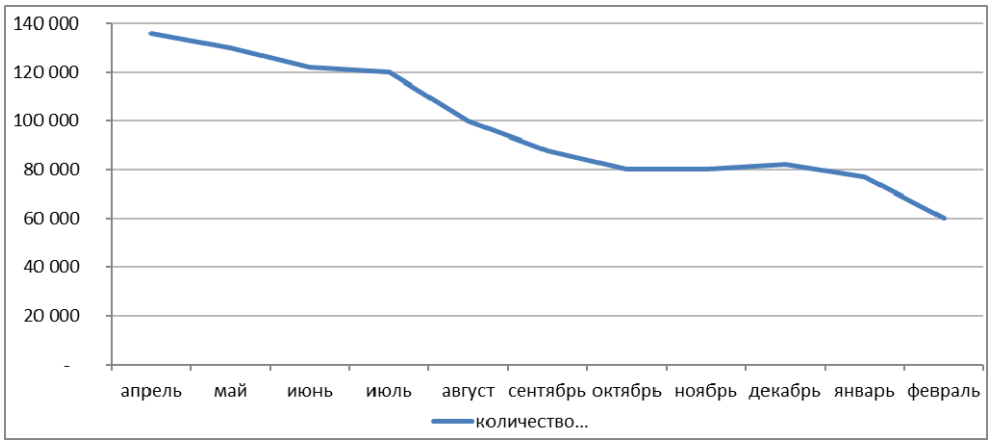
Маргинальное наполнение политической коммуникации породило также некоторые уникальные для современной политической практики форматы дискуссии. Впервые с античных времен предвыборные дебаты между Порошенко и Зеленским проводились на стадионе, при поддержке 15 тыс. сторонников и противников двух политиков. При этом масштаб происходящего был многократно увеличен за счет трансляции в социальных сетях и прямом эфире телеканалов. По данным администрации Порошенко, трансляцию в социальных сетях смотрели более 5 млн человек по всему миру [Трансляцию дебатов 2019] .

Наибольшие дивиденды от использования этого формата получил Владимир Зеленский, как имеющий больший опыт подобных коммуникаций за счет своего прошлого опыта в шоу-бизнесе. Убедительная победа на выборах и первые месяцы президентства показали поддержку и симпатию его персоне со стороны самых разных групп электората. Партия Зеленского «Слуга народа» также уверенно заняла первое место на парламентских выборах, и, возможно, поэтому после вхождения в должность Зеленский продолжил практику маргинальных политических коммуникаций.

Появлялись регулярные сообщения об эпатажных и обескураживающих фактах деятельности нового президента на фоне отсутствия прогресса в решении критически важных для Украины вопросов. В коммуникационном поле последовательно появляются такие новости, как «Бегство Зеленского от жителей Мариуполя через работающий фонтан» [Зеленский 2019], «Странное поведение Зеленского на совещании» [В сети 2019], «Я тебе лох какой-то?» – Зеленский «жестко побазарил» с нацистами на Донбассе [«Я тебе лох какой-то?» 2019], «Фото Зеленского-официанта перед Столтенбергом рассмешило пользователей соцсетей» [Фото 2019] и другие подобные этим инфоповоды.

Интересно, что поначалу граждане Украины не выказывали однозначно негативного отношения к такого рода сообщениям, но со временем оно начало меняться. Анализируя украинский Facebook, мы видим лояльное отношение к маргинальным проявлениям президента в апреле-мае и значительно менее оптимистичное, начиная с октября 2019 г. В целом падение рейтинга Зеленского в Facebook составило около 50% за указанный период (для анализа был использован интернет-сервис YOUSCAN).

Контент-анализ высказываний пользователей Facebook по запросу «Владимир Зеленский президент Украины» с апреля 2019 по февраль 2020 г. дает следующую динамику отношения пользователей социальной сети к этому политику (YOUSCAN).

Среди явлений, которые следует отметить особо: распространение присущих только коммуникации в социальных сетях явлений – мемы и хэштэги о Владимире Зеленском. Они связаны с инфоповодами, изначально запущенными Зеленским самостоятельно в Facebook, а затем получившими стихийное распространение в социальных сетях, а, следовательно – и в общественном сознании.

Так, после опубликования стенограммы уничижительного разговора Зеленского с президентом США Дональдом Трампом в Америке вновь заговорили об импичменте, а в Украине появилась волна мемов с главным действующим лицом «Моника Зелински» – по аналогии с секс-скандалом Билла Клинтона и Моники Левински [Скандал 2019]. Это резонансное событие совпало с падением в Facebook положительных комментариев в адрес Зеленского (см. диаграмму). С этого момента «Моника Зелински» – самое высокочастотное негативное именование президента Украины (45% от всех), за ним следует «нелох» (порядка 20%), на третьем месте «шут», с различными сопутствующими определениями – позорный, несчастный, жалкий и проч. (около 14%).

Феномен маргинальной политической коммуникации Владимира Зеленского становится еще более значительными, если принять во внимание, что он сделал подобный способ самопрезентации политика практически нормой для Украины. До президентства Зеленского на этом поле, конечно, «играли» определенные политики – например, мэр Киева Виталий Кличко или лидер

Радикальной партии Олег Ляшко. Однако при всей их эксцентричности эти персоны все-таки привязывали свои сообщения к политической повестке и, кроме того, не делали социальные сети основным каналом коммуникации. С приходом Зеленского маргинализация с использованием социальных сетей стала своего рода стандартом. Вслед за президентом Украины так действуют многие представители власти, ранее в маргинальных проявлениях не замеченные, а также новые политики, пришедшие в публичную сферу вместе с Зеленским.

Представим пятерку самых обсуждаемых в украинском Facebook тем, возникших за полгода с тех пор, как Владимир Зеленский пришел к власти.

1. Замминистра инфраструктуры Александра Клитина неожиданно разместила в своем Telegramm-канале сообщение, что она получила свою должность «через постель». Впоследствии пост был удален, его сменил другой, в котором автор говорила о том, что написала его под давлением и угрозами некоего неизвестного по имени Джокер. После Клитина была признана невменяемой и покинула свой пост.

2. Один из лидеров партии «Слуга народа» Богдан Яременко опубликовал в своем Facebook пост, в котором заявил: он устроил против журналистов, которые любят подсматривать в телефоны народных депутатов, «спецоперацию», инсценировав во время заседания Рады переписку с девушкой легкого поведения.

3. Еще один представитель этой же партии Илья Кива опубликовал на своей странице заявление, что собирается созвать пресс-конференцию для своего полового органа.

4. Министра образования Анну Новосад высмеяли за многочисленные грубые ошибки в тексте на украинском языке.

5. Министр здравоохранения Украины Ульяна Супрун назвала подорожавший лук «антисоциальным» продуктом.

Подобные сообщения многократно повторяются во всех каналах массовой коммуникации, создавая маргинальное поле, далекое от реальной политики. Украинские политические деятели, демонстрирующие более традиционный подход к формированию информационной повестки, начинают проигрывать во влиянии и известности, поскольку не создают столь резонансного контента и просто менее заметны. Создается своего рода парадоксальная зависимость: маргинальные проявления граждане воспринимают негативно, но при этом именно они являются маркером успеха в политической сфере.

Маргинализация политиков является заметной тенденцией сегодняшней Украины, однако в настоящий момент есть и обратные примеры – успех политиков, сделавших ставку на социальные сети, но не играющих в маргинальном коммуникативном поле. Наиболее заметной фигурой в этом смысле

является оппозиционный политик Анатолий Шарий, имеющий более 2 млн подписчиков и даже получивший в 2017 г. золотую кнопку YouTube. Социальные сети – по сути, единственный доступный ему канал для выражения своей позиции и критики власти, который он смог использовать для создания серьезной оппозиционной силы.

В 2019 г. Анатолий Шарий решил принять участие в парламентских выборах, но члены ЦИКа запретили ему баллотироваться в народные депутаты. Несмотря на это, его «Партия Шария» официально зарегистрирована. Успех Шария продемонстрировал, что в настоящей ситуации политику необязательно иметь официальный статус, чтобы быть услышанным и конкурировать за общественное мнение наравне с действующей властью. Кроме того, его деятельность показывает, что результативный выход в пространство социальных сетей должен быть подготовленным и подкрепленным специальными профессиональными знаниями и навыками. Имея хорошую подготовку в области интернет-коммуникаций, этот политик наращивает ряды своих сторонников и создает значимые информационные поводы, используя слабые места своих оппонентов в социальных сетях.

Маргинальный статус официальной власти является для оппозиционных сил, таких как «Партия Шария», отправной точкой их собственной коммуникационной стратегии. Маргинализация, определенно, становится долгосрочным трендом в украинской политике, что не может оставаться вне критики общественности и может стать основой роста новых политических сил. Насколько серьезным станет оппозиционный процесс, зависит от компетенций действующих политиков и их команд, в том числе в отношении выстраивания стратегии коммуникаций в социальных сетях.

Библиография

Володенков С.В. Роль информационно-коммуникативных технологий в современной политике // Научный ежегодник ИФиПУрО РАН. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 69–82.

В Сети обсуждают видео со странным поведением Зеленского // РИА Новости. 2019.07.07. URL: https://ria.ru/20190707/1556282163.html (дата обращения: 07.07.2019).

Зеленский побегал по фонтану в честь «освобождения» Мариуполя // ИА REGNUM. 2019.16.06. URL: https://regnum.ru/news/2648388.html (дата обращения 16.06.2019).

Левченко С. История успеха: постмайданной экономике Украины шесть лет // РИА Новости. 2020.29.02. URL: https://ria.ru/20200229/1565323789.html (дата обращения: 29.02.2020).

Период разочарования: эксперты о причинах падения рейтинга Зеленского// Актуальные комментарии. 2019.16.10. URL: http://actualcomment.ru/period-razocharovaniya-eksperty-o-prichinakh-padeniya-reytinga-zelenskogo-1910161748.html (дата обращения: 22.09.2019).

Скандал вокруг «Моники Зеленски» набирает обороты. Что пишут в западных СМИ // Украина.ру. 2019.26.09. URL:https://ukraina.ru/digest/20190926/1025128782.html (дата обращения: 26.09.2019).

Тихий Ф. Пятилетка Порошенко: Итоги правления в цифрах и фактах // Украина.ru. 2019.31.03. URL:https://ukraina.ru/exclusive/20190331/1023139328.html (дата обращения: 27.09.2019.)

Трансляцию дебатов Зеленского и Порошенко на разных платформах посмотрели 5 млн раз // ТАСС. 2019.20.04. URL:https://tass.ru/obschestvo/6357129 (дата обращения: 20.04.2019).

Фото Зеленского-официанта перед Столтенбергом рассмешило пользователей соцсетей // Газета.ru. 2019.01.11. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/11/01/n_13645442.shtml (дата обращения: 01.11.2019).

Что происходит с миром, когда Трамп пишет в Твиттере // РБК. 2019.29.05. URL:https://quote.rbc.ru/news/article/5d429da29a79476a1b54765b (дата обращения: 29.05.2019).

Щедрин Ю. Выборы 2019 – новые тренды // Pravda.com.ua. 2019.01.03. URL: https://www.pravda.com.ua/rus/columns/2019/03/1/7207999/ (дата обращения: 21.09.2019).

«Я тебе лох какой-то?» – Зеленский «жестко побазарил» с нацистами на Донбассе // Русская весна. 2019.26.10. URL: https://rusvesna.su/news/1572093426 (дата обращения: 26.10.2019).

References

Volodenkov S.V. Rol` informacionno-kommunikativny`x texnologij v sovremennoj politike [The role of information and communication technologies in modern politics]. Nauchny`j ezhegodnik IFiPUrO RAN. 2018. Vol. 18. Iss. 2. P. 69–82. (In Russ.)

V Seti obsuzhdayut video so stranny`m povedeniem Zelenskogo [Video with strange behavior of Zelensky is discussed on the web]. RIA Novosti. 2019.07.07. URL: https://ria.ru/20190707/1556282163.html (date of access: 07.07.2019). (In Russ.)

Zelenskij pobegal po fontanu v chest` «osvobozhdeniya» Mariupolya [Zelensky ran around the fountain in honor of the «liberation» of Mariupol]. IA REGNUM. 2019.16.06. URL: https://regnum.ru/news/2648388.html (date of access 16.06.2019). (In Russ.)

Levchenko S. Istoriya uspexa: postmajdannoj e`konomike Ukrainy` shest` let [Levchenko S. Success Story: Six Years of Post-Maidan Economy of Ukraine]. RIA Novosti. 2020.29.02. URL: https://ria.ru/20200229/1565323789.html (date of access: 29.02.2020). (In Russ.)

Period razocharovaniya: e`ksperty` o prichinax padeniya rejtinga Zelenskogo [The period of disappointment: experts on the reasons for the fall in Zelensky's rating]. Aktual`ny`e kommentarii. 2019.16.10. URL: http://actualcomment.ru/period-razocharovaniya-eksperty-o-prichinakh-padeniya-reytinga-zelenskogo-1910161748.html (date of access: 22.09.2019). (In Russ.)

Skandal vokrug «Moniki Zelenski» nabiraet oboroty`. Chto pishut v zapadny`x SMI [The scandal around «Monica Zelensky» is gaining momentum. What is written in the Western media]. Ukraina.ru. 2019.26.09. URL:https://ukraina.ru/digest/20190926/1025128782.html (date of access: 26.09.2019). (In Russ.)

Tixiy F. Pyatiletka Poroshenko: Itogi pravleniya v cifrax i faktax [Poroshenko's Five-Year Plan: Results of the Board in Figures and Facts] // Ukraina.ru. 2019.31.03. URL:https://ukraina.ru/exclusive/20190331/1023139328.html (date of access: 27.09.2019). (In Russ.)

Translyaciyu debatov Zelenskogo i Poroshenko na razny`x platformax posmotreli 5 mln raz [The broadcast of the debates of Zelensky and Poroshenko on different platforms was watched 5 million times]. TASS. 2019.20.04. URL:https://tass.ru/obschestvo/6357129 (date of access: 20.04.2019). (In Russ.)

Foto Zelenskogo-oficianta pered Stoltenbergom rassmeshilo pol`zovatelej soczsetej [Photo of Zelensky-waiter in front of Stoltenberg amused users of social networks]. Gazeta.ru. 2019.01.11. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/11/01/n_13645442.shtml (date of access: 01.11.2019). (In Russ.)

Chto proisxodit s mirom, kogda Tramp pishet v Tvittere [What Happens to the World When Trump Tweets]. RBK. 2019.29.05. URL:https://quote.rbc.ru/news/article/5d429da29a79476a1b54765b (date of access: 29.05.2019).

Shchedrin Y. Vy`bory` 2019 – novy`e trendy` [Elections 2019 – new trends]. Pravda.com.ua. 2019.01.03. URL:https://www.pravda.com.ua/rus/columns/2019/03/1/7207999/ (date of access: 21.09.2019).

«Ya tebe lox kakoj-to?» – Zelenskij «zhestko pobazaril» s nacistami na Donbasse [«Am I a sucker for you?» – Zelensky «toughly talked» with the Nazis in the Donbass]. Russkaya vesna. 2019.26.10. URL: https://rusvesna.su/news/1572093426 (date of access: 26.10.2019).

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.08

Н.И. Бубнова

АМЕРИКАНО-УКРАИНСКИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ЗЕЛЕНСКОМ: В ТЕНИ «УКРАИНГЕЙТА»

Аннотация. *Хотя Украина изначально находилась на периферии внешнеполитических интересов Дональда Трампа, именно действия американского президента на украинском направлении стали причиной крупнейшего американского внутриполитического кризиса, приведшего к расследованию в Конгрессе США и принятию решения Палаты представителей об импичменте президента.*

Обвинения Трампа в использовании им внешней политики и государственных ресурсов в личных целях не только послужили инструментом в развязанной против него представителями Демократической партии и либеральным истеблишментом внутриполитической кампании, но и действительно отражали различные представления о должном и допустимом во внешней политике и государственном управлении. Но то, что вменялось в вину Трампу, считалось его оппонентами предосудительным, поскольку касалось, в том числе, и американских внутренних дел. В то же время прощаемые его конкуренту Байдену эскапады в адрес Украины и украинских деятелей, ультимативные приемы давления воспринимались как норма, поскольку речь шла о делах другой страны, т.е. в ход шли типичные двойные стандарты.

При этом задача урегулирования украинского конфликта оказалась в тени американского внутриполитического конфликта, как бы отодвинута на задний план.

Соединенные Штаты могли бы оказать давление на Украину с целью склонить ее выполнять «формулу Штайнмайера» и Минские соглашения. Однако в отличие от периода администрации Обамы в настоящее время в Вашингтоне в значительной степени (хотя и не обязательно с участием президента) сложился консенсус в восприятии России как виновника украинского конфликта и агрессора, а киевских властей – как форпоста борьбы за свободу против «экспансионизма» Москвы; эти тезисы звучали вновь и вновь в ходе слушаний по импичменту. Исходя из подобной бескомпромиссной убежденности, многие в Вашингтоне искажают смысл Минских соглашений – как это было при попытках согласования в Париже разведения войск на востоке Украины по всей линии соприкосновения.

Однако каковы бы ни были последствия американского внутриполитического скандала для отношений Киева с Вашингтоном и европейскими столицами, а также для международных отношений в целом, необходимо предпринять все усилия в направлении мирного урегулирования на востоке Украины. В этом деле российская сторона готова словом и делом доказывать свою заинтересованность в мирном

процессе и содействовать при этом обеспечению суверенитета и территориальной целостности Украины (Крым в данном контексте не рассматривается).

Ключевые слова: *украинский конфликт; американо-украинские отношения; Трамп; Зеленский; слушания по импичменту; Минские соглашения; «формула Штайнмайера»; Байден; quid pro quo; «Буризма».*

**Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова
РАН, Россия, Москва. E-mail: nbubnova@imemo.ru
Web of Science Researcher ID: U-3588-2017
Scopus Author ID: 57196712897**

Bubnova N.I. U.S. relations with Ukraine under the presidency of Zelensky: The shadow of «Ukrainegate»

Abstract. *Although Ukraine had not initially been at the forefront of Donald Trump's foreign policy interests, it was precisely his actions towards Ukraine that had provoked major U.S. domestic political crisis leading to consequent impeachment hearings. The allegations about Trump's use of foreign policy and state resources for personal benefit not only became an instrument in the U.S. domestic political struggle, but reflected two different perceptions of what is right and acceptable and what is not in foreign policy and state governance. However, while Trump received criticism for his alleged quid pro quo, Biden seemed to get away with pressuring Ukrainian statesmen, because this latter case had to do with a foreign country alone, not United States per se – typical double standards.*

Nevertheless, the vital issue of resolving the Ukrainian crisis was essentially sidelined by the U.S. domestic skirmishing. Washington missed the opportunity to use its influence to convince Kiev to implement in good faith its international obligations, the Minsk Agreements and the Steinmeier Formula. With the president and his team preoccupied with other matters, a virtual bi-partisan consensus emerged in post-Obama Washington (which manifested itself, among other things, throughout the impeachment hearings) – putting the sole blame for the Ukrainian conflict on Russia and presenting Ukraine as the outpost of fight for freedom against Moscow's «expansionism».

However, notwithstanding the damaging consequences of the American domestic scandal for international relations as well as for Ukraine's relations with the United States and European countries, the peace settlement in the East of Ukraine should be reinstated as a priority.

Keywords*: Ukrainian conflict; U.S.-Ukrainian relations; Trump's foreign policy; Biden; impeachment hearings; Minsk Agreements; Steinmeier Formula; quid pro quo; Burisma.*

**Bubnova Natalia Igorevna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,**

Russia, Moscow. E-mail: nbubnova@imemo.ru
Web of Science Researcher ID: U-3588-2017
Scopus Author ID: 57196712897

Украина всегда – со времени распада СССР – воспринималась в Вашингтоне в значительной степени в контексте взаимоотношений США с Россией [Бубнова 2015]. С зимы 2013–2014 гг., со времени протестов на Майдане, завершившихся насильственным отстранением от власти президента Виктора Януковича, присоединением Россией Крыма и конфликтом на востоке страны с применением силы со стороны Киева и ополченцев Донбасса при поддержке Москвы – Украина оставалась главным камнем преткновения в российско-американских отношениях [Арбатов 2018, с. 112]. Переговоры по урегулированию конфликта, ознаменовавшиеся подписанием в 2014 и 2015 гг. Минских соглашений, не привели к его завершению, а лишь к подмораживанию, с периодическими обострениями ситуации. Хотя изначально Украина не была в числе внешнеполитических приоритетов Дональда Трампа, однако под давлением американского политического истеблишмента и Конгресса в первые годы его президентского срока произошла определенная активизация действий Белого дома на украинском направлении [Бубнова 2018, с. 61–63]. Была создана служба представителя по Украине, которым стал Курт Волкер. Именно при Трампе параллельно с существовавшими форматами – «Нормандским» (Россия, Украина, Франция, ФРГ) и контактной группой (ОБСЕ, Украина, РФ, ДНР и ЛНР) – возник «третий трек» переговоров: начали периодически проходить встречи между возглавляемой Волкером американской делегацией и российской делегацией под руководством Владислава Суркова. Однако при Трампе же начались поставки летального вооружения Киеву – на которые в свое время так и не дал согласия Барак Обама.

Когда Владимир Зеленский победил на выборах в мае 2019 г., многие в американском политическом истеблишменте утверждали, что Владимир Зеленский получил президентское кресло вместе с мандатом на борьбу с Россией. Однако в действительности – о чем говорил сам Зеленский – его избрание явилось отражением стремления украинского народа к завершению военного конфликта и примирению с Россией; именно за это выступали почти три четверти населения, отдавшие свои голоса за Зеленского. Зеленский не высказывался в пользу военного решения проблемы, но его слова о том, чтобы «найти решение где-то посередине» [Как Зеленский 2018], не свидетельствовали об однозначном стремлении следовать букве Минских соглашений. Зеленский получил дополнительную свободу действий в связи с прошедшими в июле 2019 г. досрочными выборами в Раду, по результатам которых пропрезидентская партия сформировала большинство в парламенте, состав которого в целом стал менее радикальным (националисты получили лишь несколько про-

центов от общего числа мест). Хотя другая сторона украинского политического спектра тоже не ослабила своего давления. Министр внутренних дел Украины Арсен Аваков, входящий в оппозиционную партию Юлии Тимошенко «Батьківщина», летом 2019 г., во время поездки в США, предлагал американским властям – вопреки Минским соглашениям – постепенно признавать подконтрольными киевским властям все новые части территории, находящейся в «серой зоне» размежевания между украинскими войсками и силами ополченцев востока Украины.

Хотя американская сторона выразила поддержку Минским соглашениям, специальный представитель американского президента по Украине Курт Волкер неоднократно говорил о том, что Россия является стороной конфликта и поэтому несет ответственность за то, что происходит на востоке Украины; в Вашингтоне именно Москву обвиняли в нарушении Минских соглашений. Вместе с тем в американских официальных заявлениях, делавшихся в связи с избранием Зеленского, констатировалось, что с новым президентом будет легче преодолеть ситуацию на востоке страны, «если с российской стороны будет проявлена серьезность». А Трамп настоятельно советовал Зеленскому «встретиться и договориться с Владимиром Путиным» [Trump... 2019].

Скандал по поводу обвинений в *quid pro quo*

Победив на выборах, Зеленский придавал особое значение отношениям с США как особому партнеру, предоставляющему Украине значительную политическую поддержку и военную помощь. Однако на церемонию инаугурации в Киеве в последнюю декаду мая 2019 г. американская делегация, вопреки ожиданиям, прибыла в сильно сокращенном составе и не под руководством президента, вице-президента или же государственного секретаря, а всего лишь министра энергетики. А затем в конце августа, в отличие от предыдущих лет, никто из высокопоставленных вашингтонских государственных лиц не приехал на празднование очередной годовщины независимости Украины.

Дело в том, что не без влияния своего юриста Рудольфа Джулиани, считавшего, что в Украине «много ужасных людей» [LaFraniere, Kramer, Hakim 2019], Трамп полагал, что со стороны Киева происходило вмешательство в американские выборы 2016 г. Хотя американские спецслужбы и пришли к заключению, что таких попыток не было. А затем в американских СМИ появились публикации, будто бы это Россия, стремясь отвлечь от себя внимание после публикации выводов комиссии Мюллера, провела «спецоперацию» для того, чтобы заставить поверить, что украинские власти пытались воздействовать на американские выборы. То же самое в своих показаниях в Конгрессе утверждала и старший сотрудник Брукингского института Фиона Хилл, до

июля 2019 г. исполнявшая обязанности специального помощника президента США по европейским и российским делам [Fiona Hill 2019].

Однако Трамп так и не расстался с убеждением, что в Украине в период американской избирательной кампании пытались его «ниспровергнуть» (*take down*) [LaFraniere, Kramer, Hakim 2019], что где-то там находится «пропавший без вести» сервер избирательного штаба американской Демократической партии со многими тысячами компрометирующих Клинтон электронных сообщений, что его главный оппонент от Демократической партии, бывший вице-президент Джо Байден и его сын Хантер воспользовались служебным положением первого не только в собственных корыстных целях, но и затем, чтобы попытаться воспрепятствовать победе Трампа. Именно пользовавшемуся его доверием Рудольфо Джулиани Трамп поручил наладить такое взаимодействие с украинской стороной, которое позволило бы вывести его противников на чистую воду. И наставлял своих американских коллег и украинских чиновников, чтобы те «говорили с Руди» [LaFraniere, Kramer, Hakim 2019]. Тому же Джулиани, как считают, одновременно поручалось добиться включения американских представителей в руководство крупнейшей украинской нефтяной компании «Нафтогаз», занимающейся транзитом российской нефти и газа.

Хотя через несколько месяцев, когда в ходе импичмент-расследования выяснилось, что Джулиани, работая на президента и приезжая в Украину для выполнения его поручений, параллельно вел собственные дела: завязывал контакты, проводил встречи, договаривался с потенциальными клиентами (в том числе с бывшим генеральным прокурором Украины, о том чтобы представлять того), то Дональд Трамп, в свойственной ему манере, поторопился дистанцироваться от Джулиани. При этом он намеренно принижал его роль – дескать, вроде и не поручал ему заниматься Украиной: «Ну да, он собирался съездить на Украину. Не знаю, съездил ли» [Gittleson 2019]. (Точно так же в 2018 г. Трамп повел себя по отношению к другому своему бывшему юристу Майку Коэну, когда того вызывали для дачи показаний: впоследствии того осудили за махинации.) Однако не прошло и нескольких месяцев, как стало известно, что тот же Джулиани снова поехал в Украину, где, как предполагают, по заданию своего патрона собирал компрометирующую информацию относительно противников Трампа.

Зеленский намеревался осуществить свой первый зарубежный визит именно в Соединенные Штаты, чтобы наглядно подчеркнуть приоритетность отношений с этой страной. Трамп включил было приглашение новому украинскому президенту посетить Белый дом в отправленный им текст поздравления Зеленскому с победой на выборах. Однако затем представители и доверенные лица Трампа в беседах с украинскими официальными лицами стали выдвигать в качестве условия проведения американо-украинского саммита

требование Зеленскому публично заявить о начале расследования событий 2016 г. и деятельности украинской нефтяной компании «Буризма», в состав совета директоров которой входил весьма высокооплачиваемый, но не обладающий должной квалификацией сотрудник – Хантер Байден.

А затем в Конгресс поступил донос информатора о телефонном разговоре Трампа с Владимиром Зеленским 29 июля, который сам президент называл «прекрасным», а его критики и сообщивший о нем инсайдер сочли доказательством шантажа и злоупотребления президентской властью в личных целях. Докладу дали ход и было положено начало процессу, получившему в США название «Украингейт» и сопоставимому по своей внутри- и внешнеполитической амплитуде с тем скандалом, который в свое время стоил президентского поста Ричарду Никсону. Представителями Демократической партии и либерального истеблишмента, которые и до того вели непримиримую борьбу против Трампа, в связи с этим была развязана грандиозная внутриполитическая кампания. В сентябре 2019 г. против президента было начато расследование для подготовки импичмента по двум обвинениям: злоупотребление служебным положением и попытки воспрепятствовать проведению расследования. Состоялись слушания по импичменту сначала в комитете по разведке Палаты представителей, которая с конца 2018 г. контролируется демократами, а затем в ее юридическом комитете.

В ходе упомянутого телефонного разговора с Зеленским Трамп одновременно просил его изучить информацию о делах Хантера Байдена в Украине (с очевидной целью получить сведения о своем ведущем оппоненте и будущем противнике на предстоящих выборах) и при этом одновременно упоминал об американской помощи, предоставляемой этой стране. А примерно за десять дней до того телефонного контакта Дональд Трамп заморозил одобренные Конгрессом 400 млн долл. расходов на военную помощь Украине. (Затем, через пару месяцев, Пентагон, как сообщали, пришел к выводу о необходимости сохранения этой помощи и под давлением как демократов, так и республиканцев нужную сумму разморозили.) Возмущение критиков президента вызывало также то, что, как следовало из информации осведомителя, впоследствии подтвержденной, запись телефонной беседы Трампа с Зеленским попытались максимально засекретить.

А еще Трампа обвиняли в том, что для своих дел с Украиной он использовал не обычный механизм Государственного департамента и дипслужбы, а специально созданный «*very irregular*» канал, действовавший через так называемых «трех *amigos*» (по названию известного блокбастера конца 80-х годов): посла США в ЕС Гордона Сондланда, специального представителя по Украине Курта Волкера и министра энергетики Рика Перри; к этим трем добавляли и руководителя аппарата Белого дома Мика Малвэни, которого и считали руководителем этих самых *amigos*. Впрочем, Волкер во время слу-

шаний по импичменту говорил, что не принадлежал к «*amigos»*, а, напротив, подчеркивал, что являлся официальным представителем Вашингтона во взаимоотношениях с Киевом. Сам Трамп – и тогда в беседах со своими подчиненными и впоследствии в ходе импичмент-расследования – упорно настаивал, что не было никакого *quid pro quo*, т.е. давления или тем более шантажа по принципу: ты мне – я тебе. Но его доверенные лица и исполнители его поручений, в первую очередь посол США в ЕС Гордон Сондланд, говорили, что, согласно их пониманию, именно это и подразумевалось. Якобы Джулиани наставлял их: «Не будет встречи, если не будет анонсировано расследование (дела “Буризмы” и роли в нем Байденов. – *Н. Б.*)». И все летние месяцы, пока они стремились убедить президента согласиться провести саммит, «*amigos*» одновременно доводили до украинской стороны пожелание Белого дома сделать публичное заявление о начале расследований. (Впоследствии, сразу же после оправдания Трампа Сенатом, Сондланд, наряду со многими другими сотрудниками администрации, согласившимися дать показания в рамках процедуры подготовки импичмента, был уволен со своего поста американского посла в ЕС.

А затем через какое-то время, уже к концу рассмотрения в Сенате дела об импичменте, и советник по национальной безопасности Джон Болтон признался, что Трамп побуждал его оказать давление на Украину, чтобы там начали расследование «соперников Трампа на выборах», что Трамп, в свою очередь, продолжал категорически отрицать.

Но, по словам того же Сондланда, президент самолично говорил ему: «Я не хочу ничего [от Украины]. Нет никакого *quid pro quo*. Я хочу, чтобы они сделали то, что правильно. Я хочу, чтобы он [Зеленский] сделал то, что обещал во время избирательной кампании [выполнил обещание относительно борьбы с коррупцией]» [Raymond 2019]. В дальнейшем Трамп не раз приводил это свидетельство Сондланда в доказательство собственной добронамеренности и в конечном счете невиновности. В то время как и Сондланд, и Волкер утверждали, что до начала расследования в Конгрессе не прослеживали связи разговоров по поводу «Буризмы» с Байденами.

Хотя само по себе то обстоятельство, что Трамп начал упорно повторять это словосочетание *quid pro quo*, было затем использовано как своего рода улика против него – дело в том, что данное латинское выражение было изначально употреблено в записке информатора, и сам факт, что президент снова и снова прибегал к нему якобы косвенно свидетельствовал – наряду с другими появившимися по ходу дела новыми обстоятельствами – о том, что он был ознакомлен с доносом гораздо раньше, чем предполагалось, и просто заметал следы.

Открывая 24 сентября 2019 г. слушания по поводу импичмента в палате представителей Конгресса, лидер демократического большинства Нэнси Пе-

лоси сказала, что «Трамп предал клятву президента, предал национальную безопасность, предал выборы» [Nancy Pelosi 2019]. Однако у стороннего наблюдателя, смотревшего транслировавшиеся в прямом эфире заседания в верхней палате Конгресса, зачастую возникали вопросы, а именно: не работники ли американского аппарата предосудительно ведут себя по отношению к президенту, к делу, к товарищам и коллегам по работе и друг к другу? Не они ли компрометируют профессиональную и дипломатическую этику, предавая гласности сказанное в частных разговорах и в секретной переписке?

Вскоре стало известно, что при упомянутом телефонном разговоре присутствовал также государственный секретарь Майк Помпео, которому было предъявлено предписание представить в Конгресс ряд связанных с данным делом документов. Кстати, позднее из показаний Сондланда выяснилось, что и другие в окружении президента, включая вице-президента Пенса и советника по национальной безопасности Болтона, также были в курсе замысла главы Белого дома. Помпео не стал отрицать этого, но сделал заявление с осуждением демократов за инициирование расследования по импичменту, назвав это «попыткой запугать, прессинговать и третировать высокопоставленных профессионалов Государственного департамента» [Hoonhout 2019].

Однако впоследствии и бывший посол в ЕС Уильям Тэйлор, и глава аппарата Белого дома Мик Малвэни подтвердили (впрочем, последний всего через пару дней опроверг свое заявление), что речь со стороны президента США шла о размене: согласие Зеленского провести расследование, связанное с сыном Байдена Хантером, в обмен на поставки вооружений в Украину и назначение встречи на высшем уровне с украинским лидером.

А бывшая представитель США в ООН Никки Хейли в своей книге, презентованной как раз перед началом публичных слушаний в Конгрессе по импичменту, также упоминала, что Рекс Тиллерсон и Джон Келли подговаривали ее действовать «в обход» Трампа, якобы чтобы «спасти страну».

Во время слушаний в Конгрессе выяснилось, что советник американского посольства Дэвид Хоумс (первое, но как потом оказалось, не последнее – свидетельство непосредственного очевидца!) слышал телефонный разговор, когда Сондланд позвонил из одного из украинских ресторанов президенту Трампу. В этом разговоре Трам говорил о необходимости добиться от Украины публичного обещания провести расследование деятельности «Буризмы». После завершения обеда Хоумс спросил у Сондланда, что президент думает по поводу Украины, и тот ответил, что президенту наплевать на Украину: «Он думает только о важном» (*big stuff*), т.е. о расследовании Байденов, а не об Украине [Banco 2019]. С точки зрения критиков Трампа, это однозначно подтверждало, что президент радеет не за национальные интересы страны, а преследует собственные политические цели. Данное свидетельство подавалось как чрезвычайная сенсация (по-английски: *bombshell* – взрыв бомбы).

Позже последовало еще одно признание. Свидетель со стороны сотрудника Совета национальной безопасности подполковника Александра Виндмана впоследствии, в середине ноября, дал показания на импичмент-слушаниях. После оправдания Трампа в Сенате Виндман был уволен одновременно с Сондлендом и вместе со своим братом-близнецом, тоже подполковником СНБ.

Со скандалом, связанным с оглаской телефонного разговора, связывают уход со своего поста американского специального представителя по Украине Курта Волкера, неожиданно подавшего в отставку после обнародования информации о доносе осведомителя. При этом была ликвидирована и сама должность специального представителя по Украине, что тоже не свидетельствовало о сохранении особой значимости данного направления в американской внешней политике в условиях развивавшегося «Украингейта». Волкер первым был упомянут в доносе осведомителя и первым был вызван для показаний по импичмент-расследованию в Конгресс, по требованию которого предоставил в распоряжение законодателей сотни электронных сообщений, лишь подливших масла в огонь. Из этих документов становилось совершенно очевидно: давление Трампа на Зеленского преследовало цель заставить последнего возобновить расследование деятельности Байденов; взамен Трамп обещал разморозить военную помощь Украине и назначить дату двустороннего саммита. Сам же Волкер настаивал, что ранее не улавливал связи между требованием возобновить расследования «Буризмы» и Байденами и не знал, что в разговорах с украинскими представителями о проведении расследований упоминают Байденов.

Когда же слушания по импичменту перешли в юридический комитет Палаты представителей вновь зазвучали обвинения в адрес Трампа; утверждалось, что будто бы президент не настаивал на самом расследовании деятельности Байденов, а требовал именно и только публичного его анонсирования. Это якобы дополнительно свидетельствовало о том, что действия президента носили политический характер – в значении этого слова, принятом в английском языке, т.е. имели целью помочь в борьбе на выборах против главного соперника, получить результаты во внешних делах для себя, а не для страны.

Сам Зеленский неоднократно отрицал, что на него оказывалось давление, и по крайней мере 4 раза выступал с утверждением, что никакого *quit pro quo* с американской стороны не предполагалось. (Некоторое время считалось, что в Киеве до начала сентября вовсе не знали, что американские поставки вооружений заморожены, но затем выяснилось, что все-таки еще с середины лета все было известно.) Впрочем, очевидно, большее значение имеет тот факт, что соответствующее публичное заявление Зеленского, которого якобы добивался Трамп, так и не было сделано, а поставки американских вооружений в Украину все же начали осуществляться. Более того, состоялась и встреча

Трампа и Зеленского, хоть и не в Белом доме и не в полном формате во время Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 29 сентября 2019 г., с последующей совместной пресс-конференцией. Впрочем сам Трамп заверял, что не хотел звонить Зеленскому, что министр энергетики Рик Перри уговорил его сделать это, чтобы провести американцев в наблюдательный совет «Нафтогаза».

Удивительно, что за океаном это представлялось допустимым. Так же в свое время серьезно отнеслись и к угрозе Байдена, озвученной еще при предыдущем президенте, заблокировать 1 млрд долл. помощи Украине, если там не уволят генерального прокурора. Это требование было выполнено, и Байден потом хвастался этим как своим достижением.

То, что вменялось Трампу, считалось предосудительным, поскольку относилось к американским внутренним делам, в то время как претензии Байдена к Украине касались «только лишь» другого государства. Иначе говоря речь идет о типичном расхождении между принципами для Америки и подходами, применяемыми для остальных стран, т.е. мы имеем дело с теми самыми двойными стандартами, которые оказываются столь характерными для американского представления о мире.

В то время как Трамп, пытаясь доказать правомерность своих действий, обратился в прямом эфире к китайцам с призывом расследовать деятельность Байдена, этим эпатажем он стремился продемонстрировать, что ничего предосудительного в его разговоре с Зеленским не было. (Впрочем, как стало известно позже, он еще в июне вел с Си Цзин Пинем подобные разговоры по поводу не только Байденов, но и другого претендента от Демократической партии сенатора Элизабет Уоррен, связывая размеры американских тарифов на китайские товары с готовностью китайской стороны начать соответствующие расследования).

После показаний на слушаниях в Конгрессе бывшего посла в Украине Марии Йованович, снятой со своей должности весной 2019 г., новой темой в американских СМИ стало утверждение о том, будто бы Трамп, уволив ее, попытался воспрепятствовать ее борьбе с коррупцией в Украине (в доказательство ссылались на связи Рудольфо Джулиани, которому он доверил проводить президентскую политику в Украине, с двумя американскими гражданами – выходцами из советской Украины, Львом Парнасом и Игорем Фруманом, арестованными в США по подозрению в махинациях. «Наша политика на Украине была в раздрае» (*disarray*), – говорила Йованович [Glasser 2019]. Трамп, парируя эти обвинения, утверждал, что, напротив, хотел от Киева честности и борьбы с коррупцией, и именно потому и настаивал на проведении расследований по поводу деятельности «Буризмы».

Впрочем, по-настоящему сенсацией стало то, что никто в Конгрессе – ни демократы, ни республиканцы, ни противники президента, ни его сторонники –

не подвергали сомнению тезис о «российской агрессии» и «российском экспансионизме». Постоянно звучали утверждения о том, что оружие, о котором шла речь, Украине отчаянно, экзистенциально необходимо для того, чтобы обеспечить свое существование. И это притом, что даже название Украины выступавшие на слушаниях не всегда могли произнести правильно, фамилию украинского президента, зачастую выговаривали по-разному, хотя многие называли Украину «союзником» (вне зависимости от ее действительного юридического статуса), а Соединенные Штаты – не стесняясь – ее «патроном». Подчеркнем: все без исключения считали необходимым продолжение противостояния: «Украина – это передовой фронт борьбы с российской агрессией» [The Trump 2019]. Это сильно отличалось от периода администрации Обамы, когда политический истеблишмент в США был разделен по вопросу о целесообразности поставок вооружений в Украину, и решение в результате так и не было принято, это произошло уже только при Трампе.

По итогам состоявшихся слушаний, палата представителей в декабре 2019 г. проголосовала за импичмент Трампу. И хотя затем, 6 февраля, Сенат большинством голосов оправдал его по обоим пунктам обвинения, по американским законам считается, что ему был объявлен импичмент, и в истории он останется как президент, который был подвергнут импичменту. А Украина оказалась, хоть и косвенно, но скомпрометированной американскими внутриполитическими скандалами. Помимо того, что всем было наглядно продемонстрировано, как Зеленский позволяет Трампу вести себя по отношению к нему, «все разговоры в Конгрессе по поводу коррумпированных прокуроров, коррумпированных бизнесменов, коррумпированных политиков создают совершенно противоположную картину, чем та, которую Зеленский надеялся явить миру» [Yaffa 2019]. В опубликованной в журнале «*Foreign Policy*» статье с характерным названием «Как Украина исчезла в тумане импичмента», приводится показательное замечание Курта Волкера, который, в частности, констатировал: «Таким образом, трагедия как для Соединенных Штатов, так и для Украины, заключается в том, что американские узкопартийные политические действия, пик которых ознаменовался происходящим процессом по импичменту, привели к тому, что Украина и ее новый, настроенный на реформы, президент оказались уязвимыми и в относительной изоляции» [Volker 2020].

Произошедшие события между тем не могут не иметь последствий для отношения украинцев к Соединенным Штатам. Неслучайно украинская сторона стремилась всячески дистанцироваться от скандала. Может быть, неслучайно и то, что именно в те дни украинский олигарх Игорь Коломойский, с которым многие связывали избрание Зеленского, выступил с заявлением, что пора наладить отношения с Россией и предпочесть ее Западу (впрочем он уже высказывался в том же ключе в июле 2019 г., рассорившись, как считают, не

только с представителями Демократической партии, но и с Джулиани). Справедливо, однако, что пошатнувшееся доверие к США несколько расширяет окно возможностей для России, которая могла бы начать действовать более конструктивно. Может быть настало время отозвать с неподконтрольных Киеву территорий своих «отпускников» и добровольцев из частных военных компаний, присутствие которых для кого-то главный довод, а для кого-то повод в Киеве не выполнять Минские соглашения?

В ходе опроса общественного мнения, который Центр исследований международной безопасности Университета штата Огайо провел в Украине в ноябре 2019 г., в разгар слушаний по импичменту, 37% опрошенных сказали, что негативно относятся к Трампу, 44 – нейтрально и только 21% – позитивно. Респонденты оказались расколоты и по вопросу о том, стоило ли киевскому руководству соглашаться на требование о проведении расследования деятельности Байденов в обмен на военную помощь, причем только 20% – и в основном на западе страны – дали утвердительный ответ. При этом 30% опрошенных полагали, что США спровоцировали кризис между Украиной и Россией с целью получить контроль над Украиной (50% так не считали, 20% на тот момент не определились).

Более того, 34% считали, что Запад не хочет прекращения конфликта на Донбассе, поскольку заинтересован в том, чтобы Украина осталась слабой (против такой позиции были 40% опрошенных) [Nisbet, Kamenchuk 2019]. То есть украинская общественность – даже еще до импичмента Трампа – была разделена почти на две равные части в своем отношении к США, Западу и его интенциям в Украине.

Что же касается европейских стран, то прозвучавшее в разговоре между Трампом и Зеленским осложняет отношения Украины с ключевыми партнерами в ЕС и дополнительно отягощает перспективы диалога в Нормандском формате. В ответ на утверждения американского президента, что «Германия ничего для вас не делает» и Зеленский «должен с ними разобраться», как и с другими европейскими странами, молодой украинский лидер, никак не предполагая, что беседа получит огласку, с воодушевлением подтвердил сказанное Трампом: «Да, Вы совершенно правы, не на 100%, а на 1000%. ...Я разговаривал с Меркель, мы с ней встречались. Мы виделись и с Макроном. Я им сказал, что они недостаточно делают по вопросам санкций, могли бы больше. Они не добиваются их выполнения… По логике, нашим крупнейшим партнером должен быть Евросоюз, но, на самом деле, США гораздо важнее» [Wood, Merrill 2019]. И хотя анализ отношений Украины с европейскими странами выходит за рамки темы данной работы, следует, однако, подчеркнуть принципиальную важность того, что, каковы бы ни были негативные последствия «Украингейта» для данных отношений, это не помешало бы достичь подвижек в усилиях по урегулированию ситуации на востоке Украины.

«Формула Штайнмайера»: перипетии и перспективы

Тем не менее определенные международные шаги в направлении содействия урегулированию ситуации на востоке Украины всё же предпринимались. Значительным событием в этом плане явился состоявшийся летом 2019 г. обмен задержанными между российской и украинской стороной (затем, в декабре, имел место еще один).

После встречи нормандской четверки 11 сентября 2019 г. и несмотря на неудачу встречи в Минске контактной группы 18 сентября, 1 октября был достигнут своего рода прорыв, когда Зеленский дал согласие на реализацию «формулы Штайнмайера» и подтвердил, что в Киеве будет подготовлен закон об особом статусе отдельных районов Донбасса, который будет содержать положения из «формулы Штайнмайера». Одновременно была достигнута договоренность о разводе войск (т.е. создании в еще двух районах соприкосновения на востоке Украины: в Петровском и Золотом – третьей демилитаризованной зоны).

«Формулой Штайнмайера» предусматривалось проведение – в присутствии наблюдателей ОБСЕ – выборов на территориях востока страны, неподконтрольных Киеву. Было решено, что если наблюдатели подтвердят, что выборы прошли в соответствии со стандартами ЕС и международными стандартами, в силу должен был вступить закон об особом статусе Донбасса.

В отличие от Минских договоренностей, конституционного закрепления автономии региона «формула Штайнмайера» не предполагала. На этом, однако, продолжали настаивать некоторые представители непризнанных республик. Лидерами ЛНР и ДНР было опубликовано заявление, где указывалось, что самим жителям этих территорий надлежит «решать, на каком языке говорить, какой будет наша экономика, как будет формироваться наша судебная система, как будет защищать наших граждан наша народная милиция и как мы будем интегрироваться с Россией. Это наше дело, наша цель» [В ЛНР 2019] (нельзя не отметить, сколь часто в этом заявлении звучало слово «наше»!). Они настаивали, что закон о выборах должен быть согласован с представителями ДНР и ЛНР, а Киев не получит контроля над границей, до тех пор пока этого не произойдет – оба положения были частью Минских договоренностей (по условиям которых контроль над границей должен вернуться к Украине после выборов). Между тем прозвучавшие в заявлении установки на экономическое самоопределение и интеграцию с Россией превышали рамки оговоренного в Минских соглашениях. А со стороны многих критиков Зеленского в Киеве, включая бывшего президента Петра Порошенко и побывавшую в российском плену знаменитую летчицу Надежду Савченко, являющуюся одним из лидеров оппозиции, в адрес Зеленского раздались обвинения в «сдаче позиций Кремлю».

После подписания «формулы Штайнмайера» в Киеве и других украинских городах начались выступления националистов, обвинявших Зеленского в «соглашательстве» и «предательстве». 14 октября, во время празднования в Украине Дня защитника, в Киеве прошел марш под лозунгом «Нет капитуляции» с требованием не применять «формулу Штайнмайера» для Донбасса. В преддверии этого события Зеленский написал в Твиттере: «14 октября в столице будет много ветеранов и добровольцев. Понимаю вашу боязнь по дальнейшему урегулированию ситуации на Донбассе. Вы совершенно справедливо не хотите, чтобы то, за что вы воевали, оказалось бесполезным… Прошу вас – будьте здравомыслящими, действуйте ответственно, в рамках закона и общественного порядка. И, пожалуйста, не поддавайтесь на провокации тех, кто очень хочет создать красноречивую картинку для российского телевидения» [Зеленский 2019]. Одновременно Зеленский также съездил на Донбасс и пообщался напрямую с участниками противостояния с обеих сторон, стремясь убедить их прекратить боевые действия.

Но в то же время украинский президент в своих публичных выступлениях давал понять, что, возможно, и не будет строго следовать букве подписанных им договоренностей, начал выдвигать дополнительные условия, в зависимость от которых пытался ставить выполнение или невыполнение подписанного документа. Так, он сказал, что выборы в самопровозглашенных республиках пройдут «на основе украинского законодательства», «не под дулом» и после перехода контроля над границей к Украине. Одновременно Зеленский выдвинул требование полного вывода иностранных войск и боевой техники с украинской территории – которое с его стороны могло показаться вполне резонным, но не упоминалось ни в «формуле Штайнмайера», ни в Минских соглашениях. Неясно было также, будет ли оно распространяться на американских военных инструкторов и военных консультантов. А днем позже Зеленский потребовал роспуска ДНР и ЛНР в качестве условия выполнения соглашений, что уже было далеко за пределами всех и всяческих договоренностей.

Он также говорил о необходимости «выдержать семь дней без огня», прежде чем начать разведение войск. Но кто же мог гарантировать, что украинские батальоны националистов не начнут обстрелы неподконтрольных Киеву территорий – хотя бы для того, чтобы сорвать выполнение достигнутых договоренностей? Отвод войск в районе Золотого произошел с 29 октября по 1 ноября. Однако в районе Петровского назначенный на 4 ноября отвод войск так и не состоялся. Как заявил руководитель представительства самопровозглашенной ДНР в Совместном центре по контролю и координации режима прекращения огня Руслан Якубов, разведение войск в районе Петровского было сорвано силовиками: ополченцы в час дня в присутствии представителей ОБСЕ дали сигнал белой ракетой, означающий готовность к

выполнению заранее оговоренных действий; однако он остался без ответа [Силовики 2019].

Таким образом, подтверждение и попытка имплементации «формулы Штайнмайера» высветили то, что с российской стороны утверждалось на протяжении долгого времени: во-первых, что Киев может попросту быть не готов к этому вследствие внутриполитического сопротивления мирному процессу. А также, что сила и влияние националистов в Украине велики и потенциал протестных и даже насильственных действий с их стороны более чем значителен.

Примерно в те же дни 40 американских конгрессменов-демократов направили государственному секретарю США Майку Помпео письменное обращение с призывом признать фактически не контролируемый украинским правительством батальон «Азов» иностранной террористической организацией. За несколько лет до этого аналогичная инициатива уже выдвигалась, но тогда батальон «Азов» предлагалось внести в список экстремистских организаций, что условно считается более «мягкой» классификационной категорией.

В то же время министр иностранных дел Украины Вадим Пристайко сделал заявление, что не исключает возможности выхода своей страны из Минских соглашений, урегулирования по Кипрскому сценарию (т.е. на основе полной заморозки ситуации, при сохранении разного статуса разделенных частей государства) и возведения заградительной стены на линии разделения. О возможности выхода из минских договоренностей неоднократно говорили в Верховной Раде депутаты пропрезидентской партии «Слуга народа». Сам Зеленский непосредственно перед встречей в Нормандском формате, состоявшейся в декабре 2019 г. в Париже, в интервью с Савиком Шустером вновь повторил, что будет «сначала вывод войск и контроль за границей», а уже потом остальное – что, в который уже раз, противоречило Минским договоренностям. А министр обороны Андрей Загороднюк, в свою очередь, заявил, что «еще с 2014 года… четко понимал, что имя врага состоит из пяти букв – Россия… Если же враг – Россия, то с врагом говорят только или языком оружия, или языком опытных дипломатов. С этой страной невозможны финансово-экономические отношения» [Министр обороны Украины 2019]. А буквально за день до встречи в Нормандском формате Вадим Пристайко выступил с очередным заявлением, уравнявшим Россию с терроризмом, «терроризмом на высшем, государственном уровне». (Напомним: полугодом раньше, когда его назначали на данную должность, Пристайко говорил, что, если за шесть месяцев не установится мир на Донбассе, его можно будет уволить.)

Во французскую столицу Зеленского сопровождала, или, точнее сказать, «препровождала», внушительная команда украинских «силовиков», включая начальника Генерального штаба Руслана Хомчака, начальника Службы безо-

пасности Украины Ивана Баканова и министра внутренних дел Арсена Авакова, входящего в оппозиционную партию «Батьківщина» Юлии Тимошенко (позволившего себе, уже будучи в Париже, выступить с заявлением о том, что «не допустит предательства»).

Среди достигнутых результатов встречи было подтверждение в финальном документе безальтернативности и неукоснительности выполнения Минских соглашений, хотя Зеленский – и во время пресс-конференции и после завершения саммита – высказывал иное мнение. Также была достигнута договоренность о том, чтобы развести войска еще на трех участках, открыть новые пункты пропуска, продвинуться в разминировании, провести обмен удерживаемыми лицами, гарантировать социальные выплаты жителям Донбасса и Луганска и, наконец – последнее по порядку, но не по значимости – закрепить в украинском законодательстве «формулу Штайнмайера». Те украинские аналитики, кто склонны были позитивно оценивать итоги встречи, также обращали внимание на заявления представителей властей Украины, до того времени не звучавшие из Киева, о готовности развивать отношения с общественными структурами востока страны, местными муниципалитетами и т.д.

Ранее надеялись, что удастся согласовать разведение войск по всей линии соприкосновения, но такой договоренности достичь не удалось. Как впоследствии сообщил российский министр иностранных дел Сергей Лавров, украинская сторона не согласилась выбрать в качестве участков разведения те, которые проходят внутри или около населенных пунктов, а обозначила зоны «в чистом поле». Также, по его свидетельству, именно Соединенные Штаты повлияли на позицию Украины по данному вопросу, не поддержав идею развода войск по всей линии соприкосновения; по его словам, им «очень не хочется, чтобы выполнялись минские договоренности, очень не хочется, чтобы линия соприкосновения стала безопасной с обеих сторон» [Лавров 2020].

На реализацию процесса было выделено четыре месяца, по истечении которых стороны должны были встретиться вновь и обсудить ситуацию.

В Париже также удалось договориться о возвращении Украине кораблей, задержанных при инциденте в Керченском проливе; одновременно были согласованы договоренности о транзите газа. По оценкам «*Die Welt*», именно Украина выиграла в борьбе вокруг «Северного потока-2». Поскольку Дания так долго не предоставляла своего согласия на прокладку трубопровода через ее акваторию, «Газпром» попал в ситуацию, когда не мог бы реализовать свои обязательства по поставкам газа в Европу без дополнительного договора с Киевом на транзит газа через территорию Украины, срок действия которого истекал в конце 2019 г. Из-за этой ситуации, по мнению «Die Welt», у Украины оказались более сильные позиции на переговорах.

На встрече в Нормандском формате в Париже Зеленский одним из основных принципов урегулирования в Украине провозгласил недопустимость федерализации страны. В Киеве полагают, что – при тех значительных различиях в истории, культуре, языке и историко-политических нарративах, которые эта страна имеет в границах своей территории, – в случае введения федерального устройства, ей не удастся удержаться в качестве единого государственного образования. Но ведь и Россия (в большей степени формально), и ФРГ с США (вполне реально) являются федеральными государствами. Порошенко в 2015 г. предлагал вместо федерализации идею «децентрализации». Была даже создана специальная комиссия для ее проработки, которая функционировала два года, однако потом дело сошло на нет. Но как бы то ни было, Зеленскому придется думать о том, как обеспечить право граждан востока Украины участвовать в решении вопросов, касающихся их судьбы, как это и было предусмотрено п. 6 Минских соглашений, предусматривающим предоставление автономного статуса самопровозглашенным республикам. В конце декабря был продлен Закон об особом статусе Донбасса. Если бы российская сторона продемонстрировала последовательную готовность отказаться от влияния на украинскую политику через противостоящие центру образования, в настоящее время не контролируемые Киевом, то это могло бы сыграть положительную роль в реализации решений об обеспечении их автономного статуса.

Позитивной новостью стало выдвижение законопроекта об отмене люстрации в отношении государственных служащих, работавших при администрации Порошенко. Законопроект был внесен на рассмотрение после того, как Европейский суд по правам человека признал введенный при Порошенко закон «Об очищении власти» нарушающим права человека и постановил выплатить компенсацию пострадавшим от него. Еще одним позитивным шагом стало сделанное 16 февраля заявление главы комитета по гуманитарной и информационной политике Верховной Рады Александра Ткаченко о том, что Закон о языке может быть пересмотрен. Согласно этому закону, принятому уже при Зеленском, украинский язык считается обязательным для государственных и местных органов управления, учебных учреждений, больниц, сферы обслуживания. Но в начале 2014 г. именно проблема языка стала отправной точкой во внутригосударственном кризисе, когда сразу после государственного переворота февраля 2014 г. украинский язык объявили единственным государственным; впрочем решение почти сразу же отменили, но в конечном итоге всё же ввели опять. Отмена данного закона была бы справедливой мерой, поскольку учитывала бы интересы жителей востока страны, и могла бы способствовать преодолению конфликта.

Вместе с тем Зеленский, и еще находясь в Париже, и уже вернувшись на родину, как и раньше – после подписания «формулы Штайнмайера» –

фактически оспаривал положения зафиксированных договоренностей, сопровождал их дополнительными, не согласованными с партнерами по Нормандскому формату, оговорками и «передумками», утверждая, в частности, что:

– отношение украинской стороны к очередности действий с передачей Киеву контроля над границей (по Зеленскому: до, а не после выборов в Донбассе и Луганске, хотя последнее и предусмотрено Минскими соглашениями) – «это окончательно»;

– выборы на Донбассе и в Луганске должны пройти по украинскому законодательству (что, как и предыдущий пункт, противоречит Минским соглашениям, требующим согласования закона о выборах на этих территориях с их представителями – хотя Зеленский и утверждал, что в ходе встречи настаивал именно на таком своем варианте);

– представители украинской власти не собираются встречаться с представителями Донбасса (что опять же противоречит положениям Минских соглашений, предписывающим принимать закон об особом статусе региона, о выборах и соответствующие поправки в Конституцию Украины исключительно по согласованию с представителями неподконтрольных территорий);

– о полном разведении сил по всей линии соприкосновения невозможно не только немедленно договориться (как было согласовано в многостороннем порядке еще за месяц до встречи), но и даже обозначить такое намерение, так как данный процесс может занять многие годы;

– несмотря на достигнутую договоренность менять «всех установленных» с обеих сторон (являющуюся вариацией Минских решений об обмене «всех на всех»), обмену, по мнению киевских властей, не подлежат установленные, но «процессуально не очищенные» лица (т.е. в отношении которых еще ведутся судебные дела или продолжается следствие).

В результате в Киеве про Зеленского после Парижской встречи говорили, что он «не предал»: «жестко и правильно держит позицию» [Аваков 2019]. Однако около офиса президента прошли жесткие стычки, организованные его оппонентами и свидетельствовавшие о продолжении прямого силового давления националистов на украинскую власть.

Тогда как Пристайко со своей стороны заявил, будто бы Россия понимает, что Минские соглашения не могут быть выполнены и что они неизбежно должны быть пересмотрены, и что, следовательно, Россия настаивает на их реализации только лишь для того, чтобы «поднять ставки» перед следующим этапом переговоров.

Некоторые эксперты даже писали, что возобновление переговоров в Нормандском формате вообще понадобилось Зеленскому прежде всего для легитимации собственного положения: чтобы сказать, что он все делает, а потом, получив «мандат одобрения» от своих международных партнеров, делать только то, что получится, – а, может быть, и ничего? – для завершения

конфликта. Однако представляется тем не менее, что важным для Киева было и продолжение диалога, вернее полилога, и то, что Украина участвовала в качестве равноправного партнера на переговорах в Париже наряду с ведущими державами Европы, задействованными в урегулировании украинского кризиса, а также, что в рамках парижских переговоров прошла и первая встреча Зеленского с Путиным – к чему Зеленского, как все помнят, побуждал, в том числе, Трамп.

Вместе с тем с украинской стороны – во всяком случае до скандала с *quid pro quo* – предпринимались попытки в большей степени вовлечь США в урегулирование на востоке Украины. Зеленский говорил о желательности подключения США к Нормандскому формату с самого начала своего президентского срока. А во время встречи 30 января с Помпео, посетившим Киев с визитом, снова повторил свой призыв к Трампу принять участие в процессе урегулирования и в решении вопроса о «деоккупации» Донбасса. Вновь назначенный американский посол в Москве Джон Салливан, ранее занимавший должность заместителя государственного секретаря США, в свою очередь, называл в качестве одного из двух главных условий улучшения российско-американских отношений – приверженность Москвы выполнению Минских соглашений (хотя, как подчеркивали отечественные СМИ, – не в российской, а в американской трактовке – вторым, ожидаемо, было воздерживаться от попыток «подрыва демократических процессов в США»). И назначение послом в Москву государственного чиновника такого уровня – в течение месяца с 1 апреля 2018 г. он также исполнял обязанности госсекретаря (!) – само по себе свидетельствовало о значении, придаваемом Белым домом отношениям с Россией.

7 февраля 2020 г. Руслан Хомчак обсудил с командующим Вооруженными силами США в Европе Тодом Уолтерсом ситуацию на Донбассе. Впрочем, в Москве считают, что вне зависимости от участия или же неучастия Соединенных Штатов принципиально необходимы признание Киевом субъектности Донбасского и Луганского регионов и решимость прекратить конфликт на основе Минских соглашений и «формулы Штайнмайера». Американская сторона может лишь оказывать влияние на Киев в этом (или же ином) направлении. Однако и готовность российской стороны не только словом и делом доказывать свою заинтересованность в мирном процессе, но и содействовать при этом обеспечению суверенитета и территориальной целостности Украины (Крым оставляем за скобками) – будут иметь большое значение, в том числе при формировании американской позиции.

Зеленский, в свою очередь, говорил о том, что «российская сторона имеет большое влияние на сепаратистов на временно оккупированных территориях». Но помимо формулировки о «временно оккупированных территориях», он позволил себе – хотя и в несколько иносказательной и смягченной

форме – высказывание, где одновременно обидел соседнюю страну по всем трем чувствительным для ее граждан линиям. В конце января 2020 г. во время поездки в Польшу, где он участвовал в мероприятиях, посвященных 75-летию освобождения Освенцима, Зеленский намекнул на двойную ответственность Берлина и Москвы в развязывании Второй мировой войны, попутно допустил возможность российской вины в Холокосте и высказался по поводу участия Украины в освобождении Освенцима (избежав упоминания СССР!), подвергнув тем самым сомнению решающую роль СССР в победе над гитлеровской Германией. И всё это – после российских уступок по газу, после трудно согласовывавшегося, но тем не менее состоявшегося обмена задержанными с обеих сторон и, кроме того, в условиях произошедшего осенью 2019 г. и отмечавшегося многими смягчения тона в Москве по отношению к Украине. Очевидно, Зеленский подобным образом хотел потрафить малым странам Европы, которые имеют исторически сформировавшиеся, но во многом атавистические, опасения в отношении России, а через них и европейским партнерам в целом. Однако представляется, что, к сожалению, таким путем он в значительной степени поставил под сомнение собственный гудвилл. Может, неслучайно, что вскоре после этого с российской стороны было сделано заявление о возможном переносе ранее намеченной на апрель следующей встречи в Нормандском формате. Аргументировалось это не только «заявлениями», но и действиями украинской стороны: вернее отсутствием оных по всем иным договоренностям, кроме обмена задержанными.

18 февраля 2020 г. ополченцы ЛНР предприняли наступление на украинские вооруженные силы на Донбассе в районе населенных пунктов Новотошковское, Орехово, Крымское и Хутор Вольный. Были применены минометы 120 мм калибра – запрещенные Минскими соглашениями, а также гранатометы и крупнокалиберные пулеметы. Украинские военные понесли потери. Столкновений подобного масштаба не было с 2018 г. Обе стороны: Киев и ополченцы востока страны, – обвинили друг друга в инциденте, назвав его провокацией противоположной стороны. В связи в этим возникали вопросы, не прослеживается ли здесь аналогия с ситуацией февраля 2015 г., когда Киев согласился подписать Минские соглашения в условиях отступления собственных сил, попавших в котел под Дебальцево. В украинских СМИ появились публикации, что это начало российской операции по принуждению Украины к миру. В этом же ключе выступил и Зеленский, заявивший, что это была не просто «циничная провокация, целью которой являлось нажать на Дебальцевскую рану, которая никогда не заживет полностью» [Иванова 2020], но и попытка сорвать мирный процесс на Донбассе. Однако представляется важным, что украинский президент, тем не менее, одновременно пообещал придерживаться курса на завершение войны и приверженности международным договоренностям.

Вопрос о членстве Украины в НАТО и статус Крыма – две «красных черты»

Хотя существовавшие в России надежды, что с приходом Дональда Трампа удастся провести некую кодификацию обязательства не принимать Украину в НАТО, вряд ли будут реализованы, конфликт на Донбассе не позволяет киевскому руководству – в соответствии с уставом этой организации – рассчитывать на скорое принятие в Альянс. Вступление в НАТО для Украины, как и для Грузии, осложнено наличием неурегулированного конфликта на их территории и, в случае с Украиной – территориальных споров с соседним государством – Россией. Устав НАТО запрещает в подобной ситуации предоставлять членство соответствующей стране, если только для этого не пойдут на серьезное нарушение устава.

Между тем при президенте Петре Порошенко приостановленный курс на вступление Украины в НАТО получил новый импульс. Если еще в марте 2014 г. украинский премьер-министр Арсений Яценюк повторял делавшиеся ранее заявления, что его страна не стремится в НАТО [Polityuk 2014], то в последующие годы был пересмотрен внеблоковый статус государства, внесены соответствующие изменения в конституцию и принята новая Военная доктрина, предусматривающая приоритетный характер углубления сотрудничества с НАТО и достижение к 2020 г. полной совместимости с Альянсом по вооружениям.

Еще в 2014 г. в Конгресс США был внесен законопроект о признании Украины, Грузии и Молдовы «важными странами – союзниками вне НАТО». А 10 марта 2018 г. решением стран – членов Альянса Украина получила статус государства – кандидата на вступление в НАТО.

В феврале 2018 г. министр обороны Украины Степан Полторак заявил о выполнении на 90% Вооруженными силами Украины плана по адаптации к стандартам НАТО, а к 2020 г. предполагалось полностью завершить данный процесс. Как сказал министр обороны Украины Андрей Загороднюк после окончания закрытого заседания комитета Верховной Рады по вопросам национальной безопасности, представители стран НАТО «абсолютно довольны ходом реформ, они видят, что с таким темпом, как мы движемся сейчас, мы точно можем ожидать в октябре повышения нашего статуса в НАТО до партнера с расширенными возможностями» [Загороднюк 2020].

О планах дальнейшего сближения Украины и Грузии с НАТО говорили и на саммите этой организации в Брюсселе 11–12 июля 2018 г. А в ноябре 2019 г. генеральный секретарь НАТО в своем выступлении дал понять, что вступление Украины в НАТО в дальнейшем не исключается. Зеленский на встрече с Йенсом Столтенбергом в начале 2020 г., поблагодарив Альянс за «неизменную поддержку суверенитета» Украины, заявил, что реформы, над

которыми работает украинское правительство, «приближают Украину к НАТО» [Минобороны Украины 2020].

Однако важными и до некоторой степени ставящими под сомнение данную перспективу можно в связи с этим считать два заявления Макрона: во-первых, о моратории на расширение ЕС, а во-вторых, о том, что «НАТО претерпевает смерть мозга» [The Future 2019]. Подобные высказывания, в совокупности с некоторой усталостью, которая наблюдается в отношении Украины со стороны европейских стран, позволяют предполагать, что вступление Украины в НАТО в обозримой перспективе маловероятно. Против принятия страны в Альянс, кроме того, активно выступают некоторые новые члены организации. В частности, Венгрия не только заявляла, что будет всячески препятствовать этому, но даже угрожала не допустить украинских представителей к участию в некоторых мероприятиях НАТО.

Другой «красной линией» для России остается вопрос об окончательном статусе Крыма как неотделимой части Российской Федерации. 25 июля 2018 г. Зеленский после встречи в Нормандском формате в Париже включил данный вопрос в число трех основополагающих с точки зрения Украины.

Государственный департамент США в середине 2018 г. опубликовал «Крымскую декларацию», отчетливо и недвусмысленно сформулировавшую американскую политику по непризнанию присоединения Россией Крыма: там было однозначно сказано, что США не признаю́т и не призна́ют Крым российским и требуют «прекратить оккупацию» полуострова [Crimea Declaration 2018]. Курт Волкер сравнил тогда «Крымскую декларацию» с Уэльской декларацией 1940 г. о непризнании присоединения Советским Союзом прибалтийских республик (хотя де-юре и де-факто действия США в данном плане расходились – что было фактически закреплено и при создании ООН, и затем, уже в 1970-е годы, при подписании Хельсинкских соглашений, декларировавших нерушимость послевоенных границ в Европе). В интервью русскоязычному немецкому сетевому телеканалу «OstWest» Волкер утверждал, что Вашингтон не планирует признавать Крым частью России [Трудности 2018]. То же самое подтвердила и являвшаяся тогда пресс-секретарем Белого дома Сара Сандерс. Может быть не случайно, когда автору довелось в конце мая 2019 г. быть в составе делегации российских экспертов (*opinion formers*) в расположенном в бельгийском Монсе Центральном штабе Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, на специально организованном в рамках визита круглом столе, заявленном по теме Украины, его ведущая – сотрудница НАТО – и сама говорила только и исключительно о Крыме, и другим участникам практически не давала возможности говорить о чем-либо другом.

Впрочем, на встрече Большой семерки в Канаде в мае 2018 г. Дональд Трамп утверждал, что не исключает возможности признания Крыма частью России, «потому что там говорят по-русски». На пресс-конференции после

саммита НАТО в июле 2018 г. он снова не исключил такую возможность. В связи с этим известный неокон, старший сотрудник Института Брукингса Роберт Кэйган, критикуя Дональда Трампа, предполагал, что, в отличие от союзников США, «их противникам будет хорошо житься в этом мире, поскольку Америка Трампа не желает войны. Она будет оказывать им уважение, которого они жаждут, и оставлять за ними их сферы влияния» [Kagan 2018]. И Помпео, посетивший 31 января 2020 г. Киев в рамках цепочки визитов по соседним с Россией странам, заявил на встрече с крымско-татарской активисткой Эминой Джапаровой, попросившей его держать полуостров «в поле зрения американской внешней политики», что «Крым для Украины потерян навсегда»: «Крым потерян. Мировые игроки это понимают. Украина отдала Крым, а Россия не из тех, у кого можно что-либо забрать» [Соловьев 2020]. Хотя Джапарова и попросила Помпео помочь с организацией конференции по крымскому вопросу в американской столице, очевидно: с точки зрения нынешней американской администрации, вопрос о полуострове закрыт.

Однако вряд ли можно считать случайным совпадением, что именно в день встречи в Нормандском формате в ООН неожиданно была поставлена на голосование резолюция, осуждающая Россию за присоединение Крыма и требующая его «деоккупации». Как бы то ни было, очевидно, что России в дальнейшем придется считаться с необходимостью легализовать положение Крыма в соответствии с нормами международного права и ее международными обязательствами. Хорошо, если при этом ей удастся делать это при взаимодействии с Соединенными Штатами. Возможным инструментом для этого, как предлагал, например, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО Александр Калядин, могло бы быть проведение референдума в соответствии с правилами ООН и в присутствии международных наблюдателей, результаты которого были бы признаны всеми сторонами.

* * *

Хотя Украина изначально находилась на периферии внешнеполитических интересов Дональда Трампа, однако именно действия американского президента на украинском направлении стали причиной крупнейшего внутриполитического кризиса, на многие месяцы поставившего американо-украинские отношения в центр внимания американского политического истеблишмента и общественности США.

Применительно к Украине отчетливо прослеживаются общие черты внешнеполитического курса республиканской администрации, новые властные и дискурсивные практики американской внешней политики при Трампе. Это национальный эгоизм – *America First*, помноженный на восприятие внешней политики как рынка бизнес-сделок (так называемый трансакцион-

ный подход) и демонстративном недоверии к традиционному государственному аппарату. Трамп всего лишь играл по собственным правилам. Но его тактика *quid pro quo* закончилась для него импичментом, хоть в конечном итоге и не стоила ему президентского кресла. Дело в том, что с точки зрения его ядерного электората и поддерживающего его большинства Республиканской партии, действия не были столь уж большим грехом, а находились скорее в русле обычно практикуемого в политике.

Но Украина поневоле оказалась в русле внутриполитических перипетий амбиций американского президента. Одновременно оказались подорваны не только внутриполитические механизмы и процедуры в самих Соединенных Штатах – по мнению некоторых экспертов [Kleinfeld, Solimini 2020], возможно, на десятилетия, – но и устоявшаяся профессиональная практика и критерии ведения дел в международных институтах. Причем – что характерно, это редко фиксируется американскими аналитиками, – дело не только в действиях самого Трампа, но и в усилиях его внутриполитических оппонентов, которые не только боролись против президента, но и в своем рвении компрометировали государственные внутриполитические и международные практики, а также профессиональные кодексы и нормы порядочности.

При этом обвинения в адрес президента Трампа в использовании внешней политики и государственных ресурсов в личных целях не только послужили инструментом для его оппонентов в развязанной против него внутриполитической кампании, но и действительно отражали различные представления о должном и допустимом во внешней политике и государственном управлении. Но то, что вменялось Трампу, считалось его оппонентами предосудительным, поскольку касалось, в том числе, и американских внутренних дел. В то же время прощаемые его конкуренту Байдену эскапады в адрес Украины и украинских деятелей, ультимативные приемы давления воспринимались как норма, поскольку речь шла о делах другой страны.

При этом реальный конфликт на востоке Украины и противостояние по данному вопросу между Россией и США, Россией и НАТО, вследствие американских внутриполитических разборок оказались в тени американского внутриполитического скандала фактически отодвинуты на второй план. Как многократно подчеркивалось в ходе импичмент-процесса, Соединенные Штаты выступают в качестве «союзника» на стороне Киева – без учета интересов и позиции жителей востока страны, которых за океаном называют «русскими» или «сепаратистами». В результате Минские договоренности пробуксовывали, и многолетний опыт их выполнения – а точнее невыполнения – оказывался скорее негативным, чем позитивным.

Американские поставки вооружений были значимым фактором, подливая масло в огонь и способствуя усилению позиций противников выполнения Минских соглашений. Если при администрации Обамы в Вашингтоне шли

дебаты о целесообразности поставок вооружений в Украину и решение по данному вопросу в результате так и не было принято, то при Трампе за поставки на Украину консолидированно выступает американский политический истеблишмент и подавляющее большинство в обеих партиях, в том числе в Конгрессе. Обычное для американской элиты и неоднократно скомпрометировавшее себя сочетание увлечения силой с недостаточным знанием уверенностью в собственной правоте и приоритетности собственных интересов. Только в данном случае речь идет о том, что особенно близко России, поскольку речь идет о соседней стране и братском народе, с которым 53% россиян связаны кровными узами.

Учитывая сказанное выше, большее вовлечение США в урегулирование ситуации в Украине – представляющееся желательным президенту Зеленскому – не обязательно будет способствовать достижению лучших результатов. Однако прекращение кровопролития необходимо. В первую очередь – для самой Украины. Но и для России тоже. Без урегулирования в Украине не может быть преодолено противостояние с Западом [Бубнова 2015а, с. 91]. Кроме того Соединенные Штаты должны попытаться допустить возможность того, что Россия не стремится расчленить Украину и готова предпринимать усилия по восстановлению ее целостности – при условии обеспечения прав жителей востока страны. При этом «красные черты», коими для российской стороны являются выполнение требования непринятия Украины в НАТО и принадлежность Крыма России, остаются неизменными. Однако что касается последнего, то в дальнейшем необходимо вести переговоры и предпринимать меры по узакониванию статуса полуострова в соответствии с нормами международного права и международными обязательствами России.

Библиография

Аваков: Зеленский на саммите «жестко и правильно держит позицию» // Вести.ru. 2019. 10 дек. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3218769&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 11.12.2019).

Арбатов А.Г. Урегулирование украинского кризиса // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2018. С. 112–122.

Бубнова Н.И. Российский фактор в стратегии национальной безопасности Трампа // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2018. С. 56–72.

Бубнова Н.И. Украинский фактор в военной политике США // Ежегодник СИПРИ 2014: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 637–650.

Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: Новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. 2015а. № 2 (87). С. 81–97.

В ЛНР и ДНР призвали Зеленского не диктовать им условия // RT. 2019. 2 окт. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/673523-lnr-dnr-zelenskii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 6.10.2019).

Загороднюк: Уже в октябре Украина может рассчитывать на получение статуса в НАТО // УНИАН. 2020. 19 февр. URL: https://www.unian.net/politics/10881968-zagorodnyuk-uzhe-v-oktyabre-ukraina-mozhet-rasschityvat-na-povyshenie-statusa-v-nato.html (дата обращения: 06.03.2020).

Зеленский. Обращение в День защитника // Дзен. 2019. 14 окт. URL: https://zen.yandex.ru/media/runovosti/zelenskii-obrascenie-v-den-zascitnika-5da3b1c798fe7900ad798d69 (дата обращения: 14.09.2020.)

Иванова М.И. и др. Зеленский сделал заявление о боях в Донбассе // Рамблер. 2020. 18 февр. URL: https://news.rambler.ru/world/43701409-zelenskiy-sdelal-zayavlenie-o-boyah-v-donbasse/ (дата обращения: 11.02.2020).

Как Зеленский планирует закончить войну на Донбассе // Карачун. 2018. 26 дек. URL: https://karachun.com.ua/kak-zelenskiy-planiruet-zakonchit-voynu-na-donbasse-4365 (дата обращения: 6.01.2019).

Лавров назвал причину отказа Киева от полного развода сил // RT. 2020. 10 февр. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/716712-lavrov-kiev-razvod-sil (дата обращения: 11.02.2020).

Министр обороны Украины оконфузился, говоря о России // MKRU. 2019. 14 нояб. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/11/14/ministr-oborony-ukrainy-okonfuzilsya-govorya-o-rossii.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 11.02.2020).

Минобороны Украины ожидает повышения статуса в НАТО до «партнера» // РИА Новости. 2020. 19 февр. URL: https://ria.ru/20200219/1564987897.html (дата обращения: 21.02.2020).

Силовики сорвали отвод сил у Петровского, заявили в ДНР // РИА Новости. 2019. 4 ноября URL: https://ria.ru/20191104/1560558760.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 5.11.2019).

Соловьев В. СМИ: госсекретарь США сказал, что Крым навсегда потерян для Украины // Коммерсантъ. 2020. 4 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4242853 (дата обращения: 11.02.2020).

Трудности перевода: Волкер прояснил позицию Белого дома по Крыму // РИА Крым. 2018. 8 июня. URL: https://crimea.ria.ru/world/20180708/1114792047.html (дата обращения: 11.06.2018).

Banco E. Sondland to U.S. diplomat: Trump only cares about «big stuff» like the Biden investigation // Daily Beast. 2019. 19 Nov. URL: https://www.thedailybeast.com/sondland-to-us-diplomat-david-holmes-trump-only-only-cares-about-big-stuff-like-biden-investigation (дата обращения: 20.11.2019).

Crimea Declaration. Press Statement / Michael R. Pompeo, Secretary of State, U.S. Department of State. Washington, DC. 2018. Jul. 25 URL: https://www.state.gov/crimea-declaration/ (дата обращения: 14.09.2020).

Fiona Hill: Russia's goal to «delegitimize our entire presidency» // Fox News Video. 2019. 21 Nov. URL: https://video.foxnews.com/v/5614615980001#sp=watch-live (дата обращения: 14.09.2020).

Gittleson B. President Trump says he didn't direct Rudy Giuliani to go to Ukraine on his behalf // ABC News. 2019. 27 Nov. URL: https://abcnews.go.com/Politics/president-trump-direct-rudy-giuliani-ukraine-behalf/story?id=67348208 (дата обращения: 28.11.2019).

Glasser S.B. In Trump's Jaded Capital Marie Yovanovitch's uncynical outrage // New Yorker. 2019. 15 Nov. URL: https://www.newyorker.com/news/letter-from-trumps-washington/in-trumps-jaded-capital-marie-yovanovitchs-uncynical-outrage (дата обращения: 14.09.2020).

Hoonhout T. Pompeo Confirms He was on Trump's Call with Ukrainian President // National Review. 2019. 2 Oct. URL: https://www.nationalreview.com/news/pompeo-confirms-he-was-on-trumps-call-with-ukrainian-president/ (дата обращения: 03.10.2019).

Kagan R. Trump's America does not care // Brookings.edu. 2018. 17 June URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/06/17/trumps-america-does-not-care/ (дата обращения: 14.09.2020).

Kleinfeld R., Solimini D. It Will Take More Than an Election // The American Interest. 2020. 23 Mar. URL: https://www.the-american-interest.com/2020/03/23/it-will-take-more-than-an-election/ (дата обращения: 14.09.2020).

LaFraniere S., Kramer A.E., Hakim D. Trump, Ukraine and Impeachment: The Inside Story of How We Got Here // New York Times. 2019. 11 Nov. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/11/us/ukraine-trump.html (дата обращения: 11.11.2019).

Nancy Pelosi accuses Trump of «betrayal» as she announces impeachment inquiry // YouTube. 2019. 24 Sept. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1Q-pdDV_Fqk (дата обращения: 25.09.2019).

Nisbet E.C., Kamenchuk O. What Ukrainians think about Trump and his «quid pro quo» in 3 charts // The Ohio State University. 2019. 12 Nov. URL: https://theconversation.com/what-ukrainians-think-about-trump-and-his-quid-pro-quo-in-3-charts-126643 (дата обращения: 25.12.2019).

Polityuk P. PM tells Ukrainians: No NATO membership, armed groups to disarm // Reuters. 2014. 18 Mar. URL: https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-nato/pm-tells-ukrainians-no-nato-membership-armed-groups-to-disarm-idUSBREA2H0D720140318 (дата обращения: 14.09.2020).

Raymond A.K. Photographer Captures Image of Trump's Handwritten «No Quid Pro' Notes» // Intelligencer. 2019. 20 Nov. URL: https://nymag.com/intelligencer/2019/11/heres-an-image-of-trumps-handwritten-no-quid-pro-notes.html (дата обращения: 25.11.2019).

The future: Emmanuel Macron warns NATO is becoming brain-dead // Economist. 2019. 7 Nov. URL: https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead (дата обращения: 9.03.2020).

The Trump – Ukraine Impeachment Inquiry Report // U.S. House of Representatives Permanent Select Committee on Intelligence. 2019. URL: https://intelligence.house.gov/report/ (дата обращения: 14.09.2020).

Trump: hope Ukraine President and Putin can meet and solve problems // CNBC. 2019. 25 Sept. URL: https://www.cnbc.com/video/2019/09/25/trump-hope-ukraine-president-and-putin-can-meet-and-solve-problems.html (дата обращения: 30.03.2020).

Volker K. How Ukraine Vanished in the Fog of Impeachment // Foreign Policy. 2020. 28 Jan. URL: https://foreignpolicy.com/2020/01/28/ukraine-united-states-russia-zelensky-trump-impeachment-trial/ (дата обращения: 25.02.2019).

Would Z.B., Merrill C. Trump's Ukraine phone call, annotated // CNN. 2019. 25 Sept. URL: https://edition.cnn.com/interactive/2019/09/politics/trump-ukraine-transcript-annotated/ (дата обращения: 25.09.2019).

Yaffa J. How Donald Trump Is Making It Harder to End the War in Ukraine // New Yorker. 2019. 6 Dec. URL: https://www.newyorker.com/news/news-desk/how-donald-trump-is-making-it-harder-to-end-the-war-in-ukraine (дата обращения 14.09.2020).

References

Arbatov A.G. Uregulirovanie ukrainskogo krizisa [Settlement of the Ukrainian crisis]. Security and arms control 2017–2018: Overcoming the imbalance in international stability. Moscow: IME`MO RAN, Politicheskaya e`nciklopediya. 2018. P. 112–122. (In Russ.)

Avakov: Zelenskij na sammite «zhyostko i pravil`no derzhit poziciyu» [Avakov: Zelensky at the summit «holds the position firmly and correctly»]. Vesti.ru. 2019. 10 Dec. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3218769&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (date of access: 11.12.2019). (In Russ.)

Banco E. Sondland to U.S. diplomat: Trump only cares about «big stuff» like the Biden investigation. Daily Beast. 2019. 19 Nov. URL: https://www.thedailybeast.com/sondland-to-us-diplomat-david-holmes-trump-only-only-cares-about-big-stuff-like-biden-investigation (date of access: 20.11.2019).

Bubnova N.I. Rossijsko-amerikanskie otnosheniya v kontekste ukrainskogo krizisa: novy`e ipostasi xolodnoj vojny [Russian-American relations in the context of the Ukrainian crisis: new incarnations of the cold war]. Rossiya i sovremenny`j mir. 2015. N 2 (87). P. 81–97. (In Russ.)

Bubnova N.I. Ukrainskij faktor v voennoj politike SShA [Ukrainian factor in US military policy]. SIPRI Yearbook 2014: Armaments, Disarmament and International Security. Moscow: IME`MO RAN, 2015. P. 637–650. (In Russ.)

Bubnova N.I. Rossijskij faktor v strategii nacional`noj bezopasnosti Trampa [The Russian factor in Trump's national security strategy]. Security and arms control 2017–2018: Overcoming the imbalance in international stability. Mosow: IME`MO RAN, Politicheskaya e`nciklopediya. 2018. P. 56–72. (In Russ.)

Crimea Declaration. Press Statement / Michael R. Pompeo, Secretary of State, U.S. Department of State. Washington, DC. 2018. Jul. 25 URL: https://www.state.gov/crimea-declaration/ (date of access: 14.09.2020).

Fiona Hill: Russia's goal to «delegitimize our entire presidency». Fox News Video. 2019. 21 Nov. URL: https://video.foxnews.com/v/5614615980001#sp=watch-live (date of access: 14.09.2020).

Gittleson B. President Trump says he didn't direct Rudy Giuliani to go to Ukraine on his behalf. ABC News. 2019. 27 Nov. URL: https://abcnews.go.com/Politics/president-trump-direct-rudy-giuliani-ukraine-behalf/story?id=67348208 (date of access: 28.11.2019).

Glasser S.B. In Trump's Jaded Capital Marie Yovanovitch's uncynical outrage. New Yorker. 2019. 15 Nov. URL: https://www.newyorker.com/news/letter-from-trumps-washington/in-trumps-jaded-capital-marie-yovanovitchs-uncynical-outrage (date of access: 14.09.2020).

Hoonhout T. Pompeo Confirms He was on Trump's Call with Ukrainian President. National Review. 2019. 2 Oct. URL: https://www.nationalreview.com/news/pompeo-confirms-he-was-on-trumps-call-with-ukrainian-president/ (date of access: 03.10.2019).

Ivanova M.I. i dr. Zelenskij sdelal zayavlenie o boyax v Donbasse [Ivanova MI, Dr. Zelensky made a statement about the battles in the Donbass]. Rambler. 2020. 18 fevr. URL: https://news.rambler.ru/world/43701409-zelenskiy-sdelal-zayavlenie-o-boyah-v-donbasse/ (date of access: 11.02.2020). (In Russ.)

Kagan R. Trump's America does not care. Brookings.edu. 2018. 17 June URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/06/17/trumps-america-does-not-care/ (date of access: 14.09.2020).

Kak Zelenskij planiruet zakonchit` vojnu na Donbasse [How Zelensky plans to end the war in Donbass]. Karachun. 2018. 26 Dec. URL: https://karachun.com.ua/kak-zelenskiy-planiruet-zakonchit-voynu-na-donbasse-4365 (date of access: 6.01.2019). (In Russ.)

Kleinfeld R., Solimini D. It Will Take More Than an Election. The American Interest. 2020. 23 Mar. URL: https://www.the-american-interest.com/2020/03/23/it-will-take-more-than-an-election/ (date of access: 14.09.2020).

LaFraniere S., Kramer A.E., Hakim D. Trump, Ukraine and Impeachment: The Inside Story of How We Got Here. New York Times. 2019. 11 Nov. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/11/us/ukraine-trump.html (date of access: 11.11.2019).

Lavrov nazval prichinu otkaza Kieva ot polnogo razvoda sil [Lavrov named the reason for Kiev's refusal to completely divorce forces]. RT. 2020. 10 Feb. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/716712-lavrov-kiev-razvod-sil (date of access: 11.02.2020). (In Russ.)

Ministr oborony` Ukrainy` okonfuzilsya, govorya o Rossii [The Minister of Defense of Ukraine was embarrassed when talking about Russia]. MKRU. 2019. 14 Nov. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/11/14/ministr-oborony-ukrainy-okonfuzilsya-govorya-o-rossii.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (date of access: 11.02.2020). (In Russ.)

Minoborony` Ukrainy` ozhidaet povy`sheniya statusa v NATO do «partnera» [The Ministry of Defense of Ukraine expects to increase its status in NATO to «partner»]. RIA Novosti. 2020. 19 Feb. URL: https://ria.ru/20200219/1564987897.html (date of access: 21.02.2020). (In Russ.)

Nancy Pelosi accuses Trump of «betrayal» as she announces impeachment inquiry. YouTube. 2019. 24 Sept. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1Q-pdDV_Fqk (date of access: 25.09.2019).

Nisbet E.C., Kamenchuk O. What Ukrainians think about Trump and his «quid pro quo» in 3 charts. The Ohio State University. 2019. 12 Nov. URL: https://theconversation.com/what-ukrainians-think-about-trump-and-his-quid-pro-quo-in-3-charts-126643 (date of access: 25.12.2019).

Polityuk P. PM tells Ukrainians: No NATO membership, armed groups to disarm. Reuters. 2014. 18 Mar. URL: https://www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-nato/pm-tells-ukrainians-no-nato-membership-armed-groups-to-disarm-idUSBREA2H0D720140318 (date of access: 14.09.2020).

Raymond A.K. Photographer Captures Image of Trump's Handwritten «No Quid Pro' Notes». Intelligencer. 2019. 20 Nov. URL: https://nymag.com/intelligencer/2019/11/heres-an-image-of-trumps-handwritten-no-quid-pro-notes.html (date of access: 25.11.2019).

Siloviki sorvali otvod sil u Petrovskogo, zayavili v DNR [The siloviki thwarted the withdrawal of forces from Petrovsky, said in the DPR]. RIA Novosti. 2019. 4 Nov. URL: https://ria.ru/20191104/1560558760.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (date of access: 5.11.2019). (In Russ.)

Solov`ev V. SMI: gossekretar` SShA skazal, chto Kry`m navsegda poteryan dlya Ukrainy` poteryan navsegda [Media: the US Secretary of State said that Crimea is forever lost for Ukraine is lost forever]. Kommersant. 2020. 4 Feb. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4242853 (date of access: 11.02.2020). (In Russ.)

The future: Emmanuel Macron warns NATO is becoming brain-dead. Economist. 2019. 7 Nov. URL: https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-warns-europe-nato-is-becoming-brain-dead (date of access: 9.03.2020).

The Trump – Ukraine Impeachment Inquiry Report. U.S. House of Representatives Permanent Select Committee on Intelligence. 2019. URL: https://intelligence.house.gov/report/ (date of access: 14.09.2020).

Trudnosti perevoda: Volker proyasnil poziciyu Belovogo doma po Kry`mu [Lost in translation: Volker clarified the position of the White House in Crimea]. RIA Kry`m. 2018. 8 Jun. URL: https://crimea.ria.ru/world/20180708/1114792047.html (date of access: 11.06.2018). (In Russ.)

Trump: hope Ukraine President and Putin can meet and solve problems. CNBC. 2019. 25 Sept. URL: https://www.cnbc.com/video/2019/09/25/trump-hope-ukraine-president-and-putin-can-meet-and-solve-problems.html (date of access: 30.03.2020).

V LNR i DNR prizvali Zelenskogo ne diktovat` im usloviya [The LPR and DPR urged Zelensky not to dictate conditions to them]. RT. 2019. 2 Oct. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/673523-lnr-dnr-zelenskii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (date of access: 6.10.2019). (In Russ.)

Volker K. How Ukraine Vanished in the Fog of Impeachment. Foreign Policy. 2020. 28 Jan. URL: https://foreignpolicy.com/2020/01/28/ukraine-united-states-russia-zelensky-trump-impeachment-trial/ (date of access: 25.02.2019).

Would Z.B., Merrill C. Trump's Ukraine phone call, annotated. CNN. 2019. 25 Sept. URL: https://edition.cnn.com/interactive/2019/09/politics/trump-ukraine-transcript-annotated/ (date of access: 25.09.2019).

Yaffa J. How Donald Trump Is Making It Harder to End the War in Ukraine. New Yorker. 2019. 6 Dec. URL: https://www.newyorker.com/news/news-desk/how-donald-trump-is-making-it-harder-to-end-the-war-in-ukraine (date of access: 14.09.2020).

Zagorodnyuk: Uzhe v oktyabre Ukraina mozhet rasschity`vat` na poluchenie statusa v NATO [Zagorodnyuk: Ukraine can expect to receive NATO status in October]. UNIAN. 2020. 19 Feb. URL: https://www.unian.net/politics/10881968-zagorodnyuk-uzhe-v-oktyabre-ukraina-mozhet-rasschityvat-na-povyshenie-statusa-v-nato.html (date of access: 06.03.2020). (In Russ.)

Zelenskij. Obrashhenie v Den` zashhitnika [Zelensky. Appeal on Defender's Day]. Dzen. 2019. 14 Oct. URL: https://zen.yandex.ru/media/runovosti/zelenskii-obrascenie-v-den-zascitnika-5da3b1c798fe7900ad798d69 (date of access: 14.09.2020). (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.09

А.Л. Юрганов

КТО СОЗДАЛ «ОБЪЕДИНЕННУЮ ОППОЗИЦИЮ» В ВКП(б) В 1926 г.?

Аннотация. *В статье рассматриваются условия появления в начале 1926 г. так называемой «объединенной оппозиции», в которой соединились прежде враждебные друг другу лидеры партии – Лев Троцкий и Григорий Зиновьев. Троцкий, находившийся во временном союзе со Сталиным и будучи нейтральным во время политической схватки Сталина с ленинградской оппозицией на XIV съезде партии, осознал в начале 1926 г., что Сталин ведет против него закулисную борьбу, вынуждая его перейти в оппозицию. Выясняется, что у Сталина был план, который включал в себя расчет на то, что Троцкий и Зиновьев будут разбиты не поодиночке, а вместе. Появление «объединенной оппозиции» в 1926 г. не было результатом спонтанного объединения. Сталин специально создавал условия отстранения лидеров оппозиции от принятия любых решений, чтобы при определенных маневрах разбить их как одну силу, противостоящую «партии», с мнением которой он отождествлял свою доминирующую группировку в Центральном Комитете ВКП(б). «Генеральный план» Сталина не мог ограничиваться борьбой с одной фракцией – его личный план изначально предусматривал победу над всеми фракциями, а для этого требовалось осознание борьбы на «два фронта», о чем и стал говорить Сталин после XIV партийной конференции. Его «комбинаторство» заключало в себе как искусство разъединять своих врагов и бить их поодиночке, так и искусство соединять их «для пользы дела», когда требовался новый политический маневр.*

Ключевые слова: *И.В. Сталин; Лев Троцкий; Григорий Зиновьев; «объединенная оппозиция»; идеология сталинизма; сатирический журнал «Крокодил».*

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Россия, Москва. E-mail: Iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020

Yurganov A.L. **Who created the «united opposition» in the VKP(b) in 1926?**

Abstract. *The article deals with the conditions of the emergence in early 1926 of the so-called united opposition, which united previously hostile to each other party leaders – Leo Trotsky and Grigory Zinoviev. Trotsky, who was in a temporary alliance with Stalin and was neutral during the political battle between Stalin and the Leningrad opposition at the XIV Congress of the Party, realized in early 1926 that Stalin was fighting behind the scenes against him, forcing him to join the opposition. It turns out that Stalin had a plan, which included the expectation that Trotsky and Zinoviev would be defeated not one by one, but together. The emergence of the united opposition in 1926 was not the result of spontaneous unification – Stalin deliberately created conditions for the removal of opposition leaders from any decision to break them as one force, opposing the «party», with the opinion of which he identified his dominant group in the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stalin's «general plan» could not be limited to the struggle with one faction – his personal plan initially provided for the victory over all factions, and this required an awareness of the struggle on «two fronts», which Stalin began to think and talk about after the XIV party conference. His «combinatorialism» consisted of both the art of separating his enemies and beating them one by one, and the art of connecting them «for the benefit of the cause» when a new political maneuver was required.*

Keywords: *I.V. Stalin; Lev Trotsky; Grigory Zinoviev; united opposition; Stalinism ideology.*

Yurganov Andrey Lvovich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: Iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020

В 20-х числах ноября 1926 г. в журнале «Крокодил» появляется первое сатирическое изображение «объединенной оппозиции»: публикуется рисунок, в котором три главные политические фигуры объединяются одной и той же болезнью – ее именуют «оппозиционной лихорадкой». В изголовье у каждого фигуранта раскрывается история «осложнения»: у Каменева и Зиновьева – это «осложнение припадка 1917 г.», у Троцкого – «перманентные приступы с 1923 г.» [Малютин 1926, с. 5].

В начале января 1926 г., после серьезного поражения ленинградской оппозиции во главе с Зиновьевым на XIV съезде партии (в декабре 1925 г.), журнал «Крокодил» откликнулся на последствия этого разгрома сатирическим очерком под названием «Остальные и Недопыркин». Поскольку Троцкий занимал на прошедшем съезде нейтральную позицию и пребывал, судя по всему, в тайном сговоре со Сталиным [Валентинов 1991, с. 289], под образом Недопыркина подразумевался Г.Е. Зиновьев, «остальные» же – ленинградская делегация на съезде. Ситуация вскоре изменится радикально, и к ленинградской оппозиции примкнет Троцкий, ничего не получивший от Сталина за свою политическую лояльность. Однако в январе 1926 г. никто еще

не мог знать, что злейшие враги, Троцкий и Зиновьев, окажутся в одном лагере – антисталинском[1].

Очерк «Остальные и Недопыркин» в журнале «Крокодил» высмеивал саму идею парт-оппозиции:

«Уважаемый товарищ Недопыркин внезапно объявил себя парт-оппозицией.

– То есть, точнее говоря, – сейчас же поправился он, – оппозиция не я, а все остальные.

– Против кого-ж они в оппозиции-то? – удивились другие.

Уважаемый товарищ Недопыркин разъяснил:

– Против меня. И, следовательно, против Ленина. Потому что искажают они ленинизм. Возможно, что без умысла, но все-таки. И я, как единственный верный хранитель заветов, не могу обойти молчанием. Обязан внести поправки и разоблачить уклоны!» [Грамен 1926, с. 2].

На вопрос, – как же он, Недопыркин, узнает, что «уклоны не у вас, а у остальных», – ответ был дан такой:

«–То-ва-ри-щи дорогие!.. Что за вопрос?! Ясное дело, как: подлинными цитатами из Ленина. Нарочно для этого полное собрание сочинений купил. Тут уж и крыть меня нечем: не я говорю, – Ленин говорит! Да вот, например… И, достав записную книжку, процитировал:

– Том XVII, страница 191. Читаем: “Тактика, несомненно, в основе правильная. Но если не следует останавливаться на мелких неточностях формулировки, все же таки нельзя пройти молчанием, что нельзя называть "со"”.

– Ась?.. Как вы сказали?.. – оторопели другие.

– Не я, а Ленин, – скромно поправил тов. Недопыркин. – Ясно, кажется, сказано. Страница 191.

– Но позвольте… Что значит “со”?..

– Ну, конечно, социализм, – сказал Недопыркин. – Не “сосиска” же и не “собака” же!

– Но почему же слово-то недокончено?

– Не я писал, – сказал Недопыркин, – Ленин писал. Почем я знаю?.. А смысл цитаты не допускает двух толкований. Ясно, кажется: то, что у нас строится, нельзя назвать социализмом» [Грамен 1926, с. 2].

Как видно, аргументы «левой» оппозиции высмеиваются не прямо, а через демонстрацию ущербного способа цитировать Ленина. Недопыркин сделал выписку из ленинского сочинения, дошел до конца страницы 191, где был обозначен перенос слова, но не потрудился перевернуть страницу, чтобы

1. 4 января 1925 г. Г.Е. Зиновьев писал И.В. Сталину, что согласен с самой суровой мерой наказания Троцкого: выведением из состава Политбюро Центрального комитета партии.

узнать о каком «со» идет речь! При этом в фельетоне цитируются подлинные страницы *первого издания* трудов вождя партии. Речь идет об известной работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», и приводится та ее часть, которая называется «Коммунисты и независимцы в Германии». Недопыркин домыслил перенос слова в свою, недопыркинскую, сторону, а именно: «То, что у нас строится, нельзя назвать социализмом».

Автор фельетона, не самого смешного – это мягко говоря – не поскупился привести еще один пример недопыркинского усвоения смысла ленинских трудов:

«– Да уж чего там!.. – махнул рукой Недопыркин. – Удивляться тут нечего. Вот вам еще цитата: том XVIII, часть I, страница 197. Читаем: “Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, – появляется капитализм”. Ясно, как гвоздь! А вот еще, – там же, страница 149: “Что замена разверстки налогом есть экономическая политика более приемлемая для крестьян, на этот счет, по-видимому, нет”. То есть, стало быть, – неприемлемая. Сообразили? И, наконец, на странице 217: “В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несо”. Что такое “несо”, – я и сам еще не вполне разобрался, но во всяком случае, что-то отрицательное. Вернее всего – “несогласен”. Уразумели?..

– Ммм… – не совсем утвердительно отозвались другие. – Вот что: нельзя ли списать у вас эти цитатки?

Товарищ Недопыркин дал свою записную книжку:

– П-па-ажалуйста!.. Хотите проверить Недопыркина?

Сделайте одолжение! Тут все указано: и тома, и страницы» [Грамен 1926, с. 2].

Записи Недопыркина проверили его «товарищи» на предмет соответствия ленинским цитатам – и выяснилось:

«– Уважаемый товарищ Недопыркин!.. Хо-хо.. Да вы с ума сошли?.. Товарищ Недопыркин!.. Да кто-ж вы такой, после этого!?

– Парт-оппозиция, – ответил тов. Недопыркин. – То есть, вернее оппозиция – все остальные! Потому что я… но в чем дело, товарищи дорогие?..

Товарищу Недопыркину сказали:

– Дело в ваших цитатах. На странице 191 тома XVII, действительно, сказано: нельзя называть “со”…

– Ага! А что-ж я и говорил?.. – обрадовался тов. Недопыркин.

– Подождите. Сказано, но поставлен знак переноса, а на следующей странице продолжается: “циалистическим правительством социал-предателей”. На странице 197 тома XVIII напечатано в последней строке: “если есть свобода обмена, – появляется капитализм”, – а на следующей странице: “Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?” Насчет приемлемости

для крестьян замены разверстки продналогом говорится на странице 149: “на этот счет, по-видимому, нет”… а на следующей странице продолжается… “двух мнений на данном съезде”. И, наконец, о вашем идиотском “несо”: оно вовсе не значит “несогласен”, а значит: “несомненно, поможет нам улучшить быстро состояние производства”. Вот так, товарищ уважаемый, цитировали вы Ленина!..

Товарищ Недопыркин удивленно пожал плечами. И спросил:

– То есть, как именно так? Как напечатано, так и цитировал. На тех страницах, на которые я ссылался, буква в букву это самое и значится!

– Товарищ распрекрасный!.. Да ведь вы прочитывали последнюю строку, останавливались на полуфразе, на полуслове, на переносе – и не заглядывали на следующую страницу! Не давали себе труда уж не то что мысль, хоть бы слово-то до конца дочитывать?» [Грамен 1926, с. 2].

Недопыркин обиженно сказал: «Как хочу, так и читаю! Обязан я разве по-вашему читать? Нечего сказать, хорошенькая внутрипартийная демократия!» [Грамен 1926, с. 2].

Настоящее ощущение смешного рождается не у читателя этого скучного фельетона, а у исследователя: дело в том, что «товарищи», которые наставительно поучали Недопыркина, как правильно цитировать Ленина… тоже ошиблись (по-недопыркински)! В «Крокодиле» перепутали страницы в 18 томе. Кто-то в редакции поленился перепроверить и оказалось, что слова Ленина «если есть свобода обмена, – появляется капитализм» находятся не в «последней строке» стр. 197, а в первой строке стр. 183 того же тома. Эти слова – из доклада Ленина 9 апреля 1921 г. на собрании секретарей и ответственных ячеек РКП г. Москвы и Московской губ. Слова же Ленина о замене продразверстки продналогом – не на 149-й странице, а на 137-й: они были произнесены Лениным на X съезде партии, в заключительном слове.

Судя по всему, январский номер делали наспех – не было времени проверить, а уколоть противника ох как хотелось!

Но вот вопрос – кто заказчик этого фельетона? Конечно, по инерции мышления хочется сказать – Сталин. Но он был не один, кто воевал с Зиновьевым…

То, что цитатная война произошла на XIV съезде – сомнений нет. Спорили два главных теоретика партии – Зиновьев от ленинградской оппозиции и Бухарин – от сталинской группировки.

В своем политическом содокладе Зиновьев, как и Недопыркин в фельетоне, цитировал одно и то же место в ленинском сочинении: «…если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, – появляется капитализм» [XIV съезд 1926, с. 103]. Он спровоцировал цитатную войну, когда заявил: «Тут уж позвольте мне, товарищи, выступить *в роли начетчика, обратиться к* “*ветхому завету*” (курсив мой. – *А. Ю.*) и несколько остановиться на тех опреде-

лениях, которые давал в этом вопросе Владимир Ильич. Я возьму немногое из сказанного по этому поводу Ильичем и приведу эти выдержки в хронологическом порядке…» [XIV съезд 1926, с. 103].

Н.И. Бухарин отвечал: «Почему тов. Зиновьев претендует на стопроцентный ленинизм, а в своей книге скрывает от партии мнение Ленина? Мне кажется, что так обращаться с Лениным – немножко бесцеремонно. Можно цитаты надергивать как угодно, но это не значит обращаться с ними так, как это подобает» [XIV съезд 1926, с. 142].

Буквально по сценарию «товарищей» из «Крокодила» Бухарин упрекал Зиновьева в том, что, во-первых, он толком не читал Ленина, во-вторых, пользовался нарезками цитат, сделанных наспех, в-третьих, не видел, что вслед одному параграфу идет другой параграф, в котором поясняется прежде сказанное – и потому нет никакого противоречия в ленинском высказывании.

«В этой цитате Зиновьев по сути дела говорит, будто в резолюции о профсоюзах Ленин прямо заявлял, что наши предприятия – государственно-капиталистические предприятия, весь строй тоже госкапиталистический, и будто всякий, кто против этого протестует, отходит от ленинизма. Я вначале, когда прочел, подумал: действительно – странное дело. Полез в протоколы съезда. Оказалось, что… гм… произошла небольшая “передвижка”. <….> Я спрашиваю вас, где *здесь* ответ на вопрос, что такое наши государственные предприятия? Этого что-то нет. Почему этого нет? … Вы понимаете, в чем дело? У Ленина здесь дано перечисление: вот капиталистические хозяйственные предприятия, – в отношении их наша позиция должна быть такая-то... А тов. Зиновьеву кто-нибудь из секретарей нарезал цитат и не посмотрел, что дальше следует. А он эту цитату – бабах! (Смех.) Мы полагаем, что если серьезно относиться к Ленину и серьезно относиться к тем резолюциям, которые Ленин писал, то нужно хотя бы мельком эти резолюции перечесть. Если бы тов. Зиновьев прочитал эту резолюцию и увидел, что за этим параграфом следует другой, тогда он не попал бы в эту скверную историю. Ведь не могу же я предположить, что он сознательно это сделал или что он резолюцию читал и ее не понял. Получается только один вывод: что он резолюции не читал. Поэтому мы должны прямо сказать: не читал Ленина – не излагай его идей другим!» [XIV съезд 1926, с. 143].

Как видно, фельетон в «Крокодиле» инициировал Бухарин. Грубое исполнение заказа свидетельствовало о спешке, с которой принялись в журнале «Крокодил» выполнять указание одного из вождей партии, главного редактора газеты «Правда».

Положение оппозиции резко изменилось, когда она стала по факту и по названию «объединенной». В январе 1926 г. Троцкий ушел из ВСНХ [Вален-

тинов 1991, с. 323], продолжая числиться на службе в Концессионном комитете[2].

Когда же произошло объединение Зиновьева и Троцкого? И главное – почему? Если судить по письму Троцкого Л.П. Серебрякову от 2 апреля 1926 г., временный союз Троцкого и Сталина был в это время еще актуален, хотя сбой в отношениях уже наметился. Троцкий сообщал в письме, что разговор, который был у него с Серебряковым и другими товарищами, состоялся «по предложению Сталина и по соглашению с ним» [Архив Троцкого 1990а, с. 187]. После отъезда Серебрякова в Маньчжурию – буквально через два дня – кто-то стал распространять слухи в партийном аппарате, – отмечал Троцкий в письме, – что Серебряков дескать перед отъездом организовал… фракцию, в которую, помимо него, Троцкого, вошли Пятаков и Радек.

Он обратился к Куйбышеву и тот ответил:

«…насчет фракции-де он не слышал, но что со слов Сталина (кажись, так) дело представляется ему в следующем виде: Сталин обратился, мол, с требованием “безоговорочного признания решений XIV съезда, а Серебряков, уклонившись от ответа на этот вопрос, предъявил требования насчет прекращения травли, инсинуаций” и пр. и пр. Я старался объяснить Куйбышеву дело, как оно было в действительности, или, по крайней мере, как я его понял на основании собственного разговора со Сталиным» [Архив Троцкого 1990а, с. 187–188].

Как видно, Троцкий находился в тесном взаимодействии со Сталиным. Письмо Серебрякову свидетельствует о растерянности Троцкого перед лицом странных интриг, исходящих от генсека.

Что было непонятно Троцкому? В письме Серебрякову он пишет, что требование «безоговорочного признания решений XIV съезда» абсурдно, ибо всякий член партии «знает достаточно хорошо» устав партии. Но безоговорочное признание – это силовое давление, принуждение, которое естественным образом могло вызвать и ответную реакцию.

«…мне показалось несколько странным, что Сталин, *с которым мы вместе работаем в Политбюро* (здесь и далее курсив мой. – *А. Ю.*), обращается таким кружным путем после того, как у нас с ним был разговор на эти же темы… Совершенно не могу понять, зачем затевался весь этот разговор и зачем дается ему сейчас такое направление, *чтобы не облегчить, а наоборот, затруднить дальнейшую работу*. Зачем и почему разговор затевался Сталиным именно с Вами, накануне Вашего отъезда в Манчьжурию (так в публикации письма. – *А. Ю.*), что затрудняет здесь установление действительного содер-

2. Весной 1926 г. Троцкий с женой находился в Берлине на лечении.

жания Вашего разговора со Сталиным и смысл Вашего письма, связанного с этим разговором» [Архив Троцкого 1990а, с. 188].

Письмо свидетельствует: Троцкий *не мог поверить* 2 апреля 1926 г., что Сталин начал с ним борьбу своими аппаратными методами.

Многое прояснилось на очередном пленуме ЦК ВКП(б), который проходил с 6 по 9 апреля 1926 г. Речь Троцкого показывает, что через несколько дней после написания письма Серебрякову он осознал наконец, что аппаратная война *идет уже полным ходом*, и какие бы он ни делал заявления, какие бы ни высказывал идеи, команда на травлю получена непосредственно от Сталина. Эту войну он так и назвал – «аппаратное мифотворчество».

В его мыслях, рассуждениях, прогнозах, знаниях, опыте и т.д. – больше не нуждаются. Не прямо, но понятным намеком, Троцкий сказал об этом, что вызвало в аудитории даже «восклицания».

«Из неправильного, ненормального порядка работы вытекает обострение и противопоставление даже в тех случаях, когда их могло бы и не быть. (Восклицания). *Извините, вы сами это прекрасно понимаете* (здесь и далее курсив мой. – *А .Ю.*). Да и чего, собственно, вы хотите, товарищи. Когда столь серьезные общеполитические и хозяйственные вопросы стоят на повороте, то было бы чудовищно, если бы в нашей партии не вспыхнули практические и обобщенные разногласия, которых не надо только принимать *преувеличенно и искусственно раздувать*. Как же иначе может партия жить и двигаться вперед. Иначе из этого получается то, о чем напомнило выступление Молотова: *по любому поводу* обвинения в полутроцкизме летают справа налево и слева направо… у нас всякий вопрос ставится на острие аппаратной бритвы *и всякое отклонение от этого острия на одну тысячную долю миллиметра объявляется – путем аппаратного мифотворчества – чудовищным уклоном.* Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима» [Архив Троцкого 1990а, с. 211].

В своих выступлениях на пленуме близкие Сталину люди стали нарочито связывать любое высказывание Троцкого с тем, о чем говорилось во время дискуссии 1923 г. При этом сам Троцкий *никак эту связь не видел* (это прямо следует из его речи на апрельском пленуме), и не желал ее видеть. Он не собирался вступать в конфронтацию. Конфронтацию затеял Сталин, дав команду связывать воедино любое высказывание Троцкого с его антипартийной деятельностью, начиная с 1923 г.

Троцкий говорил:

«Тов. Жданов зачем-то ссылался на дискуссию 1923 г. *И другие без всякого повода* (курсив мой. – *А. Ю.*) говорили о дискуссии 1923 г. Я к ней не апеллировал и не имею в виду апеллировать. Речь идет о сегодняшнем и завтрашнем дне. Ни в малейшей степени я не говорил о прошлом в смысле какого-либо противопоставления “платформ”» [Архив Троцкого 1990а, с. 212].

Он оказался в бюрократической изоляции, ему были предоставлены две возможности: либо окончательно потерять лицо и стать частью сталинского механизма власти (без всяких гарантий на будущее), либо начать новую борьбу за внутрипартийную демократию и за возможность влиять на принятие тех или иных решений.

Апрельский пленум 1926 г. – поворотный момент, когда впервые возникла общая потребность у оппозиции отстаивать не только свои взгляды, но и право влиять на принятие решений в партии. Без этого нет смысла и пребывать в ней.

6 июня 1926 г. Троцкий направил в Политбюро письмо, в котором сообщал о своих возражениях по докладу Н.А. Угланова на расширенном пленуме Замоскворецкого райкома партии [Архив Троцкого 1990а, с. 230–238]. Поскольку отчет о пленуме был опубликован в «Правде» (2 июня 1926 г.), Троцкий спорил и с газетой тоже, ставя вопрос, как говорится, ребром: «Что такое “демократия”?» То определение, которое он обнаружил в обзоре, его никак не устраивало. Оно оказалось, по его мнению, определением «партийного бюрократизма как системы, где партия, как таковая, выступает лишь в качестве материала в руках аппарата».

Споря с Углановым, Троцкий спорил прежде всего со Сталиным[3].

«До 2 июня 1926 года партия давала не раз определение того режима, который она понимает под именем внутрипартийной демократии. Наиболее яркими моментами развития партийной мысли в этом вопросе явились: резолюция X съезда (1921) и единогласно принятая резолюция ЦК 5 декабря 1923 года, подтвержденная затем XIII съездом партии. Резолюция последнего, XIV съезда партии говорит только о необходимости стать “на путь последовательной внутрипартийной демократии”. Понятие внутрипартийной демократии в резолюции XIV съезда не поясняется именно потому, что это уже было сделано с необходимой полнотой предшествующими съездами партии» [Архив Троцкого 1990а, с. 231].

Троцкий нашел в определении Угланова *не тот смысл*, который был уже согласован с мнением большинства в партии: «Сущностью демократии он объявляет неограниченное господство партийного аппарата, который ставит, втягивает, проверяет и исправляет. 2 июня 1926 года партия получила наиболее законченное определение режима, основанного на полновластии аппарата. Пытаясь определить сущность демократии, тов. Угланов определил сущность бюрократии. Правда, в определении тов. Угланова эта бюрократия не

3. Д.И. Апальков считает, что окончательное оформление «объединенной оппозиции» следует отнести к выступлению Зиновьева, Каменева и Троцкого на заседании Политбюро 3 июня 1926 г. по вопросу об итогах всеобщей стачки в Великобритании [Апальков 2017, с. 90].

просто командует, а ставит вопросы перед массами, втягивает их и исправляет линию» [Архив Троцкого 1990a, с. 233].

Троцкий обобщил ситуацию, как безрадостную картину партийного произвола: «…никогда еще режим партии не был пропитан в такой степени назначенством, командованием, подозрительностью, зажимом, т.е. всеохватывающим аппаратным началом, как теперь. Противоречие, и притом вопиющее, между программным определением партийной демократии, между провозглашенной и подтвержденной необходимостью курса на партийную демократию, с одной стороны, и между фактическим партийным режимом – с другой, налицо. Это противоречие становится для партийного сознания все более острым, мучительным и прямо-таки нестерпимым. Ничего так не тяжко для революционной партии, как двойственность, как несоответствие между словом и делом» [Архив Троцкого 1990a, с. 233].

Критика бюрократизма в этом письме мотивирует причину появления фракций, оппозиционных групп. Троцкий объясняет новое движение к оппозиции тем, что толкает его на это новое противостояние сам Сталин: «…аппаратный режим с абсолютной необходимостью порождает из себя фракции. Более того, при замкнутом аппаратном режиме, который только командует, но не допускает над собою контроля, возникновение группировок есть единственная вообще возможность внесения поправок в аппаратную политику» [Архив Троцкого 1990a, с. 235].

В этом письме (от 6 июня 1926 г.) Троцкий позволил себе жесткую критику партийного аппарата: «Сталинская постановка вопроса о диктатуре класса, противопоставляемой диктатуре партии, ведет неизбежно к диктатуре аппарата, ибо класс с дезорганизованным авангардом (отсутствие свободного обсуждения, контроля над аппаратом, выборности – и есть дезорганизация авангарда) только и может, что стать объектом руководства централизованного аппарата, который, в свою очередь, отдаляясь от партии, все больше и больше должен подпадать под давление враждебных классовых сил» [Архив Троцкого 1990a, с. 237].

Намек на идейную слабость и невысокий культурный уровень партийного руководства наверняка задел генсека – подобные намеки он никогда не прощал: «Дальнейшее развитие, – писал Троцкий, – бюрократического режима ведет фатально к единовластию со столь же фатальным снижением идейного руководства. Демократизация партийного режима не только допускает, но и требует восстановления коллективного руководства на более высоком культурно-политическом уровне…» [Архив Троцкого 1990a, с. 238].

13 июля 1926 г. Г. Зиновьев и Л. Троцкий выступили с совместным письмом, адресованным лично Сталину и членам Политбюро [Архив Троцкого 1990b, с. 9]. В нем указывалось, что «завтра» начнется пленум ЦК и ЦКК, а действия Угланова, начавшего в партийных ячейках обсуждение вопросов

внутрипартийной жизни, свидетельствуют о том, что ЦК «будет поставлен перед фактически начатой сверху односторонней дискуссией». Смысл политической акции заключался в том, чтобы обвинить руководство партии в подстрекательстве и желании навязать партии новую дискуссию.

Зиновьев и Троцкий сошлись на том, что оба оказались без рычагов влияния на принятие решений. Все теоретические расхождения со Сталиным были для «объединенной оппозиции» ничто в сравнении с тем, что делала с ними бюрократическая система, исключавшая их из руководства всякими путями, интригами и нежеланием считаться с мнением. «Объединенная оппозиция», официально объявившая о себе на июльском пленуме 1926 г. через «Заявление», адресованное членам ЦК и ЦКК, состояла в основном из старой ленинской «гвардии» (М. Бакаев, Г. Лидзин, М. Лашевич, Н. Муралов, А. Петерсон, К. Соловьев, Г. Евдокимов, Г. Пятаков, И. Авдеев, Г. Зиновьев, Н. Крупская, Л. Троцкий, Л. Каменев). В этом «Заявлении» было указано, что «фракционность», осужденная на X съезде партии, создается бюрократизмом, подавляющим «свободу суждений, убивая критику, неизбежно толкает добросовестных партийцев на путь замкнутости и фракционности» [Архив Троцкого 1990b, с. 12]. Слишком поздно деятели оппозиции поняли, что «утверждение, будто “большинство” не может быть фракцией, явно бессмысленно» [Архив Троцкого 1990b, с. 20]. Сталинский миф о том, что «большинство» и «фракция» – понятия несовместимые – был, наконец, опровергнут, и в лексике оппозиционеров появились новые определения: «руководящая группа», «сталинская фракция».

«Дело Лашевича», заурядное партийное собрание на подмосковной даче 6 июня 1926 г., было раздуто сталинским аппаратом до масштабов нелегальной фракции, созданной старыми большевиками М.М. Лашевичем и Г.Я. Беленьким[4]. Этот случай – своеобразный подарок Сталину, он помог ему расправиться с Зиновьевым.

В заявлении «объединенной оппозиции» раскрывался механизм устранения неугодных Сталину людей во власти.

«Вопрос о так называемом “деле” Лашевича, поставленный, согласно решению Политбюро от 24 июня, в порядок нынешнего пленума, неожиданно, в самый последний момент постановлением Президиума ЦКК от 20/VII превращен в “дело” тов. Зиновьева. Мы считаем необходимым прежде всего

4. В воскресный день, 6 июня 1926 г., на одной из дач по Савеловской дороге собрались единомышленники – человек 70 коммунистов Краснопресненского района Москвы, чтобы обсудить положение в партии; был заслушан доклад М.М. Лашевича, первого заместителя председателя Реввоенсовета СССР, сторонника Зиновьева. Донос одного из участников собрания поступил на имя М.Н. Рютина, секретаря Краснопресненского райкома партии, который в свою очередь сообщил об этом в ЦКК ВКП(б).

констатировать, что в проекте резолюции Президиума ЦКК нет ни одного факта, ни одного сообщения, ни одного подозрения, которые бы не были известны шесть недель тому назад, когда Президиум ЦКК вынес постановление по “делу” Лашевича и др. В этом постановлении имя тов. Зиновьева не называлось. Между тем в последнем проекте резолюции уже заявляется со всей категоричностью, что “все нити” ведут к тов. Зиновьеву как председателю Коминтерна. Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин» [Архив Троцкого 1990b, с. 22].

Оппозиция объясняла хронологию политических событий последних месяцев, обнажая сталинский план борьбы с Троцким. Указывалось, например, что борьба с ним началась через полтора-два месяца после завершения XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), т.е. примерно в конце февраля – начале марта 1926 г. Как уже упоминалось, Троцкий недоумевал 2 апреля 1926 г., почему так странно ведет себя Сталин, и только спустя несколько дней осознал, что борьба с ним развернута вновь и идет не первый день: «…была открыта одновременно в разных пунктах, прежде всего в Москве и Харькове, – точно по сигналу – новая глава в борьбе против тов. Троцкого, – говорилось в заявлении оппозиции. В этот период руководители московской организации открыто говорили на ряде активов, что ближайший удар надо нанести тов. Троцкому» [Архив Троцкого 1990b, с. 23].

Оппозиция утверждала, что вопрос «об изъятии тов. Троцкого из Политбюро обсуждался в достаточно широких кругах партии», но тут вмешался случай – «дело» Лашевича. Сталинская группировка решила сначала нанести удар по Зиновьеву [Письма И.В. Сталина 1995, с. 73], обвинив его в связях с нелегальной фракцией.

«Выдвинутое в последний момент предложение – удалить тов. Зиновьева из Политбюро – продиктовано центральной сталинской группой как этап на пути замены старого ленинского руководства партии – новым, сталинским. План по-прежнему осуществляется по частям. Тов. Троцкий оставляется пока в составе Политбюро, чтобы, во-первых, дать возможность партии думать, будто тов. Зиновьев действительно устраняется в связи с делом Лашевича, и, во-вторых, чтобы слишком крутыми шагами не вызвать у партии чрезмерной тревоги» [Архив Троцкого 1990b, с. 23–24].

Возложив вину за случившееся на ЦКК и Куйбышева, авторы резолюции констатировали: «Предложение об исключении тов. Зиновьева из Политбюро толкает партию на путь дальнейших репрессий, путь, от которого мы предостерегаем партию» [Архив Троцкого 1990b, с. 31].

О том, что оппозиция верно комментировала события – и ничего не преувеличивала – свидетельствует письмо Сталина, отправленное В.М. Молотову, Рыкову, Бухарину «и другим друзьям» 25 июня 1926 г. из Сочи, где вождь

партии отдыхал. В письме Сталин прямо сказал, что до «дела» Лашевича стратегический план борьбы с оппозицией состоял в том, чтобы соединить Зиновьева и Троцкого, а затем принять «широкую резолюцию» о единстве партии на очередном пленуме. Случай с Лашевичем заставил Сталина скорректировать текущий план, по которому он активно действовал: «Я уже не говорю о том, что ***широкой*** *резолюции пленума (прежний план) пришлось бы официально объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь* (курсив мой. – *А. Ю.*), что, может быть, преждевременно и стратегически нерационально сейчас. Лучше бить их по частям». Но это «бить по частям» не означало, что Сталин собирался опять маневрировать с Троцким: «…пусть Троцкий и Пятаков защищают Зиновьева, а мы послушаем. Во всяком случае так будет лучше на данной стадии. А потом видно будет» [Письма И.В. Сталина 1995, с. 74].

По этому письму видно, что интригу против Зиновьева задумал и осуществлял именно Сталин – и никто другой. Он же в решительном тоне добавил в конце письма: «Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя, особенно, если это дело связать с делом Гуральского. ***А связать его надо***» [Письма И.В. Сталина 1995, с. 74]. Это значит, что все сомнительные дела, с точки зрения Сталина, которые на самом деле могли иметь не связанные друг с другом собственные причины, следует теперь объединить в одно «дело» – и в один сценарий борьбы оппозиции против партии большевиков. Сомнительное «дело» Гуральского и Вуйович (по линии Коминтерна) Сталин потребовал соединить с еще более сомнительным «делом» Лашевича – и во главе всего этого антипартийного предприятия поставить Зиновьева. Чтобы его исключить из состава Политбюро, требовались веские основания.

Сталин их придумал…

В августе 1926 г. Троцкий и Зиновьев вновь написали совместное обращение в ЦК партии. В нем вновь подчеркивалось, что опасность раскола партии вытекает, как и предостерегал Ленин, из «чрезвычайного сосредоточения аппаратной власти и злоупотребления ею» [Архив Троцкого 1990b, с. 34]. Страшнее любых теоретических разногласий в партии – невозможность партии, как массовой организации, влиять на собственный аппарат: «Фракция, подобранная постепенно вокруг генерального секретаря при помощи партийного аппарата, сосредоточила в своих руках всю силу власти» [Архив Троцкого 1990b, с. 34]. Новейший пример: «В июле было произведено дальнейшее изменение партийного руководства (удаление тов. Зиновьева из Политбюро и включение в число кандидатов ряда товарищей, составляющих центр сталинской фракции). Партия об этом не знала ничего до июльского пленума ЦКК, который по этому же самому вопросу за несколько дней до Пленума вынес решение, совершенно не затрагивающее состава Политбюро. Партии остава-

лось принять новое руководство только в порядке разъяснения решений июльского пленума» [Архив Троцкого 1990b, с. 35].

В этом обращении, как и ранее в «заявлении», вновь раскрывались ставшие известными тайные ходы закулисной борьбы Сталина против оппозиции. Но одно объяснение, которое мы видим в этом документе, удивляет прозорливостью и глубоким пониманием того, как была устроена сталинская механика подавления. Она не была, по мнению Троцкого и Зиновьева, последовательна в защите идей или принципов, – ни идей, ни принципов нет в помине: стратегия подавления была нацелена на захват власти и уничтожение *всех тех*, кто был в той или иной мере близок ленинской гвардии – даже если это были представители «правых». Приведем эти поистине пророческие слова двух вождей оппозиции, из которых следует, что Сталин боролся не только против «левой» оппозиции, но потенциально и против «правой». Он выстраивал свою политическую игру так, чтобы своим аппаратным давлением собрать левую оппозицию в одно, отрешенное от власти, объединение, окончательно разбить «левых» и получить сразу же перевес в игре против «правых».

Вот как это звучит в Обращении: *«Еще до апрельского пленума было известно, что верхушка сталинской фракции решила устранить из Политбюро Зиновьева, Каменева, Троцкого и обеспечить безусловный перевес Сталина над Томским, Рыковым и Бухариным* (курсив мой. – *А. Ю.*). Некоторые члены Политбюро, принадлежащие к большинству, говорили об этом плане с возмущением. О так называемом “деле” Лашевича тогда не было еще и речи. План вытекал из всей организационной политики группы Сталина» [Архив Троцкого 1990b, с. 35].

Итак, «генеральный план» генерального секретаря партии, вскрытый объединенной оппозицией, заключался в том, чтобы устранить не только левую оппозицию, но и «правую» тоже. Но сделать это можно было только поэтапно. Сначала – вывести из состава Политбюро главных деятелей объединенной оппозиции, а потом внедрить в Политбюро верных и преданных Сталину людей – вместо тех, кого Сталин «своими» не считал. И главный «не свой»[5] среди них – Н.И. Бухарин. Поскольку в дальнейшем так – или почти

5. В письме Молотову от 16 сентября 1926 г. Сталин грубовато пошутил насчет Бухарина, который ничего не сообщил ему, Сталину, о «своих германских впечатлениях». «Бухарин – свинья и, пожалуй, хуже свиньи, ибо считает ниже своего достоинства написать две строчки…». В понимании Сталина «свой» – это не равный ему, Бухарин же позволял себе быть именно равным. Глухое раздражение, спрятанное за грубой шуткой, выдает истинное отношение Сталина к самой идее первенства в партии [Письма И.В. Сталина 1995, с. 90].

так – произошло, то нет сомнений в том, что у оппозиции были хорошие информаторы, знавшие тайные разговоры в сталинской фракции.

В сентябре 1926 г. Троцкий написал текст, который он назвал так: «Об единстве партии». Оппозиция в полной мере осознала значение контрпропаганды, но время упущено. Костяк сталинской фракции намертво зажал в своих руках рычаги власти – и прежде всего аппаратную власть над «большинством» в партии.

Троцкий писал: «Лозунг единства партии все больше становится в руках правящей фракции орудием идейного террора (застращивания, запугивания) против подавляющего большинства партии» [Архив Троцкого 1990b, с. 77].

Он вновь напомнил, как аппарат Сталина обошелся с Каменевым и Зиновьевым, обнажая еще и еще раз тезис, согласно которому «партия» в самом широком смысле устранена от механизма принятия решений.

Было обосновано и будущее единовластие в партии. Оно обязательно придет: «Политическое сползание с классовой линии неизбежно толкает на путь аппаратно-бюрократического давления на партию. Этот курс неизбежно ведет к замкнутой фракционной группировке наверху и к жесткому подбору ею всего аппарата. В свою очередь, сосредоточение власти в руках тайной от партии фракции неизбежно развивает тенденцию к единоличию (так! – *А. Ю.*). Коллективное руководство неразрывно связано с режимом партийной бюрократии. Бюрократизированный аппарат, навязывающий свою волю партии, неизбежно ищет единой воли сверху» [Архив Троцкого 1990b, с. 79].

Троцкий обобщил этапы сопротивления сталинской бюрократии, тонко обойдя момент, когда он в 1925 г. заключил союз со Сталиным против Зиновьева: «С того момента, как Ленин отошел от работы, мы имели: дискуссию 1923-го года, дискуссию 1924-го года, дискуссию 1925-го года (с ленинградцами), новую аппаратную дискуссию против “троцкизма” весною 1926-го года; новую резкую дискуссию против ленинградской оппозиции, формально приуроченную к “делу” Лашевича (июнь-июль 1926-го), ныне развертывающуюся новую дискуссию против “троцкизма” вообще и обвиняемой в “троцкизме” ленинградской оппозиции, в частности» [Архив Троцкого 1990b, с. 79].

Троцкий вновь подчеркнул, что настоящая цель Сталина – не победа над «левыми», а победа над всеми (и «правыми» тоже!), кто не является членом его фракционной группировки: «Совершенно ясно, что ни Томский, ни Рыков, ни Бухарин – по своему прошлому, по авторитету своему и пр. – не могут и не способны играть при Сталине ту роль, какую играют при нем Угланов, Каганович, Петровский и пр. Отсечение нынешней оппозиции означало бы неизбежное фактическое превращение в оппозицию остатков старой группы в ЦК. На очередь встала бы новая дискуссия, в которой Каганович обличал бы Рыкова, Угланов – Томского, а Слепковы, Стэны и К° развенчи-

вали бы Бухарина. Только безнадежный тупица может не видеть неизбежности этой перспективы…» [Архив Троцкого 1990b, с. 80].

В сентябре 1926 г. Троцкий написал тезисы «К пятнадцатой партийной конференции», в которых дал определение такому явлению, как «политическая двойственность». Троцкий уловил, что в политической игре Сталина нет никакого политического содержания – «политической линии», – ее успешно заменяет «комбинаторство». А вот «реальное содержание» вносят как раз те представители партии, которых сталинская фракция считает «левыми» или «правыми». Троцкий угадал, что Сталин при случае повернется в любую сторону «содержания», если это будет ему выгодно для удержания власти, но отнюдь не потому, что таковы его политические взгляды, имеющие непреложные основания[6]. Он писал: «Особый вес в сталинской фракции получают специалисты по возведению беспринципности в систему» [Архив Троцкого 1990b, с. 87].

Свидетельством отсутствия своего «содержания» является то, что между словом и делом в сталинской фракции обнаруживаются расхождения – «политические ножницы»: «Чем больше принимается почти оппозиционных решений о борьбе с бюрократизмом (в профсоюзах, госаппарате и пр.), тем жестче становится бюрократизм» [Архив Троцкого 1990b, с. 87].

Сталин не спорит, а декларирует «по методу средневековой схоластики» свой, как ехидно писал Троцкий, «идеологический маскарад»: «Партию пытаются уверить, что Крупская, Зиновьев, Каменев и сотни других большевиков с 20-летним и более партийным стажем, внезапно отпали от ленинизма. Это обвинение должно освободить от необходимости учитывать факты и опровергать доводы» [Архив Троцкого 1990b, с. 90].

«Теоретическая и политическая сущность спорных вопросов оставляется в стороне. Задача сводится к тому, чтобы скомпрометировать оппозицию, установить какую-либо внешнюю, случайную, персональную или хронологическую связь между ней и каким-либо другим течением, когда-либо осужденным. Эта цель достигается при помощи грубых софизмов и косвенных

6. Разумеется, все фракции боролись прежде всего за власть – не только Сталин, но и Зиновьев и Троцкий. Но взаимосвязь идеологии и поступков могла быть разной: у одних это фанатизм не меняющегося тезиса борьбы за мировую революцию, у других – только захват власти при меняющихся идеологических ориентирах. Апальков верно отмечает, что левая оппозиция думала о власти прежде всего, но она не была столь свободна от исходных тезисов, как сталинская фракция, как и сам Сталин, удивлявший большевиков умением «комбинировать» свои взгляды под политический расклад [Апальков 2017, с. 75, 80]. Эта разница может быть и не столь велика, но не замечать ее – значит упускать из вида по-разному работающие механизмы достижения политических целей.

улик. Система искаженных цитат, выдернутых наудачу словечек, все больше культивируется Бухариным и его школой» [Архив Троцкого 1990b, с. 93].

3 октября 1926 г. Зиновьев, Троцкий и Пятаков направили письмо протеста в Политбюро по поводу резолюции Московского комитета партии, считая, что в ней извращается идея партийной демократии. 4 октября в Политбюро было направлено новое заявление от лица объединенной оппозиции, в котором предлагалось найти компромисс в политическом споре. 8 и 11 октября 1926 г. проходили заседания Политбюро, на которых было решено потребовать от оппозиции немедленно прекратить фракционную деятельность. Такое жесткое решение было продиктовано условием компромисса со стороны оппозиционеров: они требовали политических гарантий непреследования за взгляды, которые не должны квалифицироваться как меньшевизм. Неуступчивость в отношениях с оппозицией была заранее продуманна. Г.И. Петровский, член Политбюро, так и сказал на заседании 11 октября: «Оппозиция требует равноправия? Требования выставляет? Вы явились сюда на заседание Политбюро стороной, которая в стране не имеет никакой поддержки» [Стенограммы заседаний 2007, с. 371]. Это и был первоначальный пункт расчета всей политической кампании, как против «левых» – сейчас, так и против «правых» – в будущем.

Карикатура в журнале «Крокодил», впервые изображающая объединенную оппозицию, была опубликована в 20-х числах ноября 1926 г. Это был отклик как на произошедшую с 26 октября по 3 ноября в Москве XV партийную конференцию ВКП(б), так и на последующие события. В ходе прений на партконференции было принято решение: считать объединенную оппозицию «социал-демократическим уклоном» в партии. С таким докладом 1 ноября выступил Сталин. 3 ноября он еще раз высказался, но уже с «заключительным словом». 15 ноября была опубликована брошюра Сталина «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», где содержались доклад и заключительное слово по докладу на партконференции. 20 ноября Сталин сообщил на заседании Президиума Исполкома Коминтерна план своего доклада на VII расширенном пленуме ИККИ «О внутрипартийном положении в ВКП(б)».

22 ноября генсек избирается членом Президиума ИККИ и членом политической комиссии пленума. С этого дня он активно участвует в работе VII расширенного пленума ИККИ, который завершается 16 декабря. Словом, журнал «Крокодил», достоверно выражая собой идеологическую позицию ЦК партии, внес свою лепту в политическую борьбу, создавая ложный образ неисправимой оппозиции, «хронически больной», зацикленной на противостоянии Центральному комитету партии.

В ноябре-декабре 1926 г. сталинская группировка подвела итог борьбы с «левой» оппозицией, ставшей «объединенной». Самое позорное в глазах большевиков обвинение было утверждено как обвинение против «троцкист-

ской» оппозиции уже привычным способом – большинством голосов. Это означало, что решения XV съезда не будут отличаться от итогов партийной конференции.

В самой обстоятельной биографии Сталина, написанной американским историком Робертом Такером, события политической борьбы 1926 г. не рассматриваются как значимые в историко-биографическом плане. Между тем именно в первой половине этого года в ходе ожесточенных споров стала открываться истинная картина событий. Оппозиция увидела, что Сталин силен не тем, что он «не левый», и не тем, что он «не правый», а тем, что в его «центризме» нет никаких идей вообще, кроме одной – удержать захваченную власть *любой* ценой. Если деятели оппозиции, борясь за власть, связывали себя с определенными доктринами, от которых не могли уйти слишком далеко, но Сталин как «практик» изначально держался той «середины», в которой, по излюбленной им марксисткой диалектике, можно всегда обнаружить логику перехода одного политического смысла в противоположный. Эта «вненаходимость» давала ему право критиковать и тех, кто «справа», и тех, кто «слева», оставаясь в положении, позволявшем ему отождествлять себя и свою группировку с общим мнением всей партии.

Раскрытый оппозицией «генеральный план» генерального секретаря и его сотоварищей заключал в себе (до того, как началось «дело» Лашевича) задачу – *соединить* потерпевшую поражение на съезде «ленинградскую оппозицию» Зиновьева и недобитого Троцкого, чтобы окончательно разгромить их на очередном пленуме принятием, как указывал Сталин, «широкой резолюции» о единстве в партии. «Генеральный план» Сталина не мог ограничиваться борьбой с одной фракцией – его *личный* план изначально предусматривал победу над *всеми фракциями*, а для этого требовалось осознание борьбы на «два фронта», о чем стал думать и говорить Сталин после XIV партийной конференции. Его «комбинаторство» заключало в себе как искусство разъединять своих врагов и бить их поодиночке, так и искусство соединять их «для пользы дела», когда требуется новый политический маневр.

Как предрекали вожди объединенной оппозиции – так и случилось: после разгрома Троцкого и Зиновьева в 1926–1927 гг. наступил черед Бухарина, и уже в январе 1928 г. Сталин объяснял руководящим работникам Сибири (куда он отправился с инспекционной поездкой), что времена «военного коммунизма» в отношении крестьян не прошли, и если кулак не сдает зерно государству, то государство вправе конфисковать хлеб или передать его беднякам. В середине 1928 г. Сталин и Бухарин какое-то время даже перестали разговаривать друг с другом. Испугавшись, что Сталин придумает новый политический маневр, Бухарин встретился с Каменевым и весьма откровенно пожаловался на генсека, сравнив вождя партии большевиков с Чингисханом.

Основания для такого сравнения были. Сталин приготовился взимать «дань» с крестьян, формулируя исключительно левацкую идею о нарастающей классовой борьбе в эпоху строительства социализма. В разговоре с Каменевым Бухарин высказал мысль, которую озвучивали и вожди объединенной оппозиции: у Сталина нет никаких принципиальных идей, кроме одной – утвердить свою деспотическую власть и утопить страну в крови своих врагов [Такер 2006, с. 277–278].

Кульминацией всей закулисной борьбы с «правыми» стало совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшееся в январе – начале февраля 1929 г., когда Сталин наконец сказал то, о чем давно думал: «Как это ни печально, приходится констатировать факт образования в нашей партии особой группы Бухарина в составе Бухарина, Томского, Рыкова». Началось разоблачение «правых уклонистов», которое закончилось полным разгромом в ноябре 1929 г., когда Пленум ЦК вывел из состава Политбюро ЦК главного деятеля «правых» – Бухарина [Такер 2006, с. 278].

В декабре 1929 г., когда Сталин отмечал свое 50-летие, никаких фракций уже не было. «Генеральный план» перед началом нового десятилетия был полностью выполнен.

Библиография

Апальков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2017. 206 с.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «ТЕРРА-«TERRA», 1990a. Т. 1. 255 с.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «ТЕРРА-«TERRA», 1990b. Т. 2. 253 с.

Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с.

Грамен. Остальные и Недопыркин // Крокодил. 1926. № 2. С. 2.

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. 1029 с.

Малютин И. Оппозиционная палата № 1 // Крокодил. 1926. № 43. С. 5.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1926 гг.: сборник документов. М.: «Россия молодая», 1995. 303 с.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), 1923–1938 гг.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2007. 2007. Т. 2: 1926–1927 гг. 670 с.

Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М.: Весь мир, 2006. 864 с.

Троцкий Л. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Панорама,1991. 624 с.

References

Apal'kov D.I. Vnutripoliticheskaa bor'ba v RKP(b) (1920-e – nachalo 1930-h gg.) [Internal political struggle in the RCP(b) – VKP(b) (1920s – early 1930s)]: Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow, 2017. 206 p. (In Russ.)

Archiv Trockogo. Kommunisticheskaa oppozicia v SSSR. 1923–1927 [Archive of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Moscow: TERRA-TERRA, 1990a. Vol. 1. 255 p. (In Russ.)

Archiv Trockogo. Kommunisticheskaa oppozicia v SSSR. 1923–1927 [Archive of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Moscow: TERRA-TERRA, 1990b. Vol. 2. 253 p. (In Russ.)

Gramen. Ostal'nye i Nedopyrkin. Krokodil [Others and Nedopyrkin. Crocodile (magazine)]. 1926. N 2. P. 2. (In Russ.)

Malyutin I. Oppozicionnaia palata N 1. Krokodil [Opposition Chamber N 1. Crocodile (magazine)]. 1926. N 43. P. 5. (In Russ.)

Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1926 gg. [Letters of Stalin to V.M. Molotov. 1925–1926]: collection of documents. Moscow: Rossia molodaia, 1995. 303 p. (In Russ.)

Stenogramma zasedanii Politburo TsK RKP(b)–VKP(b), 1923–1938 gg. [Stenograms of the TsK RKP(b)-VKP(b) Politburo Meetings, 1923–1938]: 3 vol. Moskva: ROSSPAN, 2007. 2007. Vol.2: 1926–1927. 670 s. (In Russ.)

Taker R. Stalin. Istoria i lichnost': Put' k vlasti. 1879–1929; U vlasti. 1928–1941. [History and Personality: The Path to Power. 1879–1929; In Power. 1928–1941]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2006. 864 p. (In Russ.)

Trockii L. Moia zhizn'. Vospominania [My life. Memories]. Moscow: Panorama, 1991. 624 p. (In Russ.)

XIV s'ezd Vsesousnoi Kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet [XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). Stenographical report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 1029 p. (In Russ.)

Valentinov N. (N. Vol'skii) Novaya jekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNH vo vremia NAP [New economic policy and the party crisis after Lenin's death: Years of work in the All-Union Economic School during the NEP. Memoirs]. Moscow: Sovremennik, 1991. 367 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.10

М.А. Фельдман

«ТАИНСТВЕННАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ (XVIII ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП(б) В ФОКУСЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА И ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА)

Аннотация. *Приближение войны заставило советское руководство задуматься о соотношении качественных и количественных показателей производимой продукции. Бюрократический стиль руководства в лихорадочной обстановке последних предвоенных месяцев превращался в помеху реализации принятых решений.*

В статье отмечается, что хотя предложения ряда хозяйственников и руководителей промышленных наркоматов о необходимости борьбы с «техническим консерватизмом»; о сокращении числа ведомств и инстанций, рассматривающих технические изобретения и рацпредложения; о разрешении перераспределения ресурсов между предприятиями путем прямых связей между ними – не вошли в резолюции последнего предвоенного партийного форума, однако они формировали то теоретическое научно-прикладное пространство, которое трансформировалось в практику в годы Великой Отечественной войны.

Высказана гипотеза о том, что высокая степень откровенности материалов Конференции была адресована не столько коммунистам СССР, сколько руководству фашистской Германии: это была информация – Советский Союз не готовится к войне и не собирается нападать на Германию.

Жизнь прифронтовой территории – промышленности Ленинграда в период «зимней войны» с Финляндией – позволила накопить «определенный опыт по скоростному проектированию и изготовлению новых образцов вооружений». Этот опыт был изложен на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) в выступлениях представителей ленинградской делегации. Был ли этот опыт услышан и одобрен высшим советским руководством; отражен в резолюциях конференции? Какова была позиция делегатов конференции? Соответствовал ли опыт прифронтового города усилиям по укреплению оборонно-промышленного комплекса в годы третьей пятилетки? Предлагаемая статья делает попытку дать ответы на поставленные вопросы.

Ключевые слова: *СССР; партия; доклад; делегаты; пятилетка; индустриализация; конференция; военная продукция.*

**Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук,
профессор, Уральский институт управления –
филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020**

Feldman M.A. The «Mysterious» conference (XVIII all-Union party conference of the CPSU(b) in the focus of the external political factor and the Industrial project)

Abstract. *The pre-war situation forced the Soviet leadership to think about the ratio of qualitative and quantitative indicators of manufactured products. The bureaucratic style of leadership impeded the implementation of the decisions made in the feverish atmosphere of the last pre-war months.*

The author notes that the proposals of a number of business executives and heads of industrial people's commissariats – regarding the need to combat «technical conservatism», reducing the number of departments and authorities for considering technical inventions and rationalization proposals, as well as allowing the redistribution of resources between enterprises through direct links between them – were not included in the resolution of the last pre-war party forum, however formed that theoretical scientific and applied space, that was transformed into practice during the Great Patriotic War.

The author of the article hypothesized that the high degree of frankness of the materials of the Conference was addressed not so much to the communists of the USSR as to the leadership of fascist Germany: the essence of the message was that the Soviet Union was not preparing for war and for an attack on Germany.

Life on the front-line territory during the Winter War with Finland allowed the industry of Leningrad to accumulate a certain amount of experience in high-speed design and manufacture of new types of weapons. This experience was presented at the 18th All-Union Party Conference of the CPSU(b) by representatives of the Leningrad delegation. Was this experience heard and approved by the top Soviet leadership and included in the resolutions of the conference? What was the position of the conference delegates? Was the experience of the front-line city consistent with the efforts to strengthen the military-industrial complex during the third five-year plan? The article attempts to provide answers to the proposed questions.

Keyword: *USSR; party; report; delegates; five-year plan; industrialization; conference; military products.*

**Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the presidential Academy of national economy
and public administration. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020**

XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) (далее: Конференция), проходившая с 15 по 20 февраля 1941 г. – мероприятие, явно обделенное вниманием историков. Причиной тому стало отсутствие выступления И.В. Сталина на последнем предвоенном общепартийном форуме, а также непривычно критический тон отчетного доклада Г.В. Маленкова.

Затрудняет понимание роли конференции также то, что доклад Маленкова и опубликованные выступления делегатов, фактически подводившие итог эпохе 1930-х годов в индустриальной области, не имели обобщающего характера, как это было на предшествующих XVI и XVII конференциях, а концентрировались на постановке проблемных вопросов в регионах, отраслях, на отдельных предприятиях.

Оценки Конференции в советской исторической литературе были сдержаны, лаконичны и абстрактны. Указывалось на отдельные недостатки в работе промышленности (штурмовщина, неравномерность в выпуске продукции), которые могли быть легко преодолены за счет «повышения качества хозяйственного руководства во всех звеньях управления» [История социалистической экономики 1978, с. 32]. Гарантией преодоления проблемных ситуаций должно было стать «повышение уровня партийного руководства отраслями народного хозяйства» [История советского рабочего класса 1984, с. 38], без конкретизации этого понятия.

Только на излете советской эпохи, в 1990 г., в работе С.С. Хижнякова и О.В. Хлевнюка «XVIII конференция; время, проблемы, решения» отчетливо прозвучало: угроза войны выявила малую восприимчивость сложившейся экономической системы (справлявшейся с задачами экстенсивного наращивания производства) к ускоренной модернизации, новаторству и творческой инициативе. Возможности административно-командной системы с ее жесткой централизацией и минимальной самостоятельностью предприятий, а также отчетностью по количественным показателям – не позволяли преодолеть барьер широкомасштабного выпуска качественной военной продукции [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 4, 8].

В постсоветское время указанная проблема оставалась вне поля зрения историков. Следует признать, что это только частный случай периферийного внимания исследователей к периоду третьей пятилетки. Между тем далеко не исчерпано изучение драматической истории появления Третьего пятилетнего плана [Фельдман 2007], а к исследованию отличий проекта Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942), утвержденного в марте 1939 г. XVIII съездом ВКП(б) (240 с.), и опубликованного в сентябре 1939 г., Третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942) (387 с.) историки и не приступали.

Круг вопросов, неизученных исторической наукой – роль XVIII Всесоюзной партийной конференции в укреплении оборонного потенциала СССР,

характер обсуждения актуальных проблем и поведение Сталина на Конференции, оценка выводов (резолюций) Конференции, реализация решений Конференции в последние предвоенные месяцы – обусловили постановку цели данной статьи.

Начало Второй мировой войны, без сомнения, определяло специфику проведения Конференции. Концентрация фашистских дивизий на западных, а Квантунской армии на восточных границах СССР заставляла советское руководство максимально использовать возможности укрепления оборонного потенциала.

Не случайно, решение о созыве XVIII Всесоюзной партийной конференции принял засекреченный Пленум ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. Главным вопросом Пленума стали «Уроки войны с Финляндией» [Путеводитель 2008]. Признание на Пленуме ЦК наркома обороны СССР К.В. Ворошилова о *неготовности Красной армии к «зимней войне»* [Из доклада 2000] свидетельствовало о многом: пропагандистские мифы о вооруженных силах «страны социализма» не подтвердились в ходе советско-финской войны и подлежали пересмотру.

Пересмотру подлежали и подходы к реализации плана Третьей пятилетки и Особого народно-хозяйственного плана на 1940 г. в силу очевидной неэффективности прежних методов управления и подходов. Так, высшее руководство страны не мог не тревожить замедленный характер «сдвига промышленности на Восток». Несмотря на все призывы и ряд постановлений ЦК и СНК, доля восточных районов СССР (включая Закавказье) за предвоенные годы практически не изменилась: 21,7% общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22% в 1940 г. Если в 1938–1940 гг. доля Урала выросла с 6,3 до 6,7% общесоюзного промышленного производства, то в эти же годы произошло, пусть и незначительное, *сокращение* удельного веса Сибири (с 4,2 до 4,1%), Закавказья (с 3,8 до 3,4%), Средней Азии и Казахстана (с 3,5 до 3,4%), Поволжья (с 2,9 до 2,8%). Существенная неравномерность распространения индустрии по территории страны сохранялась. Об этом говорит, например, сопоставление удельного веса промышленного производства Сибири (4,1%), Средней Азии и Казахстана (3,4%), Дальнего Востока (1,5%), а также города Ленинграда (10,2%) в 1940 г. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 131–132].

К июню 1941 г. в Московской и Ленинградской областях располагалось до половины предприятий союзной военной промышленности, традиционно обладавших передовыми технологиями [Симонов 1996, с. 98]. Следствием такой ситуации, оборотной стороной концентрации капиталовложений, усиления кадров ведущих ученых, конструкторов, опытных инженеров и массива квалифицированных рабочих в двух столицах, стало замедление освоения новейших видов вооружений в провинции: например, срыв задания руковод-

ства партии и правительства (принятого летом 1940 г.), нацеленного на серийное производство танков КВ на Челябинском тракторном заводе [Самуэльсон 2010, с. 177, 190].

Степень милитаризации промышленности столиц не имела равных среди регионов СССР. Например, в Ленинграде в 1940 г. предприятия оборонного комплекса произвели 75% промышленного производства «северной столицы» [Данилов 2003, с. 40]. Этот показатель более чем в 4 раза превышает общесоюзный – 18,7%. Естественно, концентрация военных заводов в столицах обусловила и повышенные требования к подготовке рабочих и инженерных кадров, а также к характеристикам выпускаемой продукции.

Тревогу вызывали низкое качество выпускаемой военной продукции в целом по стране. Все попытки наведения порядка на производстве в предвоенный период были связаны со стремлением упорядочения технологической дисциплины. В наиболее «чистом виде» это происходило в авиационной промышленности, где проведенное советскими конструкторами и руководителями отрасли детальное сравнение с германскими аналогичными предприятиями привело к осознанию Сталиным и его окружением глубины отставания по всему спектру конструирования и производственных работ. Однако самих советских специалистов более всего поразили уровень технического контроля, включавшего рентгеноскопию даже небольших деталей, и масштаб *межзаводской кооперации* в авиапромышленности Германии [Мухин 2006, с. 291–299].

Еще сложнее обстояло дело в танковой промышленности: управленцы и конструкторы танков объективно видели, что новые образцы бронетехники, принятые на вооружение, не могут производиться в запланированных количествах, «поскольку танкосборочные заводы не были обеспечены необходимым набором комплектующих, а новые модели танков и двигателей не приспособлены к серийному производству» [Мельников 2017, с. 62, 65].

Бюрократический стиль руководства в лихорадочной – и даже авральной обстановке последних предвоенных месяцев превращался в помеху реализации принятых решений. Так, в справке комиссии Г.М. Маленкова на имя Сталина (23 января 1940 г.) бюрократический стиль руководства Наркомата авиапромышленности в 1938–1939 гг., базирующийся на «внешних эффектах и количественных показателях», назывался недопустимым, «основанным на штурмовщине и погоне за количеством в ущерб качеству» [Соколов 2012, с. 456, 457, 459].

Понадобилось десятилетие для того, чтобы советское руководство задумалось о соотношении качественных и количественных показателей. Еще в феврале 1932 г., на XVII Всесоюзной партийной конференции, такой вывод дорого стоил Рудзутаку [Фельдман, 2020b, с. 81]. Но это же десятилетие стало временем постоянных магических заклинаний о необходимости «подлин-

ного внедрения хозрасчета», «усиления внимания партийных организаций к хозяйственным проблемам». Главным инструментом называлось «укрепление трудовой дисциплины». Управленческая система в 1930-е годы была готова скорее к формальным переменам, чем к изменениям по существу.

В такой ситуации проведение XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) диктовалось не столько уставными нормами и традициями − Сталину не составило труда не проводить подобный форум во второй пятилетке − сколько осознанием критичности ситуации: февраль 1941 г. СССР встречал без союзников, окруженный армиями агрессоров.

В работе Конференции участвовали 456 делегатов с решающим и 138 с совещательным голосом, которые представляли 3 876 885 членов и кандидатов в члены партии.

Подавляющее большинство делегатов Конференции было представлено партийными функционерами: 151 − секретарь республиканских ЦК, обкомов и крайкомов ВКП(б); 83 − секретаря горкомов областных городов и 102 секретаря городов необластного значения [РГА СПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18. Л. 26]. Присутствовали также представители руководства армии, НКВД, хозяйственного аппарата, директорского корпуса.

В справках и докладных записках, поступивших в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б), содержится информация, позволяющая судить о материальном обеспечении делегатов Конференции в период 15–20 февраля 1941 г. Для делегатов были забронированы 428 номеров на 543 места в лучшей гостинице довоенного СССР («Москва»). Расходы на ежедневное питание составляли 75 руб., при этом предлагались на выбор завтрак и ужин из десяти наименований. Разнообразное меню включало икру, белорыбицу. Была запланирована продажа товаров широкого потребления из расчета 2–2,5 тыс. руб. на каждого делегата. Культурная программа включала бесплатные билеты на постановки Большого театра и МХАТа. Общая же сумма расходов на одного делегата Конференции составила 4 тыс. руб. [РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18. Л. 39–43; Д. 22. Л. 87–98].

С учетом того, что среднемесячная зарплата рабочего крупной промышленности СССР в 1940 г. составляла 340 руб. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 8123. Л. 56] семидневное пребывание делегата в Москве стоило столько же, сколько среднестатистический рабочий получал за год. Столь значительные траты имели вполне определенную цель: делегаты не должны были задавать «ненужные вопросы». Так складывалась норма обеспечения быта советской номенклатуры.

Доклад секретаря ВКП(б) ЦК Г.М. Маленкова «О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» (далее: Доклад), прозвучавший 15 февраля 1941 г., был напечатан в газете «Правда» за 18 февраля, заняв семь первых страниц [Маленков 1941а]; а вскоре был опубликован и

отдельной брошюрой [Маленков 1941b]. Ранее такое случалось только с выступлениями Сталина. Но Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не выступал с докладами, ни на одной конференции после победы на апрельском Пленуме ЦК в апреле 1929 г. Было очевидно, что Маленков, не являющийся на тот момент ни членом, ни кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), озвучил сталинскую точку зрения. Это был не первый случай, когда Сталин передоверял соратникам излагать позицию партии в сложнейших экономических условиях.

Выбор Маленкова в качестве основного докладчика был не случаен. Для Сталина авиапромышленность была главной отраслью военно-промышленного комплекса. На строительство военно-воздушных сил шло от 25 до 45% средств военного бюджета страны. С ноября 1939 г. по директиве из центра в аппаратах региональных парторганов стали создаваться авиапромышленные отделы. В 1940 г. авиационная промышленность была фактически переведена на условия работы, приближенные к военным. С июля 1940 г. руководители территориальных комитетов партии и исполкомов были обязаны лично контролировать ход выполнения заказов для авиазаводов и оказывать им всемерную поддержку в реализации производственных программ. Директорам предприятий отрасли разрешалось применение сверхурочных работ до 3,5 часов в день на работника, а в случае необходимости и осуществление работ в выходные дни [История отечественной авиапромышленности 2011, с. 172, 173].

Маленков как руководитель партийно-правительственной комиссии, изучившей работу Наркомата авиационной промышленности СССР, на долгие годы стал для Сталина специалистом в этой области.

В докладе в весьма критической форме фиксировался ряд недостатков в работе промышленности и транспорта: невыполнение планов рядом наркоматов, несвоевременный ввод в действие новых производственных мощностей, значительный перерасход сырья и материалов, большой объем брака; завышенная себестоимость продукции, несоблюдение правил технической эксплуатации оборудования, приводящее к частым авариям.

Но следует заметить и то, что во-первых, в Докладе указывалось на недостатки в ряде отраслей, предприятий; вопрос об эффективности работы всей промышленности, впрочем, не рассматривался. Во-вторых, главная проблема − низкое качество выпускаемой продукции − была заретуширована примерами брака у «некоторых производителей».

В-третьих, Маленков даже не упомянул о том, что действительно волновало директорский корпус и незадолго до конференции попало на страницы главного печатного органа партии − газеты «Правда». Речь идет о критике сложившегося порядка управления промышленностью и призыве к ограниче-

нию расширения прав директоров предприятий [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 22–23].

Доклад был адресован не прямым исполнителям (хозяйственникам), а партийным организациям, перед которыми ставилась задача не только контроля, но фактически дублирования управленческих функций производственников. Неэффективность *контроля неспециалистов над специалистами* не раз проявлялась в предвоенный период, явно противореча призывам к укреплению власти директорского корпуса («единоначалию»).

Сконцентрировав внимание на важных, но все-таки вторичных факторах (неравномерности выпуска продукции, невыполнения планов по количественным показателям, захламленности на многих предприятиях и т.п.), Маленков только упомянул проблему бюрократического стиля управления промышленностью и транспортом «в ряде наркоматов». Секретарь ЦК не оставил сомнений в том, что понимается под бюрократическим стилем − отсутствие «повседневного контроля за работой каждого отдельного предприятия» и «повседневной проверки выполнения своих решений» [Маленков 1941а, с.1]. «Увеличение количества секретарей горкомов и обкомов партии, ведающих промышленностью и транспортом» должно было позволить избавиться от бюрократического стиля управления, а превращение партийных органов в еще один контрольно-надзорный институт магическим способом решить перечисленные выше проблемы.

У каждого времени свой язык, но в феврале 1941 г. лапидарное предложение − «партийные организации обязаны систематически влезать в дела промышленных предприятий и железных дорог» [Маленков 1941а, с. 2] − уже казалось лозунгом из времен Первой пятилетки.

Ярким примером непонимания реалий управленческой системы в экономике стала критика Маленковым медленного прохождения плановых документов в Наркомате морского флота [Маленков 1941а, с. 1]. Между тем планирование в советских наркоматах, точно так же как и планирование в правительстве, представляло собой постоянную череду конфликтов и согласований между основными участниками и затягивалось именно потому, что год от года возрастала степень детализации плановых показателей. Как следствие в 1930-е годы общие наркоматовские планы в процессе выполнения постоянно корректировались, оставляя наркоматам широкие возможности для маневрирования при выполнении заданий [Маркевич 2003, с. 27, 30, 41].

Более рациональным выглядел призыв Маленкова к «изучению партийными работниками экономики предприятий» [Маленков 1941а, с. 2], но и он из-за в отсутствия конкретных механизмов реализации носил рекомендательный характер.

Там, где представители директоров (в рамках установленных лимитов) просили разрешить руководителям предприятий расходовать по своему ус-

мотрению средства (из сверхплановых накоплений!) на переоборудование завода, а в пределах фонда заработной платы – самостоятельно определять контингент работающих и их оплату [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 22], Маленков видел только нарушение «финансовой дисциплины» и «разбазаривание государственного имущества» [Маленков 1941а, с. 3].

Требуя безоговорочного запрещения продажи предприятиями оборудования и материалов [Маленков 1941а, с. 3], докладчик ссылался на Указ Президиума Совета СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» [Маленков 1941а, с. 4].

Однако никакой Указ не мог устранить факт существования двух параллельных миров советской жизни в посленэповской реальности. Примерно с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой» [Мерль 2017, с. 314), сохраняя широчайшее пространство для осуществления неформальной рыночной экономики. Внедрение сверху, принудительно, командной экономики уродовало рынок, но не могло истребить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы [Осокина 2008, с. 13].

В советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов всех видов между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения [Хлевнюк 2017, с. 75].

В результате громкое заявление Маленкова о наличии «излишков» материальных ценностей (т.е. превышавших установленные нормы хранения) на предприятиях 12 промышленных наркоматов на 2,61 млрд руб. [Маленков 1941а, с. 3], являлось только отражением нерациональности и неадекватности экономической системы: запрету подвергалось то, без чего не могли работать советские заводы и фабрики – использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», а часть товаров получали «в обмен». Поскольку излишки появлялись там, где, начиная с 1930-х годов, не работал официальный рынок снабжения и обмена, использование «черного» рынка превратилось в повседневную практику.

Как видно, мифологизмы (например, о господстве «социалистического централизованного распределения») могли превращаться в нормативно-правовые акты, но они формировали только оболочку реальных экономических процессов.

Рассуждая о популярном в последний предвоенный год призыве к «соблюдению ежедневного графика выполнения предприятием производственной программы» [Маленков 1941а, с. 4], Маленков ничего не сказал о системах ор-

ганизации труда и заработной платы, технического обучения кадров, без чего ритмичность производства не могла осуществляться в принципе.

Масштабность выпуска брака, в интерпретации Маленкова, могла быть преодолена с введением «своевременного и оперативного контроля, предупреждающего возможность возникновения брака» [Маленков 1941а, с. 4]. Поразительно, но о роли ученых, инженеров, рабочих в этом процессе соратник Сталина не сказал ни слова: технократические нотки в Докладе были направлены только для усиления административных методов управления, нацеленных на максимальную степень эксплуатации работников «социалистических» предприятий.

С одобрением докладчик отозвался и о реализации одного из самых жестоких законов сталинского времени − Указа 26 июня 1940 г. [Маленков 1941а, с. 5]. Как известно, по Указу от 26 июня 1940 г., до начала войны, т.е. всего за год, были осуждены более 3 млн человек, из которых 480 тыс. – попали в тюрьму [Хлевнюк 2015, с. 256]. Показателен пример Челябинского тракторного завода, где во второй половине 1940 г. к судебной ответственности были привлечены 17,7% рабочих-тракторостроителей [РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 352. Л. 121]. Вина более половины из них заключалась в опоздании на 20 и более минут. В условиях призыва в Красную армию с осени 1939 г. 3 млн мужчин; дефицита квалифицированных кадров − для директорского корпуса было очевидно, что возможности внеэкономического принуждения в мирное время весьма ограничены.

Обсуждение Доклада Маленкова открывалось выступлением секретаря Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецова 17 февраля 1941 г. [Кузнецов 1941, с. 2]. Выступление молодого функционера из «северной столицы» получило одобрение Сталина.

Ритуально заявив о поддержке основных тезисов Доклада Маленкова, Кузнецов обратился к анализу изменения управленческих действий в ходе войны с Финляндией в ноябре 1939 – марте 1940 г. Жизнь прифронтовой территории, функционирование промышленности Ленинграда в период «зимней войны» с Финляндией позволили накопить «определенный опыт по скоростному проектированию и изготовлению новых образцов вооружений». Суть опыта скоростного проектирования, по мысли Кузнецова, основывалась на «повышении инициативы самих предприятий в создании новой техники, организации проектирования методом параллельной работы конструктора, технолога, мастера, стахановца… при резком сокращении времени на всевозможные увязки и согласование, на которые уходят долгие месяцы». Такая практика позволила в 1940 г. в Ленинграде освоить 235 новых образцов продукции. Тезис о расширении прав предприятий подвел секретаря горкома к вопросу о целесообразности существования главков, «которые без наркоматов ничего не решают».

В феврале 1941 г. Кузнецов не мог предвидеть, что озвученный им опыт параллельного ведения научных, конструкторских и производственных работ в промышленности войдет в практику Великой Отечественной войны. Не мог он понимать и то, что «резкое сокращение времени на всевозможные увязки и согласование» – есть не что иное, как ограничение полноправной власти наркоматов и главков над предприятиями. Но простое изложение управленческой практики «малой войны» объективно вступало в противоречие с методами командно-административной системы.

Оттолкнувшись от конкретной технологической проблемы – скоростного проектирования, Кузнецов акцентировал внимание на повышении творческой инициативы директорского корпуса, инженеров, ученых и рабочих промышленных предприятий.

Кузнецов оказался на Конференции *единственным* партийным руководителем, кто в отчет о работе промышленности (Ленинграда за 1939–1940 гг.) ввел качественные показатели: динамика роста прибыли, рентабельность и производительность труда. Он говорил также о роли промышленных рабочих в реализации пятилетнего плана, выделив значение повышения квалификации рабочих кадров.

Определенным вызовом Докладу Маленкова, стало утверждение о том, что о реализации Указа 26 июня 1940 г. нужно судить не только по статистике количества прогулов и опозданий, но и по созданию соответствующих условий труда. Причина и следствие менялись местами: «безответственность» и «разгильдяйство» рабочих определялись, прежде всего, низким уровнем организации производства. Еще одним вызовом стало утверждение Кузнецова о том, что «если методы партийного руководства промышленностью не изменятся», введение должностей секретарей обкомов и горкомов по отраслям промышленности «особых успехов не принесет».

В крайне напряженной обстановке последних предвоенных месяцев мысли Кузнецова были услышаны высшим руководством страны: опыт финской кампании дорого стоил. Опровержения предложений Кузнецова не последовало.

Но резолюции конференции по Докладу Маленкова, опубликованные в «Правде» 19 февраля, лишь повторяли положения секретаря ЦК. Формально осудив бюрократический стиль управления промышленностью, сталинская система не торопилась использовать опыт ленинградцев [Резолюция 1941].

Только с началом войны (т.е. спустя полгода), 1 июля 1941 г., было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Наркомы получили полномочия перераспределять материальные ресурсы, а также капитальные вложения (в определенных размерах) между подчиненными им предприятиями и стройками. В свою очередь, в условиях военного времени, директора предприятий и на-

чальники строек могли свободнее распоряжаться своими фондами, например выдавать контрагентам необходимые материалы для выполнения своих заказов [Хлевнюк 2018, с. 62].

1940-е годы стали временем как карьерного роста Кузнецова, назначенного секретарем ЦК и начальником Управления кадров ЦК ВКП(б), так и последовавшего его ареста в 1949 г. Но зерна скрытого конфликта с Маленковым были посеяны в феврале 1941 г.: за несходством отдельных позиций у двух партийных функционеров стояло куда большее − как готовность к модернизации существующей системы управления, так и категорическое неприятие перемен. Использовав организаторские способности и знания Кузнецова, Вознесенского и их соратников в годы войны и в первые послевоенные годы, Сталин в 1949 г. именно Маленкову поручил «раскручивать» сфабрикованное «ленинградское дело».

Вне обсуждения на Конференции оказались предложения четырех директоров ленинградских заводов (опубликованные 10 сентября 1940 г. в «Правде»), изложенные в речи директора Кировского завода И.М. Зальцмана: сокращение отчетности предприятия до трех основных показателей – выполнение плана, себестоимость продукции, фонд заработной платы. По мысли директора Кировского завода, «скоростное проектирование являлось единственным путем внедрения новой техники», а самостоятельность крупных предприятий должна была подкрепляться наличием собственных конструкторских бюро. Прозвучало и предложение о разрешении межзаводской кооперации, с регламентацией не только прав, но и обязанностей директоров предприятий [Зальцман 1941 с. 2].

О вреде мелочной регламентации и опеки сверху говорил недавний председатель Ленинградского горисполкома, заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин [Косыгин 1941, с. 4–5].

Судя по наличию общих содержательных фрагментов выступления Косыгина и Зальцмана, были согласованы с Кузнецовым − руководителем ленинградской делегации на Конференции.

Следует заметить, что выступления ленинградцев − представителей ведущего машиностроительного центра страны, заметно выделялись на фоне выступлений остальных делегатов Конференции, большинство из которых, ориентируясь на Доклад Маленкова, в дежурном порядке приводили несколько примеров бесхозяйственности и рапортовали об уже принятых мерах. Показательным в этом плане можно считать выступление первого секретаря Харьковского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Епишева [Епишев 1941, с. 2]. Следует оговориться: как сообщалось в каждом номере газеты «Правда», речи делегатов печатались *по сокращенной стенограмме.* Так, важная информация, прозвучавшая в речи первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова о том, что за 1936–1939 гг. число выданных патентов промышленного

характера составило в США − 50 тыс., в Германии − 16,5 тыс., а в СССР только 4 тыс. [Михайлов 1941, с. 3], осталась без малейших комментариев со стороны руководства партии: ключевой момент научно-технического соперничества индустриальных государств показался несвоевременным и излишне откровенным.

В начале 1930-х годов [Первая Всесоюзная конференция 1931, с. 149–150], в середине десятилетия [Фельдман 2011] расхождения во взглядах руководителей предприятий и представителей партийно-государственного аппарата были нередким явлением. Несмотря на устрашающие репрессии 1937–1938 гг., Конференция демонстрировала последовательность различных подходов к развитию экономики в годы первых пятилеток.

Доклад еще одного недавнего ленинградца, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г.», прозвучавший 18 февраля 1941 г. внешне не отличался от Доклада Маленкова: те же слова о «планомерности развития народного хозяйства СССР, о неуклонном росте производства во всех отраслях народного хозяйства» [Вознесенский 1979, с. 412].

Однако в рассматриваемый период о многом могли говорить детали. Вознесенский старался говорить обо всей промышленности, и невыполнение заданий третьего пятилетнего плана в докладе председателя Госплана СССР касалось всех отраслей индустрии [Вознесенский 1979, с. 414]. Так, например, сопоставление приведенных в докладе показателей − 70 тыс. металлорежущих станков, не работавших в день переписи металлообрабатывающего оборудования (1 ноября 1940 г.), и 46 тыс. вообще не установленных станков − с данными статистики (парк оборудования металлорежущих станков в СССР на 1 января 1941 г. составлял 551 874 тыс. единиц [Овсянников 2015, с. 415]), позволяло судить о масштабе бесхозяйственности.

Однако и Вознесенский, указание на масштаб выпуска бракованной продукции в 1940 г. (2 млрд руб.) локализовал предприятиями черной металлургии и машиностроения [Вознесенский 1979, с. 424]. Судя по справке, составленной для высшего руководства СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана (начало работы над документом датируется 5 апреля 1941 г.), потери от брака за 1938–1940 гг. в промышленности составили 5,9 млрд руб., из них 4 млрд руб. – в машиностроении, включая оборонное производство. Так, например, 10% выплавленного в СССР чугуна ушло в брак [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35]. Как видно из приведенных статистических показателей, масштаб выпуска бракованной продукции оставался высоким все предвоенные годы.

Важное место в Докладе Вознесенского заняла проблема автоматизации технологических процессов [Вознесенский 1979, с. 421–423], что соответствовало задачам второй промышленной революции. Успех дальнейшего раз-

вития промышленности Вознесенский связал с «систематическим пополнением рабочего класса новыми квалифицированными кадрами» [Вознесенский 1979, с. 438–439]. Можно только сожалеть, что председатель Госплана СССР сделал акцент на кратковременных формах подготовки новых рабочих (в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения) и не остановился на формах повышения квалификации рабочих. Но это не было случайностью: по постановлению Экономсовета СНК СССР от 3 февраля 1940 г. было принято решение о сокращении расходов на подготовку и переподготовку кадров на 1,2 млрд руб. [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 554. Л. 129–130].

Вознесенский в качестве одной из важнейших целей назвал недопущение диспропорций в народном хозяйстве [Вознесенский 1979, с. 417]. Применительно к плану 1941 г. это формулировалось следующим образом: «дать более высокие темпы роста металлургии и машиностроения» [Вознесенский 1979, с. 417, 418]. Столь обтекаемая формула означала, что советское руководство не афишировало усиленное развитие оборонно-промышленного комплекса.

Проблема сближения развития регионов СССР, широко представленная в довоенных пятилетних планах, на сей раз отсутствовала. Уделегатов не вызвали вопросов особенности структуры распределения капитальных вложений по регионам на 1941 г. Так, рост капиталовложений в сравнении с 1940 г. на Урале и в Западной Сибири должен был составить 58%, а в приграничном Северо-Западе − 147 (!); по РСФСР в целом − на 50, а по соседней с оккупированными Германией странами Украинской СССР − на 76% [Вознесенский 1979, с. 434]. Задавать подобные вопросы уже было не принято.

Таким образом, государственные директивы о преимущественном развитии восточных районов СССР практически не выполнялись. Если в годы третьей пятилетки в народное хозяйство Урала (Уральского экономического района) планировалось вложить 9,1% общесоюзных капиталовложений [Третий пятилетний план 1939, с. 207], то в реальности, за три с половиной года третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 г.), удельный вес капиталовложений в экономику Урала составил не более 7,5% [История народного хозяйства 1988, с. 240].

В определенной степени это объяснялось тем, что сверхцентрализация управления экономикой оборачивалась своей противоположностью: наркоматы стремились к выполнению более простых заданий [Маркевич 2003, с. 25], с меньшим риском наказаний за невыполнение планов.

Итак, курсу на усиление и ужесточение административных рычагов противостояла заведомо более слабая линия на легализацию практики самостоятельного решения предприятиями производственных проблем.

Можно в принципе согласиться с тем мнением, что логика резолюций Конференции исходила из того, что если административные меры не сраба-

тывают, то их надо применять еще более энергично [Хижняков, Хлевнюк 1990, с. 67]. Но очевидно и другое: предложения ряда хозяйственников и руководителей промышленных наркоматов о необходимости борьбы с «техническим консерватизмом», о сокращении числа ведомств и инстанций, рассматривающих технические изобретения и рацпредложения, о разрешении перераспределения ресурсов между предприятиями путем прямых связей между ними не вошли в резолюции последнего предвоенного партийного форума. Однако они формировали то теоретическое научно-прикладное пространство, которое стало нередкой практикой в годы Великой Отечественной войны. Юридически это положение было оформленно Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени».

Выскажу предположение о том, что высокая степень откровенности (по меркам 1930-х годов) материалов Конференции была адресована не только (и возможно, не столько) коммунистам СССР, сколько руководству фашистской Германии: это была информация − Советский Союз не готовится к войне и не собирается нападать на Германию. Но в этом случае подобные сведения только укрепили Гитлера в приверженности плану Барбаросса.

Делегаты Конференции услышали весьма приблизительное освещение итогов социально-экономического развития СССР в 1938–1940 гг., однако главная мысль Доклада Маленкова − необходимость укрепления трудовой и технологической дисциплины − была понятна. Историческая и мемуарная литература фиксирует определенные шаги в этом направлении в последние предвоенные месяцы. Были повышены требования к точности и строгому выполнению норм технологического процесса и чертежей. Началось массовое применение на заводах современных контрольно-измерительных приборов, расширено число таких приборов, были сделаны первые шаги по автоматизации станков. Фактически в первом полугодии 1941 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к боевым [Шахурин 1984, с. 81–84]. Возрастающая опасность войны заставила советское руководство более жестко предъявлять требования к качеству выпускаемой оборонной продукции [Мельников 2017, с. 61, 64)].

На примере авиационной промышленности видно, что определенное расширение прав (и в намного большей степени – ответственности!) руководства Наркомата [Шахурин 1984, с. 79–89] позволяло оперативно решать вопросы перемещения персонала и оплаты труда. По наблюдению историка авиации М.Ю. Мухина, чем ближе к Востоку страны находился авиазавод, тем активнее наркомат мог регулировать вопросы закрепления кадров [Мухин 2006, с. 239, 241]. В этом смысле указанные изменения в авиационной промышленности оказались модельными для всего оборонно-промышленного комплекса.

Подобное, весьма ограниченное, расширение прав наркоматов на основании директив высших органов власти было попыткой регулирования децентрализации. Характерный для 1939 – июня 1941 г. высокий уровень стабильности в руководстве наркоматов обеспечивал относительную безопасность директорам предприятий. Хотя в целом кадровая ротация на уровне предприятий была заметной, в том числе в связи с невыполнением производственных планов, она не имела характера масштабных чисток. Директорский корпус в промышленности, представленный, как правило, молодыми выдвиженцами, получил в рамках правительственного задания, определенную самостоятельность [Богуненко 2005, с. 52–57].

Бюрократический стиль руководства наркоматов в лихорадочной, и даже авральной, обстановке последних предвоенных месяцев мешал реализации принятых решений. Однако, как показывают современные исследования, штурмовщиной и непоследовательностью отличались действия и высшего советского руководства в 1940 – июне 1941 г. [Соколов 2012, с. 459, 505, 506].

Содержание резолюций XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) наглядно иллюстрирует приведенное выше положение: возможность использования ленинградского опыта «зимней кампании» была упущена. В то же время курс на расширение штата партийных функционеров, ответственных за определенные сферы и участки промышленности и транспорта, был одобрен. В русле этой тенденции стало и назначение Сталина председателем СНК СССР в мае 1941 г.

Категорический запрет практики продажи (обмена) излишков оборудования и материалов, трактуемый как «расхищение социалистической собственности» только затруднял не только межзаводскую кооперацию, но и, в целом, реализацию планов укрепления обороноспособности Советского государства.

Обоснованно подняв проблему качества промышленной продукции, резолюции Конференции, совокупностью предлагаемых мер наказания и поощрения, делали преимущественную ставку на приоритет количественных показателей. Кроме того, использование опыта самой передовой отрасли промышленности СССР − авиастроения − означало и регулярность сверхурочных работ, в том числе в выходные дни. В силу этого при переходе на изготовление новой продукции предприятия столкнулись с серьезными трудностями, порожденными дефицитом времени, отпущенного на переналадку производства, нехваткой передового оборудования и высококвалифицированных специалистов, а также недостаточно хорошей организацией труда. Несоблюдение технологических регламентов и требований, запрет на самостоятельную межзаводскую кооперацию обернулись массовым производственным браком. Как и прежде, экстенсивные методы развития превалировали

над интенсивными, что повлекло нерациональное и малопродуктивное расходование сил и средств отраслей оборонного комплекса [История отечественной авиапромышленности 2011, с. 177].

Подводя итоги, можно заметить, что XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) дала импульс ряду довольно противоречивых векторов: курсу на укрепление трудовой и технологической дисциплины, но в рамках приоритета количественных факторов. Ограниченная децентрализация управления в промышленности, но при усилении партийного контроля и дальнейшей концентрации власти в руках Сталина. Осознание роли технических знаний − при полной зависимости ученых и специалистов от государства.

Совокупность указанных векторов оказывала влияние на рост экономического потенциала СССР в первом полугодии 1941 г. Фиксируя позитивные изменения в способности СССР к отражению фашистской агрессии, следует отметить и немалый круг упущенных возможностей.

Прозвучавшие предложения делегатов партийного форума о роли механизации и автоматизации производственных процессов, о расширении межзаводской кооперации и самостоятельности предприятий в решении поставленных задач, о распространении опыта параллельного ведения научных, конструкторских и производственных работ в промышленности − оказались вне резолюций Конференции. Однако произнесенные мысли способны к существованию и вне канцелярских рамок. Опыт Великой Отечественной войны доказал это.

Библиография

Богуненко Н.Н. Музруков. М.: Молодая гвардия, 2005. 399 с.

Вознесенский Н.А. Хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г. // Избр. произв. 1931–1947. М.: Политиздат. 1979. С. 412–441.

Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 – декабрь 1943 гг.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–49.

Епишев А.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 18 февраля. С. 2.

Зальцман П.М. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 20 февраля. С. 2.

Из доклада народного комиссара обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова на мартовском (1940) пленуме ЦК ВКП(б) об уроках войны с Финляндией. Март 1940 г. // Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 426–448.

История народного хозяйства Урала: в 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1: 1917–1945. 251 с.

История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910–2010 гг. / под общ. ред. Д.А. Соболева. М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2011. 432 с.

История советского рабочего класса: В 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. 591 с.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука. 1978. Т. 5. 505 с.

Косыгин А.Н. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 23 февраля. С. 4–5.

Кузнецов А.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 18 февраля. С. 2.

Маленков Г.В. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта: Доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) 15 февр. 1941 года // Правда. 1941a. 18 февраля. С. 1–7.

Маленков Г.В. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта: Доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) 15 февр. 1941 года. М.: Госполитиздат, 1941b. 39 с.

Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. С. 20–54.

Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М.: РОССПЭН, 2017. С. 303–349.

Михайлов Н.А. Выступление на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 22 февраля 1941. С. 3.

Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.

Овсянников В.А. Оценка величины станочного парка СССР к началу Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 414–417.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, 2008. 377 с.

Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцэкгиз, 1931. 251 с.

Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. Вып. 4. 463 с.

РГАСПИ (Российский государственный архив политической истории). Ф. 476. Оп. 1. Д. 18.

РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 18.

РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 554.

РГАЭ. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 352.

Резолюция XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта // Правда. 1941. 19 февраля. С. 1.

Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 373 с.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность, 1917 − июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М.: Госпланиздат, 1939. 381 с.

Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): Мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020a. № 1. С. 139–163.

Фельдман М.А. Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020b. Т. 27. № 1. С. 78–84.

Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 30-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обозрение. М.: Изд-во МГУ, 2011. Вып. 15. С. 86–95.

Фельдман М.А. Третий пятилетний план и проблема территориального размещения промышленности и рабочих СССР к 1941 г. // Экономическая история. Обозрение. 2007. Вып. 13. С. 180–184.

Хижняков С.С., Хлевнюк О.В. XVIII партконференция: время, проблемы, решения. М.: Политиздат, 1990. 112 с.

Хлевнюк О.В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2018. № 4. С. 59–72.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 462 с.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3. С. 75.

Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Шахурин А.И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1984. 240 с.

References

Bogunenko N.N. Muzrukov. Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. 399 p. (In Russ.)

Danilov P.P. Promyshlennost' Leningrada v gody blokady (sentyabr' 1941 – dekabr' 1943 gg.). Otechestvennaya istoriya [Industry of Leningrad during the siege (September 1941 – December 1943). National history]. 2003. N 3. P. 40–49. (In Russ.)

Epishev A.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 18. P. 2. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Dve tendencii gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v seredine 30-h gg. ili pyat' dnej iz zhizni G.K. Ordzhonikidze. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Two trends in state economic policy in the mid-30s. or five days in the life of G.K. Ordzhonikidze. Economic history. Review]. Moscow: MSU Publishing House, 2011. Iss. 15. P. 86–95. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Otlozhennoe osmyslenie. XVI s"ezd VKP(b): mifologicheskoe i real'noe spustya 90 let. Rossiya i sovremennyj mir [Delayed comprehension. XVI with rides of the ACP(b): mythological and real after 90 years. Russia and the contemporary world]. 2020a. N 1. P. 139–163. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Tretij pyatiletnij plan i problema territorial'nogo razmeshcheniya promyshlennosti i rabochih SSSR k 1941 g. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [The third five-year plan and the problem of the territorial distribution of industry and workers of the USSR by 1941. Economic history. Review]. Moscow: MSU Publishing House, 2007. Iss. 13. P. 180–184. (In Russ.)

Fel'dman M.A. Trudnaya popytka osmysleniya (novyj vzglyad na sobytiya XVII konferencii Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj partii (b). Gumanitarnye nauki v Sibiri [A difficult attempt at comprehension (a new look at the events of the XVII conference of the All-Union Communist Party (b). Humanities in Siberia]. 2020b. Vol. 27. N 1. P. 78–84. (In Russ.)

Istoriya narodnogo hozyajstva Urala [History of the national economy of the Urals]: 2 vol. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1988. Vol. 1: 1917–1945. 251 p. (In Russ.)

Istoriya otechestvennoj aviapromyshlennosti. Serijnoe samoletostroenie, 1910–2010 gg. [History of the domestic aircraft industry. Serial aircraft construction, 1910–2010]. Edited by D.A. Sobolev. Moscow: Russian Aviation Society (RUSAVIA), 2011. 432 p. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoj ekonomiki SSSR [History of the socialist economy of the USSR]: 7 vol. Moscow: Nauka, 1978. Vol. 5. 505 p. (In Russ.)

Istoriya sovetskogo rabochego klassa [History of the Soviet working class]: 6 vol. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 3. Rabochij klass SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War]. 1938–1945. 591 p. (In Russ.)

Iz doklada narodnogo komissara oborony marshala Sovetskogo Soyuza K.E. Voroshilova na martovskom (1940) plenume CK VKP(b) ob urokah vojny s Finlyandiej. Mart 1940 g. Tajny i uroki zimnej vojny [From the report of the People's Commissar of Defense Marshal of the Soviet Union K.E. Voroshilov at the March (1940) plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks about the lessons of the war with Finland. March 1940. Secrets and Lessons of the Winter War]. 1939–1940. Saint Petersburg: OOO «Izdatel'stvo Poligon», 2000. P. 426–448. (In Russ.)

Khizhnyakov S.S., Hlevnyuk O.V. XVIII partkonferenciya: vremya, problemy, resheniya [XVIII party conference: time, problems, solutions]. Moscow: Politizdat, 1990. 112 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Khozyain: Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Host: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN. 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Sovetskie narkomaty i decentralizaciya upravleniya ekonomikoj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Rossijskaya istoriya [Soviet People's Commissariats and Decentralization of Economic Management during the Great Patriotic War. Russian history]. 2018. Vol 4. P. 59–72. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya [Stalin. The life of one leader]. Moscow: AST, 2015. 462 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennye problem. Ural'skij istoricheskij vestnik [Stalin's period of Soviet history. Historical trends and unresolved issues. Ural Historical Bulletin]. 2017. N 3. P. 75. (In Russ.)

Kosygin A.N. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 23. P. 4–5. (in Russ.)

Kuznecov A.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 18. P. 2. (In Russ.)

Malenkov G.V. O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promysh-lennosti i transporta: Doklad na XVIII Vsesoyuznoj konferencii VKP(b) [On the tasks of party organizations in the field of industry and transport: Report at the XVII All-Union Conference of the ASP(b)]. Feb. 15 1941. Pravda. 1941a. Feb. 18. P. 1–7. (In Russ.)

Malenkov G.V. O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promysh-lennosti i transporta: Doklad na XVIII Vsesoyuznoj konferencii VKP(b) [On the tasks of party organizations in the field of industry and transport: Report at the XVII All-Union Conference of the ASP(b)]. 1941. Feb. 15. Moscow: Gospolitizdat, 1941b. 39 p. (In Russ.)

Markevich A.V. Byla li sovetskaya ekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930s.]. Economic History: Yearbook. 2003. P. 20–54. (In Russ.)

Mel'nikov N.N. Modernizaciya tankovoj promyshlennosti SSSR v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny [Modernization of the tank industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Sokrat, 2017. 416 p. (In Russ.)

Merl' Sh. Sovetskaya ekonomika: sovremennye otcenki [Soviet economy: modern estimates]. Economic History: Yearbook. 2017. P. 303–349. (In Russ.)

Mihajlov N.A. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. February 22. P. 3. (In Russ.)

Muhin M.Yu. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg. [The aircraft industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow: Nauka, 2006. 320 p. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii [Behind the facade of «Stalinist abundance»: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization]. 1927–1941. 2nd edition, supplemented. Moscow: ROSSPEN, 2008. 377 p. (In Russ.)

Ovsyannikov V.A. Otcenka velichiny stanochnogo parka SSSR k nachalu Velikoj Otechestvennoj vojny [Estimation of the size of the machine park of the USSR by the beginning of the Great Patriotic War]. Molodoj uchyonyj [Young scientist]. 2015. N 19 (99). P. 414–417. (In Russ.)

Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoj promyshlennosti. Stenograficheskij otchet s 30 yanvarya po 5 fevralya 1931 [The First All-Union Conference of Socialist Industry Workers. Verbatim record from January 30 to February 5, 1931]. Moscow: Socekgiz, 1931. 251 p. (In Russ.)

Putevoditel' po fondam i kollekciyam dokumentov KPSS (25 oktyabrya (7 noyabrya) 1917 – avgust 1991 gg.) [Guide to the funds and collections of documents of the CPSU (October 25 (November 7) 1917 – August 1991)]. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. Iss. 4. 463 p. (In Russ.)

Rezolyutciya XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) «O zadachah partijnyh organizacij v oblasti promyshlennosti i transporta» [Resolution of the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b) «On the tasks of party organizations in the field of industry and transport»]. Pravda. 1941. Feb. 19. P. 1. (In Russ.)

RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archives of Economics]). F. 1562. Inv. 329. F. 813. (In Russ.)

RGAE. F. 1562. Inv. 329. F. 293. (In Russ.)

RGAE. F. 4372. Inv. 41. F. 554. (In Russ.)

RGAE. F. 7515. Inv. 1. F. 352. (In Russ.)

RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv politicheskoj istorii [Russian State Archive of Political History]). F. 476. Inv. 1. F. 18. (In Russ.)

RGASPI. F. 476. Inv. 1. F. 18. (In Russ.)

Samuel'son L. Tankograd: sekrety russkogo tyla [Tankograd: secrets of the Russian home front], 1917–1953. Moscow: ROSSPEN. 2010. 373 p. (In Russ.)

Shahurin A.I. Kryl'ya pobedy [Wings of Victory]. Moscow: Politizdat, 1984. 240 p. (In Russ.)

Simonov N.S. Voenno-promyshlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravlenie [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 336 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 − iyun' 1941 gg. [From the military industry to the military-industrial complex: the Soviet military industry. 1917 − June 1941]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 527 p. (In Russ.)

Tretij pyatiletnij plan razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuza SSR (1938–1942 gg.) [The third five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1938–1942)]. Moscow: Gosplanizdat, 1939. 381 p. (In Russ.)

Voznesenskij N.A. Hozyajstvennye itogi 1940 g. i plan razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1941 g. [Economic results of 1940 and the plan of development of the national economy of the USSR for 1941]. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. 1931–1947. Moscow: Politizdat, 1979. P. 412–441. (In Russ.)

Zal'cman P.M. Vystuplenie na XVIII Vsesoyuznoj partijnoj konferencii VKP(b) [Speech at the XVIII All-Union Party Conference of the ACP(b)]. Pravda. 1941. Feb. 20. P. 2. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.11

О.В. Павленко

СССР И ФРГ В ГОДЫ РАЗРЯДКИ: ОТ ВЫНУЖДЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ К ПРАГМАТИЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Аннотация. Статья посвящена анализу отношений СССР и ФРГ в конце 1950 – первой половине 1970-х годов. Обе страны осознавали свою ответственность и необходимость стабилизации ситуации в Европе. Обе испытывали серьезные потребности в ресурсах друг друга, и одновременно обе проявляли глубокое недоверие друг к другу. Примерно до середины 1960-х годов груз нерешенных политических вопросов (статус Западного Берлина и признание ГДР) не давал возможности продвинуть прагматичные интересы на ту глубину, которая была необходима экономикам двух стран. Но движение навстречу друг другу уже началось.

Циклы взаимного притяжения сменялись отторжением и политическим похолоданием, но по инициативе деловых кругов СССР и ФРГ движение вперед развивалось. Смена внешнеполитического курса новой администрации США Ричарда Никсона стала важным фактором во взаимоотношениях между СССР и ФРГ. Восточная политика канцлера Вилли Брандта, равно как и политика разрядки Леонида Брежнева, создали новую экономическую и политическую реальность в Европе – реальность взаимовыгодного сотрудничества и преодоления на этой основе сложных политических проблем ради устойчивого развития Европы.

Ключевые слова: СССР; ФРГ; ГДР; экономическое сотрудничество; «газ в обмен на трубы».

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук,
профессор, первый проректор – проректор по научной работе,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Россия, Москва. E-mail: pavlenko@rggu.ru
Web of Science Researcher ID: C-7249-2014
Scopus Author ID: 57211158274

Pavlenko O.V. **The USSR and the FRG in the Détente Era: From Forced Interaction to Pragmatic Partnership**

Abstract. The article analyses the relations between the USSR and the FRG at the end of the 1950s – the first half of the 1970s. Both countries were aware of their responsibility

for the stabilization of relations in Europe, both greatly needed each other's resources, both deeply distrusted each other. Up until the middle of the 1960s, the burden of unresolved political issues stemming above all from the status of West Berlin and the recognition of the GDR prevented their relations from developing in a way that the economies of both countries required. But their rapprochement has already begun, initiated by Chancellor Adenauer and later supported by Chancellor Ludwig Erhard and Chancellor Kurt Georg Kiesinger. As for the Soviet leadership, Moscow always expressed particular interest in this cooperation throughout all stages of its development.

The periods of mutual attraction gave way to rejection and political cold spells, but the relations between the Soviet and West German business circles, aware of their economic interests, continued to move forward. A change in the foreign policy of the new US Administration by Richard Nixon had a considerable impact on the new relations between the USSR and the FRG. The Ostpolitik of Federal Chancellor Willy Brandt, as well as Leonid Brezhnev's detente policy, created a new economic and political reality in Europe – the reality of mutually beneficial cooperation that enabled the parties to overcome complex political issues for the sake of sustainable growth of Europe.

Keywords: USSR; FRG; GDR; economic cooperation; «gas for pipes».

Pavlenko Ol'ga Vjacheslavovna – Candidate of Historical Sciences,
Professor, first Vice rector – Vice rector on scientific work,
Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: pavlenko@rggu.ru
Web of Science Researcher ID: C-7249-2014
Scopus Author ID: 57211158274

На первый взгляд тема советско-германских отношений в эпоху разрядки достаточно хорошо исследована. Еще в советское время издательство «Международные отношения» опубликовало корпус государственно-правовых документов 1960–1970-х годов, которые регулировали экономическое, промышленное и техническое сотрудничество между СССР и ФРГ [Сборник 1967–1976].

Кроме официальных документов, были изданы мемуары политических лидеров и дипломатов, участвовавших в реализации советско-германского проекта взаимного сближения [Громыко 1990; Громыко 1990а; Абрасимов 1983; Фалин 1999; Брандт 1991]. Понятие «сближение» в этом случае имеет заданные пределы, поскольку каждая сторона сохраняла свои ценностные установки, не испытывая иллюзий относительно партнера. Москва и Бонн, преодолевая взаимное недоверие и предубежденность, делали осторожные шаги навстречу друг к другу, тщательно продумывая, где бы совпадали их интересы. «Сближение» как процесс было неравномерным, циклы притяжения сменялись охлаждением и торможением. В один узел тесно сплетались финансовые, энергетические, торгово-экономические, политические, военно-стратегические интересы.

Преодоление враждебности осуществлялось через конкретные проекты с четко выраженной мотивацией. Движение навстречу шло медленно, особенно в начале этого процесса, с немалыми трудностями, как внутренними, так и внешними. Сначала заработали торгово-экономические, энергетические и финансовые механизмы, а потом пришли в движение военно-стратегические, политические и культурные процессы. За годы разрядки начался прагматичный диалог между СССР и ФРГ, который позволил существенно стабилизировать ситуацию в Европе и мире в целом.

Неудивительно, что уникальный опыт разрядки привлекал внимание российских историков-германистов, которые внесли значительный вклад в ее изучение. Военно-стратегические аспекты подробно рассмотрены в исследованиях Н.В. Павлова и А.А. Новикова [Новиков, Павлов 2005; Павлов 2012]. Политические взаимоотношения между Москвой и Бонном, особенно фактор ГДР, представлены в работах А.И. Патрушева, А.Ю. Ватлина, Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова [Патрушев 2007; Ватлин 2002; История Германии 2008]. Особый интерес в российской историографии вызывает восточная политика ФРГ. В трудах А.М. Филитова комплексно исследуется весь спектр взаимодействия в треугольнике ФРГ – ГДР – СССР. В работах И.Ф. Максимычева раскрываются характеры и стиль политического лидерства Вилли Брандта и «раннего» Леонида Брежнева, специфика межличностных отношений советских и немецких политиков [Филитов 1993; Филитов 2017; Кремер 1986; Максимычев 2014, Максимычев 2014 а]. Если обобщить российские исследования, то можно выделить следующие тематические блоки, которые были детально изучены:

– этапы восточной политики и военно-стратегические интересы Кремля в урегулировании статус-кво в послевоенной Европе;

– «наведение мостов» между НАТО и Варшавским договором;

– создание правовой базы для Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ);

– особый статус Западного Берлина;

– германо-германская граница и взаимоотношения ФРГ и ГДР;

– польский фактор.

Таким образом, основные стратегические вопросы, составлявшие каркас восточной политики ФРГ и политики разрядки СССР, были достаточно рассмотрены в российской историографии. В научный оборот был введен массив советских дипломатических документов. Но остался еще значительный пласт источников в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), который позволяет не только дополнить общую картину, но и поставить ряд новых вопросов.

– Как закладывались механизмы двусторонних прямых связей между западногерманскими и советскими предприятиями?

– Какова была роль Ост-Вест Хандельсбанка во Франкфурте-на-Майне и филиала Госбанка СССР в ФРГ в развитии советско-германского партнерства?

– Как влияло энергетическое взаимодействие между Москвой и Бонном на политические процессы в Европе?

– Какое значение имели западногерманские кредиты для советской экономики и политики?

– Какую роль играли западногерманские профсоюзы в стабилизации отношений в треугольнике СССР–ФРГ–ГДР? Какие подходы существовали в Кремле по отношению к профсоюзному движению ФРГ? Почему оно занимало ведущее место в советском внешнеполитическом планировании?

– В какой степени влиял фактор США и американских санкций на качество и динамику прагматичного партнерства между СССР и ФРГ?

Список вопросов можно продолжить. Они свидетельствуют, насколько значительным было влияние экономики на политические процессы в Европе во второй половине 1960 – первой половине 1970-х годов. Но без политической воли с обеих сторон и готовности к поиску компромиссов, без гибких подходов, никакие, даже самые насущные, прагматичные задачи, не могли быть реализованы.

Попробуем найти ответы на поставленные вопросы в архивных коллекциях ГАРФ и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Но представленные версии ответов не могут быть полными, поскольку реконструировать многоплановую модель разрядки в отношениях СССР и ФРГ можно только с привлечением массива документов из всех российских и немецких архивов, кропотливой сверки данных архивных коллекций с опубликованными источниками.

Первый этап (конец 1950-х годов – 1965 г.): От недоверия и враждебности к пониманию необходимости сотрудничества

В 1950-х годах ФРГ находилась в центре столкновения интересов ведущих европейских держав и США, что существенно сужало возможности для выстраивания конструктивного диалога с СССР. Политический курс канцлера Аденауэра был направлен на укрепление западногерманской государственности и безопасности. Инструментами политики Аденауэра стали тесная интеграция в европейские структуры и союзнические отношения с США [Haftendorn 1983; Niedhart 2014]. Советское руководство относилось к этому курсу без иллюзий и ожиданий. В 1970 г. аналитики ЦК КПСС составили обзор отношений между СССР и ФРГ за десятилетний период. В нем выражалась официальная позиция Москвы к каждому из правительственных кабинетов и канцлеров ФРГ. Наиболее жесткие характеристики относились к 1950-м годам: «Аденауэровский курс вытекал главным образом из убеждения в том,

что Западная Германия всеми своими успехами (ликвидацией ограничений первых послевоенных лет, экономическим "чудом", перевооружением и т. д.) обязана в первую очередь расколу антигитлеровской коалиции. Отсюда следовал элементарный вывод: чем хуже будут отношения между Востоком и Западом, тем больше США будут нуждаться в ФРГ и тем выше окажется влияние последней в НАТО и европейских сообществах. Любая разрядка международной напряженности в Европе встречалась Бонном с нескрываемой подозрительностью и враждебностью» [Международно-политические 1970].

Тем не менее уже с середины 1950-х годов К. Аденауэр начал постепенно, шаг за шагом выстраивать политику стабилизации отношений с СССР [Loth 2016; Филитов 1993]. Немалую роль в этом играли гуманитарные и экономические интересы. С одной стороны, важно было вернуть на родину немецких военнопленных, находившихся в советских трудовых лагерях. С другой стороны, крупные промышленные компании, такие как «Крупп», «Маннесманн», «Сименс» и другие, были заинтересованы в выходе на рынок СССР и стран Восточной Европы [Loth 2016]. Немалую роль сыграл Суэцкий кризис 1956 г., вызвавший резкие перебои с нефтяными поставками с Ближнего Востока. В политических кругах и бизнес-элите стран Западной Европы активно обсуждались идеи диверсификации энергетических постановок, а также велся поиск надежных и оптимальных путей их доставки. В 1962 г. впервые итальянский концерн «Eni» заключил контракт на поставку нефти с СССР.

В начале 1960-х годов развернулось масштабное строительство нефтепровода «Дружба» из Сибири в страны Восточной Европы. Москва планировала по низким ценам поставлять нефть и газ «братским странам социализма» – ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше и Болгарии. Но советских мощностей для производства стальных труб большого диаметра не хватало. В СССР было решено обратиться к крупным немецким концернам.

Торговый договор между СССР и ФРГ был заключен в 1958 г. Он имел важное значение как первый послевоенный договор, который существенно оживил экономические контакты [Ахтамзян 2010]. Крупные немецкие концерны были чрезвычайно заинтересованы в поставках труб в СССР. Впервые были заключены многомиллионные контракты с «Mannesmann», «Phoenix-Rheinruhr», «Krupp», «IG Farben», «Siemens», «Thyssen» и др. Но вмешалась политика. Острые дипломатические дискуссии вокруг статуса Западного Берлина, по сути, «заморозили» этот масштабный проект. В отношениях между Москвой и Бонном наступила «беспросветная зима». Промышленная выставка Германии в Москве, которая должна была дать импульс двусторонним экономическим отношениям, была отменена.

США заняли жесткую позицию и выступили с антисоветскими санкциями. В частности, было наложено эмбарго на поставку труб в СССР. Западно-

германское правительство, верное союзническим обязательствам, в 1963 г. вынудило концерны Рурского региона разорвать контракты с советскими внешнеторговыми организациями. Вышел большой скандал. Немецкие гиганты отказались от поставок 130 тыс. т стальных труб большого диаметра вместе с оборудованием, потеряв сотни миллионов марок [Истягин 2002]. Они добились обсуждения этого вопроса в бундестаге. Такие кампании, как «Salzgitter AG», «IG Farben», «Siemens», «Haniel», «Thyssen», «Hoechst», AEG, выражали серьезное недовольство негибким курсом правящей коалиции ХДС / ХСС.

В СССР в ускоренном темпе было запущено производство труб на Челябинском трубопрокатном заводе. Но энергетический проект СССР – Западная Европа, несмотря на временные осложнения, не был отложен. Более того, ситуация с эмбарго 1963 г. стала импульсом к формированию нового уровня взаимоотношений между СССР и ФРГ. Крупные индустриальные гиганты ФРГ не потеряли интерес к устойчивым поставкам советского газа и нефти и выходу на емкий промышленный рынок СССР [Ахтамзян 2010, с. 121]. Оставалось совсем немного, чтобы расширить инфраструктуру энергетических поставок из СССР в страны Западной Европы. Постепенно немецким концернам удалось возобновить контракты и ослабить правительственный запрет на поставку в СССР труб и оборудования.

Важным достижением этого первого периода, чреватого острыми осложнениями, было создание правового фундамента для двусторонних экономических отношений. Соглашение по общим вопросам торговли и мореплавания от 25 апреля 1958 г., а также ряд соглашений о товарообороте и платежах 1958–1960 гг. и 1961–1963 гг. устанавливали перечни товаров для взаимных поставок. Это был первый эффективный инструмент для регулирования правовых торговых отношений. С 1964 г. оба государства стали вести торговлю без взаимных списков, что свидетельствовало о повышении уровня доверия и взаимной заинтересованности [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620. Л. 81].

В российской историографии сложилось мнение, что на первом этапе удалось несколько ослабить напряженность в отношениях между обеими странами, но кардинально изменить ситуацию было невозможно из-за скептической позиции правого крыла ХДС [Филитов 1993]. В то же время не стоит недооценивать этот период. Ведь по инициативе К. Аденауэра все-таки произошел прорыв в отношениях СССР и ФРГ, отягощенных памятью о войне и жестком противостоянии Москвы и Вашингтона в первое послевоенное десятилетие. Пусть это были только первые инициативы, которые пробивали дорогу с большими сложностями, но именно они постепенно изменяли климат во взаимоотношениях между двумя государствами – от «беспросветной зимы» к небольшому потеплению. Ведь самое сложное – начать новое дело,

запустить механизм взаимодействия в неблагоприятных геополитических условиях.

Стоит особо отметить, что на начальном этапе стали формироваться новые формы общественных коммуникаций. Роль западногерманских профсоюзов в процессе разрядки пока еще слабо изучена. Между тем Объединение немецких профсоюзов (далее: ОНП) стало своеобразным центром, где вырабатывались различные общественные инициативы по нормализации отношений между Востоком и Западом. В 1963 г. были организованы первые поездки молодежных профсоюзных групп ФРГ по местам бывших нацистских лагерей смерти в Польше и Чехословакии. Когда Н.С. Хрущёв пригласил делегацию западногерманских профсоюзов, руководитель ОНП Л. Розенберг принял приглашение [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 161]. Но он вежливо отказался от предложения советской стороны установить личные контакты с руководством посольства СССР и советскими лидерами из опасения «подвергнуться нападкам со всех сторон» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 93].

Эти опасения не были лишены оснований. Международная конференция свободных профсоюзов (далее: МКСП), тесно связанная с Госдепом США, запретила профсоюзам стран Западной Европы контакты с социалистическими странами. Шаг навстречу представителям Восточного блока расценивался как серьезное нарушение. Тем не менее профсоюз служащих государственных учреждений транспорта и связи ФРГ поддерживал контакты с соответствующим профсоюзом [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 120].

Советские дипломатические и партийные документы за 1963–1964 гг. свидетельствуют, что именно профсоюзному движению ФРГ в этот период стало уделяться пристальное внимание. Его расценивали как «важную политическую силу, оказывающую большое влияние на экономическую и общественную жизнь ФРГ» и объединяющую свыше 6,5 млн трудящихся. Тот факт, что «подавляющее большинство руководителей ОНП является социал-демократами» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 168], только прибавлял значимость в глазах советских руководителей. В приведенной ниже таблице, составленной советскими аналитиками, представлен состав правления ОНП. В ней выделены отдельные графы о количестве членов СДПГ и ХДС, а также депутатов бундестага. Такой подход свидетельствует о том, что для Москвы наиболее желательными партнерами для диалога были немецкие социал-демократы, особенно, если учесть скептическое отношение к позиции ХДС на восточноевропейском направлении. Профсоюзы рассматривались как важный политический инструмент СДПГ [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 154].

В начале 1964 г. ОНП приступила к разработке проекта сотрудничества с профсоюзами социалистических стран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 92]. Через несколько месяцев профсоюзные организации получили разрешение от

ОНП вступать в контакты с делегациями социалистических стран, приезжающими в ФРГ, а также с аккредитованными в Бонне дипломатическими представительствами этих стран. Такой шаг можно, на мой взгляд, расценивать как ответ западногерманских профсоюзов на американские санкции 1963 г. Впервые сотрудники посольства СССР были приглашены выступить в профсоюзных аудиториях с докладами о внешней политике и образовании в Советском Союзе [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 161].

В феврале 1965 г. председатель профсоюза служащих государственных учреждений, транспорта и связи ФРГ Клункер посетил посольство СССР в ФРГ, а затем выступил по западногерманскому телевидению и высказался за развитие контактов с социалистическими странами [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 160].

Однако не стоит преувеличивать эти общественные инициативы, которые создавали траектории будущего сближения, но имели ограниченный характер. В «Программе действий» ОНП за 1965 г. нашлись лишь общие слова о необходимости «взаимопонимания между профсоюзами ФРГ и социалистических стран» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 142]. Дальше благожелательных высказываний, ряда встреч, лекций, отдельных общих мероприятий западногерманские профсоюзы были не готовы идти. Отчасти подобные акции имели демонстративный характер и применялись для давления в переговорах с работодателями. Но политическое переосмысление отношений Восток – Запад в недрах социал-демократии началось. Бреши в стене отчуждения между СССР и ФРГ были пробиты. Энергетические, торгово-экономические и общественные интересы стали осознаваться на уровне элит, бизнес-кругов и общественных активистов. Механизм взаимного притяжения был запущен, хоть и на малых оборотах.

В то же время сохранялся негативный фон во взаимном восприятии друг друга, особенно на политическом уровне. Так, к примеру, в донесении советника-посланника посольства СССР в ФРГ С. Кудрявцева проводилась мысль, что «восточная политика» правительства ФРГ осуществляется с целью «раскола единого фронта социалистических стран, изоляции ГДР и создания тем самым благоприятных предпосылок для переговоров с Советским Союзом по германскому вопросу» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669, л. 205]. Такой вывод делался на основе анализа ведущих западногерманских газет, активно обсуждавших, какие изменения должны быть во внешнеполитическом курсе. Позиция Бонна, по мнению советского посольства, состояла в том, что «ФРГ не должна отказываться от прямых контактов с Советским Союзом, поскольку это может дать правительству Эрхарда определенный политический и пропагандистский выигрыш» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669, л. 205].

Второй этап: 1966–1969 гг. Коалиция ХДС / ХСС – СДПГ. Канцлер К.-Г. Кизингер

Второй этап прошел в чрезвычайном напряжении. По какой траектории будут развиваться двусторонние отношения между Москвой и Бонном? Многое определялось именно в это время. Воронка конфронтации продолжала закручиваться вокруг статуса Западного Берлина и признания ГДР. В нее втягивались СССР и США. Германо-германские переговоры приобретали общеевропейский масштаб. Без взаимного признания послевоенного статус-кво невозможно было продвигаться по пути создания системы коллективной безопасности. Кубинский кризис, ставший глобальным геополитическим потрясением для двух сверхдержав, заострил вопрос о стабилизации мирового порядка. Европейская политика каждой из них упиралась в тупик ФРГ – ГДР – Западный Берлин.

При этом в конце 1960-х годов в общественных настроениях доминировала левая альтернатива. Пацифистские марши, молодежные революции, поиски социализма с человеческим лицом, мощные антивоенные движения и выступления за запрет испытаний ядерного оружия волнами прокатывались по многим странам мира. Перед правительствами вставал мощный общественный запрос на нормализацию отношений Восток – Запад.

Не менее важным фактором, напрямую оказавшим влияние на двусторонние отношения между СССР и ФРГ, стал энергетический проект. Важно проследить, до какой степени экономические интересы помогали преодолевать политические конфронтации, нередко возникавшие между Москвой и Бонном в этот чрезвычайно напряженный отрезок времени.

Весной 1966 г. христианско-демократическое правительство Эрхарда впервые предложило СССР договор о взаимном отказе от применения силы, но с условием не затрагивать вопросы о границе и статусе ГДР. Следующим шагом стало провозглашение «новой восточной политики» правительством «большой коалиции» К.-Г. Кизингера – В. Брандта. В Москве позитивно восприняли эти инициативы, но скептически относились к блоку ХДС / ХСС, предпочитая социал-демократов: «Новые руководители ФРГ были свободны от того груза иллюзий и ошибок, которые определяли политику старого христианско-демократического руководства. Они лучше понимали реальное положение вещей, сумели создать себе (и не без основания) репутацию более гибких политиков» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569, л. 104 об.].

Но наиболее активно в эти годы развивались контакты с западногерманскими профсоюзами [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 147–148]. Хотя и на этом направлении продолжали сохраняться различные сдержки и противовесы. Заведующий отделом прессы профсоюза металлистов ФРГ В. Тённесен в беседе с представителем советского посольства заявил, что «профсоюз ме-

таллистов не может в настоящих условиях проявлять инициативу в установлении контактов с советскими профсоюзами. Нас и так считают здесь слишком левыми» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496, л. 131]. Для Москвы было особенно важным продвинуть зарубежные контакты Объединения свободных немецких профсоюзов ГДР. Международная конфедерация свободных профсоюзов проявляла к восточным немцам особый подход. За въездными визами в капиталистические страны они должны были обращаться с Союзническое бюро путешествий в Западном Берлине, что воспринималось как политический ущерб престижу ГДР [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 813, л. 83–84]. Неудивительно, что предпочтение в поездках отдавалось нейтральным государствам – прежде всего Финляндии и Австрии.

Профсоюзное направление в европейской политике находилось под контролем советских руководителей. Особое внимание уделялось лидерам профсоюзов ФРГ. Для них организовывались ознакомительные поездки по СССР. С ними проводились регулярные встречи дипломатов из посольства СССР в Бонне. Во время визитов профсоюзных лидеров в СССР с ними встречались высокопоставленные государственные деятели. Информация обо всех личных контактах поступала к А.Н. Шелепину.

Он возглавлял КГБ в 1958–1961 гг., затем был назначен заместителем Председателя правительства и Председателем Комитета партийно-государственного контроля. Стоял во главе заговора против Хрущёва и представлял мощную консервативную фракцию внутри ЦК КПСС. Но слишком сильное влияние и личные амбиции сделали его одним из наиболее серьезных конкурентов Л.И. Брежнева. В 1965 г. Шелепин был смещен с высоких постов, но сохранил позицию члена Политбюро. По мере усиления Брежнева круг сторонников Шелепина был оттеснен от влиятельных позиций. В 1967 г. был смещен с поста Председателя КГБ его близкий друг Семичастный. Сам В.Е. Шелепин был назначен на пост главы ВЦСПС – Центрального органа профсоюзов, осуществлявшего все руководство профсоюзными организациями в СССР, который и занимал до 1975 г. Этот пост имел второстепенное значение в советской партийно-государственной иерархии. Но под влиянием идей разрядки контакты с европейскими, и прежде всего западногерманскими, профсоюзами, играли важную роль. Сам Шелепин скептически относился к политике разрядки, но лично координировал зарубежные профсоюзные контакты.

Приведем только некоторые факты, которые показывают, насколько советская сторона была заинтересована в интенсивных профсоюзных коммуникациях. В мае 1968 г. представители Немецкого общества по охране труда ФРГ посетили Москву, Ленинград, Тбилиси, Сочи. Членам делегации «был оказан теплый прием и даны исчерпывающие разъяснения по вопросу охраны труда» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–1, л. 1]. В мае-июне 1968 г. в СССР

принимали делегацию профсоюза рабочих химической, бумажной и керамической промышленности ФРГ. В июле 1968 г. СССР посетила делегация профсоюза железнодорожников ФРГ. Председатель профсоюза Ф. Зайберт был членом СДПГ и депутатом бундестага [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–2, л. 12]. В беседе с секретарем ВЦСПС П.Т. Пименовым Зайберт отметил, что налаживание контактов «будет тем легче, чем скорее обе стороны согласятся в том, что существуют две системы, одна из них не будет хотеть “съесть” другую, и они обе будут бороться на благо трудящихся» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–5, л. 23].

Нередко подобные поездки принимали туристический характер. Радушные хозяева устраивали для гостей различные интересные праздничные мероприятия, интересовались их мнением по текущим вопросам политики ФРГ. Чтобы не потерять рабочий смысл этих встреч, от немецкой стороны было выдвинуто предложение о проведении «двусторонних встреч-семинаров профсоюзных работников по различным вопросам, например о функциях профсоюзов в СССР и в ФРГ и т.п.» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–21, л. 137].

Советское руководство, особенно весной-летом 1968 г., активно развивало контакты с профсоюзами ФРГ. В беседах с руководителями ОНП предлагалось выстраивать взаимоотношения на местном уровне (заводы с заводами, области с областями), для того чтобы обсуждать чисто профессиональные вопросы – социального страхования, охраны труда, коллективных договоров.

Но западные немцы с большой осторожностью относились к подобным советским инициативам. Так, председатель ОНП Л. Розенберг откровенно говорил о природе недоверия между двумя странами. По его мнению, советское недоверие «возникло в период нацизма. Наше же недоверие (я не говорю о ОНП) основывается на опасении (я его не разделяю), что идеология одной страны будет перенесена в другую страну <…> И это страшит американцев. Мне кажется наивным думать, что если ты разговариваешь с кем-то, то теряешь свое убеждение, тогда это не убеждение» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15, л. 60]. Шелепин в беседе с Розенбергом уверял: «Мы не хотим вбивать клин в ваши отношения с американцами. Мы не ставим своей целью портить ваши отношения, и вы не ставите перед собой цели вбивать клин между нами и ГДР» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15, л. 61].

Этот разговор между двумя высокопоставленными чиновниками важен для понимания специфики взаимоотношений СССР и ФРГ. В Москве полностью отдавали отчет в том, что германская политика делалась в Вашингтоне. Это особенно ярко проявилось на следующем этапе, когда президентом США стал Ричард Никсон, а к власти в ФРГ пришел В. Брандт. Важно, что лидер профсоюзов Л. Розенберг четко обозначил условия, при которых возможно и желательно партнерство между объединениями трудящихся разных отраслей. С советской стороны не должно быть политического и идеологического дав-

ления, а также действий антиамериканского характера. В ответ Шелепин не менее четко оговорил советские условия. Если правительство ФРГ не будет пытаться воздействовать разными путями на граждан ГДР. По сути, это была формула взаимного компромисса.

Пражская весна 1968 г. и ее влияние на советско-западногерманские отношения

Политический кризис в Чехословакии и военные меры со стороны стран Варшавского договора не являются темой данного исследования. Нас будут интересовать только два вопроса. Во-первых, как повлиял чехословацкий кризис на взаимоотношения СССР с профсоюзами ФРГ? Во-вторых, какую роль он сыграл в трехсторонних отношениях ФРГ – СССР – США?

Как только началась военная операция по вторжению в Чехословакию, в ФРГ сразу вспыхнула жесткая антисоветская и антикоммунистическая кампания. Уже 28 августа 1968 г. руководство ОНП приняло решение приостановить контакты с профсоюзами СССР и других социалистических стран. Не все профсоюзы были согласны с такой категоричной позицией. Председатель профсоюза печатников Маляйн призывал к более осторожному и взвешенному решению и продолжению контактов с профсоюзами соцстран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 7, 49]. На конгрессе профсоюза печатников в октябре 1968 г. единогласно была принята резолюция, требующая продолжения контактов с профсоюзами социалистических стран [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 5–6]. Советские дипломаты сообщали, что решением ОНП о замораживании восточноевропейских контактов «очень не доволен председатель СДПГ Брандт, который и сейчас рассматривает эти контакты как одно из важнейших средств проведения его “восточного курса”» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 20].

Но мнения в профсоюзном движении ФРГ разделились. Профсоюзы Гамбурга видели в чехословацком социализме образец, к которому они стремились в будущем привести и свою страну [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32]. По словам их лидера Я. Зиркса, «после 21 августа примером для них в этом отношении остается Югославия» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32]. Но одновременно Зиркс выразил свою уверенность, что в будущем будут установлены самые широкие контакты с СССР [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 32].

Профсоюз металлистов публично и резко высказался против контактов и осудил СССР и страны Восточного блока [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 16]. На следующий конгресс ОНП в мае 1969 г. делегация ВЦСПС не была приглашена. Но на заседание руководства профсоюза общественного обслуживания приглашение представителям СССР и других социалистических

стран все же было послано. Причем разрешение было дано правлением ОНП [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 23].

Ситуация разрешилась очень скоро. Уже на 8-м Конгрессе Объединения немецких профсоюзов ФРГ (Мюнхен, 18–23 мая 1969 г.) значительным большинством голосов была принята резолюция о возобновлении контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами (за исключением ГДР). Конгресс обязал центральное правление ОНП «продолжать расширять эти контакты, несмотря на резко осужденное нами занятие ЧССР» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 53]. Лишь председатель профсоюза металлистов ФРГ О. Бреннер выступил против, но его не поддержала даже часть собственной делегации.

Столь короткая пауза, вызванная реакцией на подавление Пражской весны, свидетельствует о том, что социал-демократы четко взяли курс на нормализацию отношений с СССР. Чехословацкий кризис разразился как раз в то время, когда у западных держав складывался прагматичный подход к нормализации отношений с Восточным блоком. Накопилось достаточно много политических, военно-стратегических и экономических причин, чтобы лидеры Запада и Востока пришли к пониманию, что дальнейшая конфронтация будет поражением для всех.

Прежде всего это общее представление о необходимости разрядки сложилось в Вашингтоне и Москве. Берлинские переговоры проводились в основном четырехсторонней группой – послами США, Франции, Великобритании и Советского Союза в Германии. Но к концу 1968 г. переговоры зашли в тупик. После избрания президента Никсона в 1968 г. и его инаугурации 20 января 1969 г. генералом Эндрю Гудпастером была разработана система межведомственных групп на уровне помощников министров по разным направлениям. Все материалы передавались Главной группе анализа, созданной под руководством нового госсекретаря Генри Киссинджера. Она превратилась в мозговой центр проекта разрядки. Как только американцы предложили Москве создать канал прямой неформальной связи, сразу поступил положительный ответ. С февраля 1969 г. начал функционировать канал «посол СССР в США А.Ф. Добрынин – Г. Киссинджер». Опубликованные записи их бесед, встречи с президентом Никсоном и Генеральным секретарем Брежневым, разработанные их аппаратами памятки для бесед, записки по текущим международным делам, которые они готовили для своих лидеров, – весь комплекс этих дипломатических документов убеждают нас в том, что канал прямой связи между Белым домом и Кремлем и был «мотором», приводящим в движение все механизмы разрядки [Советско-американские отношения 2007].

Обращает особое внимание, что во всех этих материалах, начиная с 4 февраля 1969 г. тема Чехословакии намеренно не поднималась. Никсон считал, что «переговоры и поиск согласия – это бремя, и советские руководители не

меньше, чем мы, должны быть готовы его нести» [Советско-американские отношения 2007, с. 4]. Для американцев было особенно важным, чтобы СССР оказал влияние на Ханой и помог завершить вьетнамскую войну так, чтобы «не допустить унижения Сайгона или себя». Продвинуть парижские договоры к «почетному для всех заинтересованных сторон миру» было сверхзадачей для президента Никсона [Советско-американские отношения 2007, с. 9]. США бурлили от антивоенных демонстраций. Вьетнамский фактор значительно перевешивал чехословацкий кризис.

С февраля 1969 г. в записях бесед посла Добрынина с президентом Р. Никсоном постоянно проводится мысль о «совместном конструктивном диалоге». Особое значение придавалось поддержанию открытых каналов для обмена мнениями – официально-дипломатическим и конфиденциально-доверительным. С этого времени наряду с проблемой вьетнамского урегулирования, договором об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) и договором об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), ситуацией на Ближнем Востоке постоянно обсуждалась тема ФРГ – ГДР – Западный Берлин в контексте европейской политики.

Когда Москва была возмущена решением правительства ФРГ проводить выборы на территории Западного Берлина, реакция Вашингтона была примирительной. Накануне своей первой европейской поездки и посещения Западного Берлина Никсон заверил советскую сторону, что «не даст ситуации слишком воспламениться» [Советско-американские отношения 2007, с. 15].

Важно обратить внимание на формулу компромисса, которую предложил президент Р. Никсон. Ее передал Г. Киссинджер в беседе с А.Ф. Добрыниным: «Он, президент, хотел бы заверить советское правительство, что он, например, совсем не собирается вмешиваться в дела Восточной Европы. “Вы от нас не услышите никаких заявлений о необходимости “освобождения” Восточной Европы от Советского Союза и мы, видимо, бросим употреблять даже такие выражения, как “строительство мостов”, так как мы понимаем реальную обстановку <…> Мы не собираемся поднимать военную истерию в Западной Европе против Советского Союза, не собираемся подталкивать враждебные настроения среди западноевропейцев по отношению к вам”».

Никсон предлагал вернуться к опыту 1959–1963 гг., «когда правительства СССР и США обсуждали комплекс германских дел, в отношении некоторых важных вопросов мы были недалеко друг от друга». Однако принять советскую формулу по статусу Западного Берлина как «свободного города» американцы не были готовы [Советско-американские отношения 2007, с. 28]. Тема политических переговоров в треугольнике СССР – США – ФРГ выходит за рамки нашего исследования. Но этот сюжет представляется очень важным для понимания внутренних раскладов и настроений за кулисами официального переговорного процесса.

Политические трения не помешали активному развитию экономических отношений между СССР и ФРГ. Несмотря на решение стран НАТО о санкциях против СССР в связи с чехословацким кризисом (отказ от участия в торговых ярмарках; сокращение кредитов; заморозка гуманитарных проектов), мало кто из союзников обнаружил готовность уменьшить торговые и культурные контакты. Осенью 1968 г. отказались от участия в Пловдивской ярмарке только США и Греция. На Генеральной ассамблее ООН 8 октября 1968 г. состоялась встреча министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и В. Брандта, где они договорились возобновить сотрудничество.

1967–1968 гг. стали своеобразным рубежом в развитии советского энергетического проекта для стран Западной Европы, проявлявших в нем большую заинтересованность. 1 июня 1968 г. советское объединение «Союзнефтеэкспорт» и австрийская компания ÖMV подписали договор на поставку природного газа. Немецкая компания «Тиссен» сыграла посредническую роль для запуска экспорта советского газа в Австрию через Триест. Она участвовала в поставках 42 дюймовых труб высокого давления в СССР, а австрийская фирма «Фест» выступила в роли субподрядчика [Смирнов 2011].

На очереди были поставки газа в Италию. Тогда же был запущен переговорный процесс по поставкам труб из ФРГ в СССР в обмен на поставки сибирского газа. На промышленной выставке в 1969 г. в Ганновере министр внешней торговли СССР Николай Патоличев встретился с министром экономики Германии Карлом Шиллером. Они обсудили предложение о строительстве нового трубопровода из СССР в Западную Германию. Эти договоренности открыли цикл встреч в Вене, Кёльне и Эссене по подготовке масштабного договора о сотрудничестве.

III этап: 1969–1974 гг. Коалиция СДПГ–СвДП. Канцлер В. Брандт

После победы социал-демократов во главе с В. Брандтом на парламентских выборах в сентябре 1969 г. аналитики ЦК КПСС считали, что «придется столкнуться с более изощренными тактическими средствами со стороны Бонна в расшатывании общего фронта стран Варшавского договора и все большего втягивания ГДР в экономическую, а затем и политическую орбиту ФРГ» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 7]. Несмотря на эти опасения, Москва поддерживала инициативы по нормализации отношений в Европе. Хотя советские дипломаты указывали в своих донесениях, что левое правительство – неустойчивое из-за проблем, «затрагивающих материальное положение» трудящихся [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 25].

В архивных фондах РГАНИ содержатся документы, в которых отражен целый спектр оценок и прогнозов относительно восточной политики нового

правительства ФРГ. Политбюро ЦК КПСС, аппарат ЦК КПСС, МИД, КГБ проявляли пристальное внимание к политическим настроениям в западногерманской элите [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8–9; Ф. 5. оп. 62. Д. 567, л. 72; Д. 568, л. 19]. Можно выделить несколько позиций, которые были разработаны в отношении нового внешнеполитического курса ФРГ:

(1) социал-демократы выступают за нормализацию отношений с СССР, ГДР и социалистическими странами; они не настаивают на принадлежности Западного Берлина к ФРГ и изменении послевоенного статус-кво в Европе;

(2) новое правительство сохраняет преемственность в союзничестве с США и НАТО, отстаивает идею объединения Германии на принципе самоопределения немцев. Но советские аналитики сходились в том, что правительство В. Брандта стремится ослабить зависимость ФРГ от Вашингтона и упрочить в Европе свои политические и экономические интересы. Для социал-демократов, как считали в Москве, важно было исключить ситуацию, когда США и СССР могут договориться между собой «за спиной и за счет ФРГ». Соответственно, правительство ФРГ более склонно к признанию реальностей и установлению добрососедских отношений с СССР. Тем более что ФРГ превратилась в «экономического гиганта», занимая второе и третье места в капиталистическом мире, но оставалась «политическим карликом» даже в европейских делах. По мнению советских аналитиков, социал-демократы стремились вывести страну на уровень великой державы в Европе, поэтому продвигали идею добрососедства как новое слово в мировой политике;

(3) позиция В. Брандта об «особых» отношениях с ГДР вызывала серьезные подозрения в советском руководстве, которое настаивало на заключении германо-германского соглашения по общепризнанным принципам международного права, включая неприкосновенность границ и мирного разрешения всех спорных вопросов. Как выразился министр иностранных дел СССР А.А. Громыко в переговорах со статс-секретарем ФРГ Э. Баром, «нельзя уступать то, что не имеешь», необходимо всего лишь «признать существующую реальность» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 8]. Эта линия была определяющей – правительство В. Брандта стремилось решить вопрос о границах с ГДР и Польшей и начать взаимодействовать со своими восточноевропейскими соседями. В Москве были убеждены: новое правительство ФРГ осознало, чтобы «прорваться» в восточноевропейские страны, необходимо сначала наладить переговорный процесс с СССР [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 2].

Политическая логика сводилась к необходимости пересмотра стратегии Советского Союза в германском вопросе, чтобы использовать новые открывшиеся возможности [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8]. Но высокая степень подозрительности и недоверия к восточной политике ФРГ сохранялась. Не исключалось, что в ней были заложены элементы, направленные на «разобщение социалистических стран, на расшатывание социалистических по-

рядков в Германской Демократической Республике» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 8].

Руководитель информационного центра Западного Берлина Курц в беседе с третьим секретарем Посольства СССР в ГДР Р.И. Тавгенем доверительно сообщил, что на закрытом совещании им давались рекомендации: «представителям ГДР необходимо постоянно напоминать о том, что торговля и экономическое сотрудничество ГДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами невыгодны и наносят лишь ей ущерб» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415, л. 216]. По его мнению, «правительство ФРГ будет проводить политику экономического проникновения в ГДР постепенно: с большой осторожностью, не забывая о том, что Советский Союз не допустит создания "новой Чехословакии" на территории ГДР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415, л. 216].

Конечно, советская сторона не питала иллюзий относительно дружелюбия западногерманской политики. Но в Москве и Бонне четко осознавали, что для стабилизации политических отношений в Европе необходимо преодолеть неопределенность и выстроить переговорный процесс на новых принципах взаимной заинтересованности. Эти две противоположные тенденции нашли отражение в установке, разработанной ЦК КПСС: «В целом программа деятельности нового правительства ФРГ и его первые практические шаги не дают оснований для вывода о том, что происходят радикальные изменения в западногерманской позиции по коренным вопросам, интересующим Советский Союз и другие социалистические страны. Если такие изменения и произойдут в дальнейшем, они будут результатом острой борьбы внутри правящего лагеря ФРГ и определенного нажима с нашей стороны, соответствующего отпора попыткам Брандта обойти острые вопросы с помощью тактических уловок» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304, л. 9].

Важно отметить, что на этом этапе все три стороны – СССР, ФРГ и США – были готовы к поиску компромиссов, чтобы реализовать идею международной безопасности и стабильности и создать условия для выгодного экономического партнерства. Об этом говорил министр иностранных дел СССР А.А. Громыко: «Те правительства, которые стоят за мир и широкое международное сотрудничество, должны не опасаться, а приветствовать возможную договоренность между нами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 17–18, Павлов 2019]. Эти же идеи нашли отражение в советских государственно-партийных документах: «Главными спорными вопросами, препятствующими достижению соглашения с ФРГ, как известно, являются вопросы о международно-правовом признании ГДР и о признании нейтрального (или особого) статуса Западного Берлина. Внешнеполитические интересы Советского Союза, социалистического содружества и интересы европейской безопасности вполне допускают, чтобы и по этим вопросам был достигнут компромисс» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 21]. Советские лидеры осознавали, насколько

сложно будет В. Брандту провести межпартийные согласования по восточной политике. А.А. Громыко в беседе со статс-секретарем Э. Баром открыто признавал: «Положение в Германии нелогично, ненормально. Других примеров подобного положения в истории не было, да и проблем, с которыми нам приходится сейчас сталкиваться, в прошлом в истории также не было» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685, л. 20].

Развивая диалог с СССР, канцлер Брандт возлагал немалые надежды на ОНП, которая действовала в точном соответствии с указаниями руководства СДПГ. Лавируя между жесткой позицией европейских союзников ФРГ – Великобритании и Франции, и находясь в постоянном контакте по «германским проблемам» с Белым домом, В. Брандт взаимодействовал с советской стороной не только по чисто дипломатическим каналам, но и через профсоюзных лидеров. ОНП и СДПГ, тесно связанные между собой структуры, были жизненно заинтересованы в том, чтобы правительство социал-демократов оставалось как можно дольше у власти. Профсоюзы рассчитывали реализовать свои требования через правительство СДПГ–СвДП, хотя формально подчеркивали свою независимость от политики [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 1; Д. 496, л. 102].

В этот период профсоюзы ФРГ проявляли высокую активность по всем политическим и экономическим вопросам германского урегулирования. По сути, появился новый канал неформального общения между посольством СССР в ФРГ и западногерманскими профсоюзами, через который передавались и согласовывались позиции сторон по признанию ГДР, статусу Западного Берлина и др.

Не затрагивая политические и военно-стратегические вопросы, которые на рубеже 1960–1970-х годов играли особую роль, сосредоточим внимание на экономических, финансовых и энергетических аспектах советско-германского партнерства.

Московский договор 1970 г. как основа долговременного партнерства СССР и ФРГ: pro et contra

В 1970 г. доля СССР во внешней торговле ФРГ составляла около 1%. По данным западногерманской внешнеторговой статистики, в 1970 г. удельный вес СССР в импорте в ФРГ нефти составлял 4%, дизельного топлива – 10, никеля – 16, апатитового концентрата – 35, хвойных материалов – 11, хромовой руды – 34, подсолнечного масла – 41, крабовых консервов – 68% [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Максимальная доля в общем экспорте ФРГ в СССР приходилась на трубы большого диаметра – 71%. Помимо труб, импорт из ФРГ включал металлорежущие станки, прокатное и литейное оборудование для химической, целлюлозно-бумажной, полиграфической, хими-

ко-фармацевтической и других отраслей промышленности, приборы, прокат черных металлов, химические продукты, синтетический каучук, а также промышленные товары народного потребления и полуфабрикаты для их производства [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Но поставок высокотехнологического оборудования не хватало для огромных объемов советской промышленности – прецизионные шлифовальные станки составляли 10%, комплектное оборудование для деревообрабатывающей промышленности – 14% и т.д. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 84].

Развитие транспортной инфраструктуры газопроводов «Дружба» и «Дружба-2», увеличение спроса на советскую нефть и газ в Западной Европе только усиливали постоянную потребность в поставках труб большого диаметра. Бурное развитие газовой промышленности в СССР также требовало расширения закупки труб и оборудования не только для энергетического экспорта, но и для всей структуры трубопроводов на советской территории. Собственных трубопрокатных мощностей у СССР для столь масштабных проектов не хватало.

Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель в беседе с А.А. Громыко по вопросу торговли с СССР констатировал, что «увеличение объема товарооборота между нашими странами в значительной степени зависит от предложений со стороны Советского Союза. Примером в этом отношении служит сделка по газу, которая расширяет объем торговли между СССР и ФРГ. В области потребления газа возможности ФРГ фактически не ограничены. К сожалению, возможности Советского Союза в области поставок газа и особенно нефти не столь велики. Сделки, подобные сделке по газу, мыслимы только при проведении долгосрочной торговой политики, а такую политику можно осуществлять лишь на гарантированной политической основе» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 78–79].

Формула «газ в обмен на трубы» на тот момент устраивала обе стороны. В 1970 г. перед Министерством внешней торговли и Министерством газовой промышленности была поставлена задача закупить до 1975 г. дополнительно 1,7–1,8 млн т труб и необходимое оборудование на условиях западногерманского кредита с погашением его выручкой от поставок сибирского газа в ФРГ [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 387, л. 56]. Энергетический проект дал мощный импульс подготовке Московского договора [Ахтамзян 2010; Mőkli 2009; Крылов 2002].

Договор был подписан 1 февраля 1970 г. в Эссексе в конференц-зале отеля «Кайзерхоф» министром экономики ФРГ Карл Шиллером и советским министром внешней торговли Николаем Патоличевым. Он включал несколько масштабных сделок между советскими и западногерманскими концернами, нацеленными на долговременное и взаимовыгодное сотрудничество:

– договор на поставку 1,2 млн т труб на общую сумму 1,2 млрд марок. В сделке участвовали внешнеторговое объединение «Промсырьеимпорт» и концерн «Маннесманн»;

– договор на закупку 52 млрд $м^3$ газа общей стоимостью 2,5 млрд марок, с расчетом на 20 лет. В сделке были задействованы внешнеторговое объединение «Союзнефтеэкспорт» и концерн «Рургаз АГ»;

– договор на кредит в объеме 1,2 млрд марок, с расчетом на десять лет. В сделке были задействованы Внешторгбанк и консорциум банков Германии во главе с Немецким банком.

Московский договор открывал ФРГ дорогу не только на советский, но и на восточноевропейские рынки. Этот подход был зафиксирован на встрече министра иностранных дел А.А. Громыко со своим коллегой из ФРГ В. Шеелем: «При подписании Московского договора обе стороны выразили намерение рассматривать его как единое целое с подобными договорами, которые должны быть заключены между ФРГ и соответственно ПНР, ГДР и ЧССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686, л. 126]. Спустя год советский министр оценивал его как «важный стабилизирующий фактор в Европе, реальность, с которой не могут не считаться даже его противники» [РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 570, л. 135].

Все понимали, что за мощным экономическим контекстом договора скрываются не менее серьезные политические мотивы. По оценкам аналитиков ЦК КПСС, правительство В. Брандта пошло на его подписание из-за «кризиса доверия» между США и Западной Европой, вызванного участием США в конфликтах за пределами европейского континента. Хотя Вашингтон был не меньше заинтересован в смягчении ситуации в Европе на фоне урегулирования вьетнамского кризиса и обострения ближневосточного. Кроме того, резкое ухудшение советско-китайских отношений потребовало сбалансированной разрядки напряженности в Европе [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569, л. 105]. Хотя заинтересованные стороны понимали, что договор 1970 г. не заменит мирного договора между двумя немецкими государствами. Так же как не отменит противостояния двух систем – социалистической и капиталистической [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574, л. 91].

Французские дипломаты считали Московский договор «стержнем» восточной политики В. Брандта [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 78]. Прогнозируя резкое усиление роли ФРГ в международной жизни, они отмечали, что «Брандт играет ва-банк. Он делает ставку на то, что Советский Союз заинтересован в обеспечении своих тылов и в развитии торговли с Западной Европой, в которой ФРГ в данном случае должна играть роль моста и даже привилегированного партнера» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 79]. В их понимании договор представляет собой «настоящее сепаратное урегулирова-

ние с ФРГ, окончательно освящающее границы двух германских государств и не затрагивающее Западный Берлин» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 80–81].

Успешное подписание Московского договора стало настоящим прорывом в международных отношениях, правовой основой для процесса разрядки напряженности в Европе. В ФРГ по-разному оценивали его перспективы. Крупные профсоюзы (правление ОНП, правление профсоюзов земли Северный Рейн – Вестфалия, профсоюзы металлистов, горняков, печатников) выражали полную поддержку договору и готовили петиции, резолюции рабочих коллективов в адрес бундестага за его ратификацию [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500, л. 75, 104, 141].

Конечно, за ними стояло руководство СДПГ, опасавшееся, не без оснований, за судьбу договора при его обсуждении в августе 1970 г. в бундестаге. Были попытки убедить депутатов в том, что ратификация договора должна быть тесно связана со статусом Западного Берлина, идти как один пакет [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574, л. 85].

Процесс нормализации периодически сотрясали конфликтные ситуации. Сложно складывались отношения между профсоюзами ГДР и ФРГ. В Москву летели донесения о том, что «профсоюзы ГДР откровенно ведут линию не на сотрудничество, а на дискредитацию и компрометацию руководства западногерманских профсоюзов, стремятся противопоставить его профсоюзным массам» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 10], «на отдельных западногерманских предприятиях появляются время от времени неофициально представители и делегации профсоюзов из ГДР, которые якобы стремятся настроить членов профсоюзов ФРГ против профлидеров» [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499, л. 17]. Руководители западногерманских профсоюзов поддерживали тесные контакты с советскими дипломатами, поэтому политические проблемы сразу докладывались в Москву А.Н. Шелепину. Координация шла по вертикали. Наиболее обсуждаемым вопросом с профсоюзными деятелями ФРГ было признание ГДР, установление границы по Одеру – Нейсе. Но самым сложным вопросом оставался статус Западного Берлина.

Правовое регулирование и динамика торгово-экономического сотрудничества в 1970–1974 гг.

На фоне напряженных политических диалогов Московский договор стал «мотором» масштабного прагматичного партнерства между ФРГ и СССР. Французские промышленники недаром были обеспокоены тем, что «после заключения договора с СССР западногерманская промышленность оттеснит их на второй план в торговле и экономическом сотрудничестве с СССР» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 86].

В западногерманских деловых кругах активно обсуждались перспективы, которые открылись в связи с его подписанием. Крупные фирмы хотели бы строить предприятия в СССР, чтобы потом сбывать часть продукции на других рынках. Но такое партнерство не предусматривалось советским законодательством. Возникали предложения о совместных проектах в странах «третьего мира» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 85]. Все же германская сторона пыталась продвинуть проекты совместного строительства в Сибири комплексных предприятий по добыче и переработке сырья. Концерны ФРГ испытывали большую потребность в газе, нефти, железной и марганцевой руде, целлюлозе, хлопке и др. Поставки из СССР расценивались как «наиболее безопасный и надежный источник» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 568, л. 85–86]. Благодаря Московскому договору смягчился режим ввоза в ФРГ советских товаров. В августе 1970 г. правительство ФРГ приняло решение об освобождении импортеров от необходимости получать специальные лицензии на ввоз продукции и сырья из социалистических стран, включая СССР. Реестр составил примерно половину товаров всей западногерманской внешнеторговой номенклатуры [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 82]. Власти опасались, что «западные немцы могут оказаться обойденными французами, японцами, итальянцами и англичанами в развитии торговли с Советским Союзом» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 229; Оп. 63. Д. 620, л. 81].

Советский экспорт в ФРГ составляли: нефть и нефтепродукты, лесоматериалы и целлюлоза, продовольственные товары, апатитовый концентрат, пушнина, химические продукты, руды, нерудные ископаемые и некоторые другие товары. СССР поставлял из ФРГ морские суда, авиационную технику, металлорежущие станки, электромоторы, подъемно-транспортное оборудование, подшипники, абразивы, наборные строкоотливные машины, бинокли и оптические приборы, медоборудование и другие виды машин и оборудования. Несмотря на рост советского экспорта в ФРГ, его темпы значительно отставали от увеличения закупок в ФРГ. Тогда в СССР не хватало достаточных мощностей для развития сырьевого экспорта, а качество товаров, машин и оборудования не соответствовало требованиям западногерманского рынка [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620, л. 83]. Это создавало диспропорцию в импорте-экспорте между двумя странами.

Увеличение объемов поставок благодаря смягчению условий ввоза из СССР в ФРГ, расширение номенклатуры поставок, бурное развитие энергетического проекта «Газ в обмен на трубы» требовали создания еще более благоприятных условий для экономического взаимодействия.

7 июля 1972 г. было подписано Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве, срок действия которого определялся до 31 декабря 1974 г. [Соглашение 1974].

Соответственно уже в мае 1973 г. было подписано новое Соглашение сроком на десять лет, где закреплялись конкретные сферы экономического взаимодействия и благоприятный торговый режим [Соглашение 1975]. По проекту «Газ в обмен на трубы» объем закупаемых труб был увеличен до 2,4 млн т, а объем поставляемого газа – до 120 млрд $м^3$ в расчете на 20 лет.

Следующее соглашение о продаже крупных труб с оплатой их поставками природного газа было заключено в Москве 29 октября 1974 г. Предусматривалось, что фирма «Ругаз АГ» с 1978 г. будет получать 2,5 млрд $м^3$ природного газа ежегодно. Между объединением фирм «Маннесман-Экспорт АГ» и «Тиссен Штальунион АГ», с одной стороны, и Внешнеэкономическое объединение «Промсырьеимпорт» – с другой, было зафиксировано очередное крупное расширение объема поставляемых в СССР труб до 3,7 млн т. Быстрый рост объемов взаимных поставок ежегодно требовал не только заключения новых двусторонних соглашений, но и значительного увеличения западногерманского кредита. По соглашению 1974 г. он составил 4 млрд марок [Vertrag zwischen 1970].

Динамика правового регулирования экономического сотрудничества свидетельствовала о большой взаимной заинтересованности. Немецкие деловые круги заново открывали для себя ресурсные возможности и объемный рынок СССР. В свою очередь, советская сторона смогла за короткий срок получить доступ к развитым технологиям западного мира, восполнить лакуны в готовой продукции и расширить ассортимент качественных товаров широкого потребления.

Уже в начале 1974 г. было подписано новое Соглашение о долгосрочных перспективах экономического сотрудничества. По сравнению с Соглашением 1973 г. более четко были сформулированы нормы и правила, существенно расширены списки партнерских структур и формы их взаимодействия. В Приложениях к Соглашению были отмечены возможные пути дальнейшего партнерства в сферах химической, машиностроительной, металлургической и дереводобывающей промышленности [Соглашение о долгосрочной перспективе развития 1974].

Обращает внимание, что, как только возникали существенные проблемы, стороны довольно быстро находили оптимальный вариант их решения. Например, так произошло с вопросами авиаперелетов между двумя странами. Коммерческие перелеты получили особые преференции. На определенные товары (горюче-смазочные материалы, продовольствие, алкогольная и табачная продукция и др.) были отменены таможенные пошлины.

В итоге всего за три года был создан и успешно запущен правовой механизм экономического партнерства. Динамика, с которой нарастали торговые обороты и заключались крупные сделки, свидетельствовала о реальном интересе, который испытывали деловые круги обеих стран. Уже в первое десяти-

летие стало очевидным, что обе экономики, несмотря на базовые различия, взаимно дополняют потребности друг друга и могут взаимодействовать с большой выгодой.

С одной стороны, СССР получал доступ к западногерманским технологиям и возможность их применения для собственной промышленности. В СССР не хватало качественных товаров широкого потребления, готовой продукции. Особое значение имело выгодное для советской стороны правовое регулирование экспорта товаров на территорию Западной Германии [Соглашение 1976]. С другой стороны, Бонн добился улучшения условий сотрудничества не только для германского государственного сектора, но и для бизнеса. ФРГ заключила с СССР ряд соглашений на расширение поставок сырьевых и топливных ресурсов, обеспечив бурное развитие своей индустрии надежной энергетической базой. Для ФРГ особое значение имело общее решение, что все соглашения распространяются и на Западный Берлин. Таким образом, открылись возможности обеспечить нужды города на основе взаимного консенсуса.

В 1972 г. значительно увеличился экспорт западногерманского оборудования на автомобильный завод в Тольятти. Началось сотрудничество фирм «Либхер» и «Хеллер» с крупнейшим в Европе заводом грузовых автомобилей «Камаз» [Кремер 1986, с. 151]. СССР принял участие в обновлении стратегического автобана Берлин – Хельмштедт [Фалин 1999, с. 197].

Подтверждением эффективности стали показатели внешнеторгового оборота обеих стран. Если в 1972 г. товарооборот СССР – ФРГ увеличился примерно на четверть по сравнению с 1971 г. и достиг 800 млн марок, то в 1973 г. он составлял уже 1,2 млрд, а в 1974 – 2,2 млрд марок [Кремер 1986, с. 152]. От резкого расширения сотрудничества между СССР и ФРГ частные компании получали высокие прибыли. Немецкие трубные концерны «Phoenix-Rheinruhr», «Krupp», «Mannesmann» значительно увеличили свое производство. Прибыль возросла также у торговых концернов «Verbundnetz AG», «Ruhrgas», «Midal», «Jagal», «Wintershall» [Bleidick 2018].

Финансовое и энергетическое взаимодействие

Результатом сотрудничества стало появление в СССР представительств банков ФРГ, в частности «Дойче банка», открытию которого активно способствовал В.М. Фалин. Кроме того советское посольство в Бонне вело активные переговоры с немецкими предпринимателями в рамках работы специального бюро при посольстве СССР в ФРГ.

Благодаря кредитам и возможности заработать и сэкономить валютные средства, а также путем погашения займов поставками газа была решена проблема строительства советской национальной транспортной энергетической

сети. «Поставки труб фирмами “Маннесман” и “Тиссен” Советскому Союзу будут финансироваться подобно предыдущим поставкам. Банковский консорциум предоставит советским покупателям кредит, который будет дешевле благодаря тому, что группа поставщиков оплачивает разницу между процентной ставкой, устанавливаемой по кредиту, и рыночной процентной ставкой.

Банковский консорциум (Дойче банк, Коммерцбанк, Дрезднер банк и Вестдойче ландесбанк) под руководством Дойче банка предоставит Банку для внешней торговли СССР кредит на сумму 1,5 млрд немецких марок, процентная ставка по которому должна составить только 7% и который должен погашаться до 1984 г. Однако, поскольку банки “ничего не могут дарить”, объединение поставщиков заплатит банкам разницу между фактической процентной ставкой по данному кредиту и рыночной процентной ставкой. Как стало известно, при этом ориентируются на обычные межбанковские процентные ставки по кредитам на три месяца, которые в настоящее время составляют около 12%. Таким образом, около 5% фирмы “Манесман” и “Тиссен” должны оплачивать за свой счет. Однако этот размер может изменяться сообразно колебаниям межбанковской процентной ставки. Но официально не имеется никакого подтверждения, что указанный порядок действует» [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402. Л. 16].

На фоне успехов в сотрудничестве с Советским Союзом ФРГ активно развивала экономические контакты с другими странами социалистического блока. Так, уже в 1970–1971 гг. на основании положений договоров о нормализации отношений были заключены торговые и экономические договоры с Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией и Венгрией. После подписания в 1972 г. Основополагающего акта с ГДР ФРГ заключила ряд важных в экономическом плане соглашений с ГДР. В 1974 г. был заключен договор с ПНР, в соответствии с которым расширялся список сфер взаимодействия двух держав. В результате стоимость экспорта ФРГ в ПНР в 1970–1974 гг. возросла почти в 5,5 раз, а стоимость импорта – в 2 раза[1].

Вследствие этого значительно вырос товарооборот между ФРГ и странами – членами Организации Варшавского договора. Так, к концу 1971 г. он увеличился более чем в 2,1 раза, а к 1975 г. – в 6,5 раз[2]. Кроме того, именно советско-западногерманские успехи в экономике стали почвой для «второй корзины» СБСЕ.

Торговый оборот ФРГ с соцстранами «развивался более быстрыми темпами, чем внешнеторговый товарооборот ФРГ в целом. Так, например, если общий товарооборот в ФРГ в 1974 г. увеличился на 26,7%, то товарооборот с

1. *Рассчитано автором по: [Haftendorn 1983, S. 338].*
2. *Рассчитано по: [Haftendorn 1983, S. 150].*

социалистическими странами вырос почти на 40%» [Начальнику Валютно-экономического управления, л. 14]. К 1975 г. ФРГ стала крупнейшим западным торговым партнером социалистических стран. Совместные действия СССР и ФРГ осуществлялись на рынках третьих стран. В особенности это касается торговых отношений с Аргентиной, Исландией, Грецией и другими странами по поставкам оборудования и иным операциям [Haftendorn 1983].

Финансовое сотрудничество

Ежегодное расширение проекта «Газ в обмен на трубы», строительство трубопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» для экспорта советского природного газа создали благоприятные условия для открытия советского банка в ФРГ. «Ост-Вест Хандельсбанк» (в переводе – «Торговый банк Восток – Запад») планировали открыть во Франкфурте-на-Майне, финансовом и банковском центре ФРГ с высокой деловой репутацией во всем мире [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 1–2]. Советская банковская система, несмотря на централизацию в рамках общей государственной финансовой политики, все активнее включалась в мировые рынки. Особенно активно советские банкиры действовали на Востоке. В период разрядки открылись широкие возможности для финансовых операций и на Западе [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 14–17]. В 1966 г. в Цюрихе был открыт «Восход Хандельсбанк», уставной капитал которого в 1968 г. составлял 20 млн швейцарских франков.

Создание самостоятельного коммерческого банка на территории ФРГ обсуждалось во время визита в Москву в 1970 г. министра финансов и экономики ФРГ Карла Шиллее [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395, л. 8]. Уже в 1971 г. «Ост-Вест Хандельсбанк» был зарегистрирован во Франкфурте-на-Майне. В 1972 г. его уставной капитал составил 20 млн марок ФРГ. Банк возглавил Андрей Ильич Дубоносов – старейший советский банкир, имевший богатый опыт работы в Англии, Китае, хорошо знавший европейские деловые круги. Основание банка было сопряжено с разными трудностями, в том числе территориальными. Посольство СССР находилось в Бонне, советское торговое представительство – в Кёльне, Совет центральных банков ФРГ – в Бонне, а Совет директоров – во Франкфурте-на-Майне. Германская банковская комиссия располагалась в Западном Берлине. Многочисленные согласования проходили между всеми этими структурами в разных городах.

Г.А. Титова, в то время заместитель начальника договорно-правового отдела Внешторгбанка, вспоминает, что все крупные коммерческие банки ФРГ отнеслись к советскому финансовому проекту с вниманием и дружелюбием. Руководитель банка земли Гессен, который семь лет провел в советском плену в Сибири, сказал советским банкирам, что уважает русский народ, и встретил со словами: «Вы видите перед собой друга» [Титова 2007, с. 414–415].

«Ост-Вест Хандельсбанк» задумывался как банк универсального типа, основным направлением деятельности которого должно было стать финансирование торговых операций между СССР, социалистическими странами и странами Запада, прежде всего ФРГ. 1 марта 1972 г. в присутствии западногерманских деловых кругов (500 гостей) банк был торжественно открыт. Сумма его баланса равнялась 546 млн марок ФРГ.

Хотя опыт открытия таких банков у советских специалистов уже имелся, не обошлось без скандала. На первых порах им активно помогали Анита Микульски и Йозеф Орглер, занимавшиеся операциями с недвижимостью. Они планировали создать Бриллиантовую биржу в противовес Амстердаму. Сами предложили советской стороне совместно арендовать особняк в деловой части города. Первоначально все уверяли друг друга в вечной дружбе, но только до тех пор, пока не выяснилось, что фирма «Импекс», принадлежавшая А. Микульски, не может вернуть заемные средства, взятые у «Ост-Вест Хандельсбанка» под строительство и оснащение здания Бриллиантовой биржи. Руководство этой фирмы подменило объект залога – драгоценные камни, чем нанесло значительный ущерб создаваемому банку. Потом началась судебная тяжба по условиям аренды, было открыто уголовное дело. В итоге прокуратура г. Франкфурта признала А. Микульски и Й. Орглера виновными в мошенничестве и аферах. А.И. Дубоносов перенес инфаркт. Ситуация была сложной. Но немецкие деловые круги отнеслись с пониманием и поддержали советский финансовый проект [Титова 2007, с. 416].

После подписания Соглашения о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и ФРГ в 1973 г. банк увеличил свой капитал до 50 млн марок ФРГ. По его подобию в 1973 г. был создан в Австрии «Донау-банк» с уставным капиталом в 100 млн австрийских шиллингов. На следующий год уже заработал «Ист-Вест Юнайтед Банк» в Люксембурге с капиталом 250 млн люксембургских франков.

Несмотря на то, что «Ост-Вест Хандельсбанк» не всегда вел успешную финансовую политику на западных рынках, он был совершенно необходим для создания и обслуживания новых финансовых институтов, которые активно развивались в период разрядки между СССР и ФРГ. Учреждались компании различного профиля, смешанные советско-германские предприятия (или основанные на советские средства): «Русалмаз», «Плодимпекс», «Транснаутик».

Воздушно-транспортное агентство «Транснаутик Аэро ГмбХ» занималось международными грузовыми авиаперевозками. Большой объем советскому товарообороту давали контракты на поставку зерна в СССР. Советские суда, осуществлявшие хлебный импорт, заправлялись и обслуживались в Гамбурге. Из «Транснаутика» осуществлялось регулирование движения и контроль за состоянием всего контейнерного флота Советского Союза за пределами страны. Компания снабжала советские суда топливом, водой и всем необходимым.

Через ее дочернюю компанию «Трансглоб» советская сторона смогла обходить запрет американцев на ввоз в СССР мощной электронной техники – вычислительных машин нового поколения [Титова 2007, с. 57].

За короткое время «Ост-Вест Хандельсбанк» активно начал вести операции с Внешторгбанком, Международным инвестиционным банком, другими учреждениями стран СЭВ и западногерманскими банками. Как впоследствии вспоминал В.В. Геращенко, один из наиболее авторитетных российских банкиров, возглавлявший Центральный банк России, «на него были большие расчеты нашего руководства – тогда как раз проходили огромные проекты, в частности “газ – трубы” для газопровода Уренгой – Помары – Ужгород». Объем операций в 1976 г. превышал 3 млрд марок ФРГ, а объем кредитования составил около 1,3 млрд марок ФРГ. Существенную часть своих платежных операций (по клирингу) с ФРГ восточноевропейские банки, равно как и Внешторгбанк СССР, осуществляли через «Ост-Вест Хандельсбанк» [Титова 2007, с. 87].

Финансовые операции СССР играли заметную роль на финансовых рынках, особенно в секторе экспортных кредитов. Импорт в СССР промышленного оборудования из ФРГ производился с оплатой его стоимости наличными или же за счет кредитов, предоставляемых банками и экспортерами ФРГ. С развитием торговли между СССР и ФРГ все большее значение стала приобретать покупка оборудования в кредит. Проценты по кредитам возрастали и достигли 12–13%. В 1975 г. советские экономисты подсчитали: «В результате переплат по кредиту Советский Союз имеет крупные валютные потери. Переплаты по кредитам ФРГ составляют не менее 10–12% суммы кредита. В абсолютных цифрах это означает, что по кредиту в 1,5 млрд рублей Советский Союз переплачивает 150–180 млн рублей» [РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402, л. 19].

Но другого пути не было. Благодаря кредитам и возможности сэкономить валютные средства через погашение займов поставками газа фактически строилась советская транспортная энергетическая сеть. Газовая и нефтяная отрасли СССР переживали огромный бум, постоянно требовались колоссальные инвестиции. Банковский консорциум («Дойче банк», «Коммерцбанк», «Дрезднер банк» и «Вестдойче ландесбанк») под руководством «Дойче банка» предоставлял советской стороне кредит, по условиям которого группа поставщиков оплачивала разницу между процентной ставкой, устанавливаемой по кредиту, и рыночной процентной ставкой.

Со стороны деловых кругов, представителей правительства и партийных деятелей ФРГ делались прямые заявления о готовности в самой близкой перспективе расширить объем торговли с СССР в 2–3 раза, поставлять в Советский Союз комплектное, самое современное оборудование для фабрик и заводов. В устной форме высказывались идеи о возможности наладить между ФРГ

и СССР обмен научно-техническим опытом вплоть до кооперации по совместной разработке отдельных проектов на основе передовых технологий [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571. Л. 228–229]. Со стороны Дрезденского банка делалось предложение о предоставлении Внешторгбанку СССР долгосрочного кредита для финансирования дальнейшего расширения советско-западногерманской торговли [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 229]. Но коммерческие предложения нередко наталкивались на политические ограничения.

В советском руководстве опасались изменений в кооперации социалистических стран в рамках СЭВа. С большим вниманием собиралась информация о развитии двусторонних отношений с ФРГ каждой из социалистических стран Восточной Европы. Отдельные контакты без согласования общей линии не приветствовались. Соответственно усиливалось представление о необходимости жесткой координации всех экономических инициатив, исходящих от деловых кругов ФРГ: «Было бы желательным вопросы торгово-экономических отношений с ФРГ решать в комплексе и по предварительному согласованию между социалистическими странами. Представляется целесообразным разработать (возможно, в рамках СЭВа) единую линию социалистических государств в области торгово-экономических связей с ФРГ с тем, чтобы обеспечить максимальную координацию их действий на западногерманском рынке. Это лишило бы Бонн возможности противопоставлять одни соцстраны другим. При этом следовало бы предусмотреть определенное ограничение бесконтрольного роста экономических связей социалистических стран с ФРГ, договорившись, например, об установлении максимально допустимого процента доли ФРГ во внешнеторговом обороте для каждого из членов СЭВ» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571, л. 231].

Конечно, в Москве понимали, что сотрудничество с ФРГ, занимавшей второе место в мире по объему торговли и являвшейся, по сути, третьей индустриальной державой мира, имело большую притягательную силу для восточноевропейских стран. Они испытывали острую потребность в получении кредитов и высокотехнологичном оборудовании. Также в руководстве СССР возрастало осознание острой необходимости сотрудничества с ФРГ для разработки своих огромных потенциальных ресурсов. Взаимная выгода была настолько очевидной, что в первой половине 1970-х годов в Москве и Бонне произошло существенное смягчение политических и военно-стратегических позиций в отношении друг друга [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 567, л. 75].

Вместо заключения

Огромный массив экономических документов в российских архивах еще нуждается в дальнейшей аналитической обработке и осмыслении. Уникальный опыт прагматичного сотрудничества между СССР и ФРГ показывает,

что реальный интерес деловых кругов обеих стран помог преодолеть не только политическое предубеждение и недоверие, но и системные различия. Мотором взаимного сближения стал масштабный энергетический проект. Его компромиссная формула «газ в обмен на трубы» смогла запустить в движение многие механизмы сотрудничества, поскольку соответствовала насущным запросам экономик двух стран. Для высокотехнологичных корпораций ФРГ были необходимы советские поставки нефти и газа, объемный восточноевропейский рынок, нуждавшийся в качественной продукции – от труб и станков до модных изделий. Для СССР открылись огромные возможности в развитии отечественной и зарубежной инфраструктуры в поставках энергоресурсов на Восток и Запад Европы. Не менее важную роль играли западногерманские кредиты, которые использовались для создания внутренней и внешней трубопроводной системы. Отдельными сферами взаимного притяжения стали логистические операции через порт в Гамбурге, финансовые расчеты между новыми советскими банками в Европе и банками ФРГ, а также поставки новейшего оборудования и высоких технологий. Созданная в период разрядки система совместных предприятий логично вписывалась в общий формат советско-западногерманского партнерства.

Высокая степень динамики партнерства в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов показывает, что в этот период действительно произошел огромный прорыв не только в двусторонних отношениях между Москвой и Бонном, но и по всей геополитической линии Восток – Запад. Особенно впечатляют быстрые темпы создания правового регулирования, когда одно крупное соглашение следовало сразу за другим, каждый раз существенно расширяя и облегчая возможности партнерства.

Стоит отметить, что основы прагматичного сотрудничества были заложены в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Проекты энергетических поставок уже в 1960-е годы способствовали достаточно быстрому преодолению политической конфронтации между Восточным блоком и Западом. Но только в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов движение навстречу друг другу стало набирать невероятно высокие обороты. Однако экономическая динамика была бы невозможна без политического консенсуса в треугольнике СССР – США – ФРГ.

Выстраивание доверительных каналов связи между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Бонном способствовало политической стабилизации в Европе и чрезвычайному расширению деловой активности по всем линиям Восток – Запад. Если в советско-американских отношениях обмен мнениями осуществлялся по формальным и личным дипломатическим каналам, то в отношениях между СССР и ФРГ особое значение приобрели профсоюзные связи. Профсоюзы ФРГ, тесно связанные с Социал-демократической партией, сыграли роль своеобразного буфера в политических отношениях Москвы и

Бонна. Через них развивались общественные контакты и происходил интенсивный обмен мнениями по актуальным вопросам с советской стороной.

Однако не стоит идеализировать общую картину разрядки, поскольку заинтересованные стороны сохраняли недоверие друг к другу и внутреннюю дистанцию, стремясь обезопасить свои стратегические позиции.

Особое значение в развитии экономических процессов разрядки имеют финансовые контакты. За годы этой разрядки создались устойчивые банковские платформы, на которых выстраивалось мощное взаимовыгодное сотрудничество. Банковский фактор – еще одно убедительное свидетельство острой заинтересованности друг в друге. Советская система, несмотря на все ограничения, постепенно встраивалась в мировые финансовые рынки, расширяя сферы деятельности, особенно в закупках импортного оборудования и взаимных расчетах в торгово-финансовых операциях.

Таким образом, за сравнительно небольшой период – конец 1950-х первая половина 1970-х годов – отношения СССР и ФРГ вышли на качественно новый уровень. Обе страны осознавали свою ответственность за стабилизацию отношений в Европе, испытывали серьезные потребности в ресурсах друг друга и в то же время глубокое недоверие, иногда доходящее до враждебности. Примерно до середины 1960-х годов груз нерешенных политических вопросов, обусловленных прежде всего статусом Западного Берлина и признанием ГДР, не давал возможности продвинуть прагматичные интересы на ту глубину, которая была необходима экономикам двух стран. Но движение навстречу друг другу уже началось по инициативе канцлера К. Аденауэра и было поддержано впоследствии канцлерами Л. Эрхардом и К.Г. Кизингером. Несмотря на то, что циклы взаимного притяжения чередовались с периодами отторжения и резкого политического похолодания, это движение вперед продолжалось. Прежде всего потому, что деловые круги СССР и ФРГ четко осознавали и продвигали свои экономические интересы. Смена внешнеполитического курса новой администрации президента США Р. Никсона стала важным фактором развития отношений СССР и ФРГ. «Восточная политика» канцлера В. Брандта, равно как и политика разрядки Л. Брежнева создали новую экономическую и политическую реальность в Европе. Реальность взаимовыгодного сотрудничества и преодоления на этой основе сложных политических проблем ради устойчивого развития Европы.

Библиография

Абрасимов П.А. 300 метров от Бранденбургских ворот. Взгляд сквозь годы. М.: Политиздат, 1983. 352 с.

Ахтамзян А.А. Германия и Россия на рубеже веков. М.: МГИМО, 2010. 162 с.

Брандт В. Воспоминания. М.: Новости, 1991. 526 с.

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 332 с.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5451. Оп. 52. Д. 813.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–1.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–15.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–2.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–21.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 52. Д. 872–5.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 496.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 499.
ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 72. Д. 500.
Громыко А.А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990. Кн.1. 512 с.
Громыко А.А. Памятное. М.: Издательство политической литературы, 1990 а. Кн. 2. 559 с.
История Германии. М.: Книжный дом «Университет», 2008. Т. 2. 672 с.
Истягин Л. Германия и Россия на исторической развилке // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 116–120.
Кремер И.С. ФРГ: этапы «восточной политики». М.: Международные отношения, 1986. 224 с.
Крылов С.Б. Главный внешнеэкономический партнер России: (об экономическом сотрудничестве России и Германии) // Международная жизнь. 2002. № 8. С. 42–44.
Максимычев И.Ф. Место ГДР в истории XX в.: восстановление российско-германских отношений // Россия XXI. 2014. № 5. С. 22–41.
Максимычев И.Ф. Россия и Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М.: Книжный мир, 2014а. 512 с.
Новиков А.А., Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс», 2005. 606 с.
Павлов Н.В. Архитектор Московского договора // «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громыко. М.: Весь мир; 2019. С. 256–267.
Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 3. Оп. 72. Д. 304.
РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 387.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 669.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 415.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 571.
РГАНИ. Ф. 5. оп. 62. Д. 567.
РГАНИ. Ф. 5. оп. 62. Д. 568.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 569.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 574.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 685.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 686.
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 620.
РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 570.
РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 2324. Оп. 34. Д. 395.
РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 34. Д. 402.
Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1967−1976. Вып. XXII−XXX.
Смирнов С.В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (7). С. 193–201.

Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. М.: Министерство иностранных дел РФ – Государственный департамент США, 2007. Т. 1. 1969 – май 1972. Кн. 1: 1969–1971. 726 с.

Соглашение между Правительством СССР и Правительством ФРГ о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества от 19.05.1973 // Сборник действующих соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1975. Вып. XXIX: договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1973 г. С. 226–228.

Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германия от 05.07.1972 // Сборник действующих, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1974. Вып. XXVIII: договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1972 г. С. 199–201.

Соглашение о долгосрочной перспективе развития взаимного экономического, промышленного и технического сотрудничества между СССР и ФРГ от 18.01.1974 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Международные отношения, 1976. Вып. XXX: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1974 г. С. 219–221.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 1999. 465 с.

Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993. 240 с.

Филитов А.М. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969–1970 гг. // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 83–96.

Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. 1955–1982. Baden-Baden, 1983. 767 S.

Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kalten Krieg. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2016. 375 S.

Mökli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.

Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München: De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/ dok_0246_war_de.pdf (дата обращения: 19.11.2020).

References

Abrasimov P.A. 300 metrov ot Brandenburgskix vorot. Vzglyad skvoz` gody` [300 meters from the Brandenburg Gate. A look through the years]. Moscow: Politizdat, 1983. 352 p. (In Russ.)

Axtamzyan A.A. Germaniya i Rossiya na rubezhe vekov [Germany and Russia at the turn of the century]. Moscow, 2010. 162 p. (In Russ.)

Brandt V. Vospominaniya [Memories]. Moscow: Novosti, 1991. 526 p. (In Russ.)

Falin V.M. Bez skidok na obstoyatel`stva. Politicheskie vospominaniya [No discounts for circumstances. Political memories]. Moscow: Centrpoligraf, 1999. 465 p. (In Russ.)

Filitov A.M. Germanskij vopros: ot raskola k ob``edineniyu. Novoe prochtenie [The German question: from split to unification. New reading]. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1993. 240 p. (In Russ.)

Filitov A.M. Treugol`nik Moskva – Berlin – Bonn i politika evropejskoj razryadki v 1969–1970 gg. [Triangle Moscow – Berlin – Bonn and the policy of European detente in 1969–1970]. Voprosy` istorii. 2017. N 1. P. 83–96. (In Russ.)

GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]). F. 5451. Op. 52. D. 813. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–1. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–15. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–15. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–2. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–21. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 52. D. 872–5. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 496. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 499. (In Russ.)

GARF. F. 5451. Op. 72. D. 500. (In Russ.)

Gromy`ko A.A. Pamyatnoe [Memorable]. Moscow: Izdatel`stvo politicheskoj literatury`, 1990. Vol. 1. 512 p. (In Russ.)

Gromy`ko A.A. Pamyatnoe [Memorable]. Moscow: Izdatel`stvo politicheskoj literatury`, 1990 a. Vol. 2. 559 p. (In Russ.)

Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung. Zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. 1955–1982. Baden-Baden, 1983. 767 S.

Istoriya Germanii. [History of Germany]. Moscow: Knizhny`j dom «Universitet», 2008. Vol. 2. 672 p. (In Russ.)

Istyagin L. Germaniya i Rossiya na istoricheskoj razvilke [Germany and Russia at a historical fork]. Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2002. N 4. P. 116–120. (In Russ.)

Kremer I.S. FRG: e`tapy` «vostochnoj politiki» [Germany: stages of «Eastern policy»]. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1986. 224 p. (In Russ.)

Kry`lov S.B. Glavny`j vneshnee`konomicheskij partner Rossii: (ob e`kon. sotrudnichestve Rossii i Germanii) [The main foreign economic partner of Russia: (about economic cooperation between Russia and Germany)]. Mezhdunarodnaya zhizn`. 2002. N 8. P. 42–47. (In Russ.)

Loth W. Die Rettung der Welt. Entspannungspolitik im Kalten Krieg. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2016. 375 S.

Maksimy`chev I.F. Mesto GDR v istorii XX v.: vosstanovlenie rossijsko-germanskix otnoshenij [The place of the GDR in the history of the twentieth century: the restoration of Russian-German relations]. Russia XXI. 2014. N 5. P. 22–41. (In Russ.)

Maksimy`chev I.F. Rossiya i Germaniya. Vojna i mir. Ot mirovy`x vojn k evropejskoj bezopasnosti [Russia and Germany. War and Peace. From World Wars to European Security]. Moscow: Knizhny`j mir, 2014. 510 p. (In Russ.)

Mökli D. European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2009. 488 p.

Niedhart G. Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975. München: De Gruyter Oldenbourg, 2014. 131 S.

Novikov A.A., Pavlov N.V. Vneshnyaya politika FRG ot Adenaue`ra do Shryodera [Foreign policy of Germany from Adenauer to Schröder]. Moscow: ZAO «Moskovskie uchebniki – SiDiPress», 2005. 609 p. (In Russ.)

Patrushev A.I. Germanskaya istoriya: cherez ternii dvux ty`syacheletij [German history: through the thorns of two millennia]. Moscow: Izdatel`skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2007. 708 p. (In Russ.)

Pavlov N.V. Arxitektor Moskovskogo dogovora [Architect of the Moscow Treaty]. «Vojna mezhdu gosudarstvami – velikoe zlo». K 110-letiyu A.A. Gromy`ko. Moscow: Ves` mir; 2019. P. 256–267. (In Russ.)

Pavlov N.V. Istoriya vneshnej politiki Germanii ot Bismarka do Merkel`: Ucheb. posobie [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel: textbook. allowance]. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2012. 800 p. (In Russ.)

RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archives of Economics]). F. 2324. Op. 34. D. 395. (In Russ.)

RGAE. F. 2324. Op. 34. D. 402. (In Russ.)

RGANI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii [Russian State Archive of Modern History]). F. 3. Op. 72. D. 304. (In Russ.)

RGANI. F. 3. Op. 72. D. 387. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 50. D. 669. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 61. D. 415. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 61. D. 571. (In Russ.)

RGANI. F. 5. op. 62. D. 567. (In Russ.)

RGANI. F. 5. op. 62. D. 568. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 569. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 574. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 685. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 62. D. 686. (In Russ.)

RGANI. F. 5. Op. 63. D. 620. (In Russ.)

RGANI. F. 80. Op. 1. D. 570. (In Russ.)

Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. XXII−XXX [Collection of treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1967−1976. Iss. XXII−XXX. (In Russ.)

Smirnov S.V. U istokov rossijsko-germanskogo e`nergeticheskogo vzaimodejstviya [At the origins of Russian-German energy cooperation]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. N 2 (7). P. 193–201. (In Russ.)

Soglashenie mezhdu Pravitel`stvom SSSR i Pravitel`stvom FRG o razvitii e`konomicheskogo, promy`shlennogo i texnicheskogo sotrudnichestva ot 19.05.1973 [Agreement between the Government of the USSR and the Government of the Federal Republic of Germany on the development of economic, industrial and technical cooperation from 19.05.1973]. Sbornik dejstvuyushhix soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1975. Iss. XXIX: dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdu 1 yanvarya i 31 dekabrya 1973 g. P. 226–228. (In Russ.)

Soglashenie mezhdu Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Federativnoj Respublikoj Germaniya ot 05.07.1972 [Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Federal Republic of Germany from 05.07.1972]. Sbornik dejstvuyushhix, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1974. Iss. XXVIII: dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdu 1 yanvarya i 31 dekabrya 1972 g. P. 199–201. (In Russ.)

Soglashenie o dolgosrochnoj perspektive razvitija vzaimnogo jekonomicheskogo, promyshlennogo i tehnicheskogo sotrudnichestva mezhdu SSSR i FRG ot 18.01.1974 [Agreement on the long-term development of mutual economic, industrial and technical cooperation between the USSR and Germany of 18.01.1974]. Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1976. Iss. XXX:

Dejstvujushhie dogovory, soglashenija i konvencii, vstupivshie v silu mezhdu 1 janvarja i 31 dekabrja 1974 g. P. 219–221. (In Russ.)

Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. Gody` razryadki 1969–1976 [Soviet-American relations. The years of detente 1969–1976]. Sbornik dokumentov. Moscow: Ministerstvo inostranny`x del RF – Gosudarstvenny`j departament SShA, 2007. Vol. 1. 1969 – may 1972. Iss. 1: 1969–1971. 752 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Germaniya v XX veke [Germany in the XX century]. Moscow: ROSSPE`N, 2002. 332 p. (In Russ.)

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über die Grundlagen der Normalisierung ihrer gegenseitigen Beziehungen vom 7. Dezember 1970. URL: http://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0246_war_de.pdf (date of access: 19.11.2020.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.12

Д.П. Шатило

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ РАССЕЛЕНИЯ ИММИГРАНТОВ И СТОИМОСТИ ЖИЛЬЯ

Аннотация. *В исследовании проведен сравнительный анализ распределения стоимости жилой недвижимости и расселения иммигрантов в крупнейших глобальных[1] городах Европы и их влияние на социальную дифференциацию. Современные модели дифференциации городских территорий должны учитывать растущее число приезжих и этническое разнообразие, характерные для всех глобальных городов, в том числе европейских. Кроме того, в последние десятилетия важность изучения взаимосвязи социальной дифференциации и расселения иммигрантов подкрепляются чередой трагических конфликтов на межэтнической основе. События в Париже (2005) продемонстрировали провал миграционной политики и мер по адаптации иммигрантов. Часто причины социально-этнических проблем кажутся очевидными: иммиграционные меньшинства создают напряженную обстановку в городе и в районе, поэтому конфликты можно трактовать как межкультурные. Однако помимо фактора расселения иммигрантов на социальную дифференциацию в европейских городах влияют и социокультурные контрасты.*

Используя методы анализа территориальных структур расселения иммигрантов и распределения цен на недвижимость (данные о которой собирались по авторской методике), было установлено, что в городах с долгой историей иммиграции обилие иммигрантов в районах с дешевым жильем и невысокими доходами свидетельствуют о неэффективности политики интеграции, а в дорогих – являются результатом социального роста и успешной адаптации. В Москве, где более четко проявилось соответствие территориальных структур, существует прямая зависимость между долей иммигрантов и ценами на жилье. Опыт зарубежных городов важен и для Москвы, где пока не так много иммигрантов, но их число постоянно растет, хоть и медленнее, чем в других городах Европы.

1. Термин «глобальный город» впервые ввела Саския Сассен в 1991 г. Глобальный город – элемент мировой экономики, имеющий ключевое значение для регионов мира [Sassen, 2001].

Ключевые слова: *Москва; крупнейшие столицы Европы; расселение иммигрантов; территориальная дифференциация цен на жилье; социально-этническое расслоение.*

Шатило Дарья Павловна – кандидат географических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия, Москва.
E-mail: shatilo@inion.ru **Researcher ID: U-6884-2018**
Scopus Author ID: 56557023400

Shatilo D.P. The social differentiation processes in the European global cities. The Example of the immigrants' settlement pattern and the houses prices

Abstract. *The article aims at a comparative analysis of the residential real estate prices distribution and the immigrants' settlement patterns with their impact on social differentiation in the largest European global cities. This topic is significant because the immigration and ethnic diversity are increasing in all global cities, including the European ones. Besides, over the last decades, its importance was manifested in a series of tragic conflicts on an ethnic basis. The events in Paris (2005) demonstrated the failure of migration policies and measures to adapt immigrants. Often the causes of socio-ethnic problems seem obvious: immigration minorities create a tense atmosphere in the city and in the districts. That is why conflicts can be interpreted as multicultural. However, in addition to the factor of immigrant settlement pattern, social differentiation in European cities is also influenced by sociocultural contrasts.*

The article is based on territorial structures analysis of immigrant share and residential real estate differentiation. The houses prices data was collected by the author's method. It was found that in cities with a long history of immigration, an abundance of immigrants in areas with cheap housing and low incomes is a sign of ineffective integration policies. The immigrants' concentration in the districts with high resident prices is the result of social growth and successful adaptation. The territorial structures coincidence is more clearly shown in Moscow, because there is a direct correlation of the share of immigrants with housing prices. Foreign European cities experiences are, among other things, important for Moscow, where there are not so many immigrants so far, but their number is constantly growing, though more slowly than in other European cities.

Keywords: *Moscow; the largest European capitals; the immigrants settlement pattern; territorial differentiation of housing prices; socio-ethnic stratification.*

Shatilo Daria Pavlovna – PhD in Geographic Science,
Researcher, INION RAN. Russia, Moscow.
E-mail: shatilo@inion.ru Researcher ID: U-6884-2018
Scopus Author ID: 56557023400

Введение

Социальная дифференциация свойственна всем территориям, а ее анализ важен для понимания основных механизмов расселения как коренных жителей, так и иммигрантов. Столичные города Европы притягивают население, в том числе и иммигрантов. Актуальность изучения социальной дифференциации обусловлена растущими социально-этническими конфликтами, массовыми волнениями, возникающими в кварталах, в которых преобладают иммигранты. Цель исследования – понять, как особенности расселения иммигрантов и распределения рынка цен на жилье в крупнейших глобальных городах Европы влияют на социальную дифференциацию.

В исследовании рассматриваются пять крупнейших столиц (и агломераций) Европы по численности населения, по положению в рейтинге глобальных городов, по схожей истории этапов иммиграции. Автор попытался выделить особенности социальной дифференциации в Москве, Лондоне, Париже, Мадриде и Берлине. Все выбранные столицы сопоставимы с Москвой.

Социальная дифференциация – важная комплексная тема, которой занимаются представители разных научных дисциплин в России и за рубежом. Этническая сторона вопроса освещается в трудах О.И. Вендиной [Вендина 2009], А.В. Капралова [Капралов, 2008], Н.В. Мкртчяна [Мкртчян, 2009], Ж.А. Зайончковской и Н.В. Мкртчяна [Роль миграции 2009], М.С. Савоскул [Савоскул 2015a; 2015b], А. Гжегорчик [Grzegorczyk 2013], Ч. Пича [Peach 2009]; проблемы экономической и социальной дифференциации рассмотрены в работах Н.В. Зубаревич [Зубаревич 2008], А.И. Трейвиша [Трейвиш 2017], Н.А. Слуки [Слука 2009] и др. Распределение стоимости жилой недвижимости и анализ городской среды в Москве представлен в работах А.Г. Махровой [Махрова 2014], А.А. Попова [Попов и др., 2016], В.Р. Битюковой [Битюкова 2006].

Социальное неравенство изучается с разных точек зрения. Многие экономисты применяют расчетные методы и математические модели. Однако территориальный и картографический методы используются редко.

Постоянно растущие социально-пространственные неравенства в европейских городах – особая проблема на современном этапе. Несмотря на то что многие авторы считают, что сегрегация в Европе не так высока, как, например, в США [Préteceille 2009; Musterd 2005; Jaczewska, Grzegorczyk, 2016; Baileyetal. 2017], социальная дифференциация постоянно растет и в Европе [Herbert 1979; Kesteloot 2005; Cassiers, Kesteloot 2012]. Однако по сравнению с городами в других частях света, в европейских столицах по-прежнему существует сильная муниципальная власть и активное гражданское общество [Cassiers, Kesteloot 2012; Socio-Economic Segregation 2015]. Поэтому успех или неудача социальной политики зависит как от самой политики, так и от признания местных особенностей [Mingione 2004].

Пространственные неравенства в европейских городах намного сложнее и разнообразнее, чем просто различия между «богатыми и бедными центрами и периферией», тем более в динамике. Это усложняет задачу анализа социальной дифференциации «модели европейского города» [Häussermann, Haila 2005; Cassiers, Kesteloot 2012].

Ученые выделяют этническую сегрегацию и пространственную концентрацию. Пространственная сегрегация рассматривается большинством ученых как распределение по территории различных социальных слоев населения. Если представители разных групп и социальных слоев равномерно распределены по территории, то сегрегации нет. Чем больше отклонение от равномерного распределения, тем выше степень сегрегации [Johnston et al. 1986; Socio-Economic Segregation 2015]. Суть вопроса заключается в пространственном масштабе. Пространственная сегрегация может проявляться между городами и их пригородами, между городскими кварталами или даже между жилыми домами в этих районах [Van der Meer, Tolsma 2014; Uslaner 2012; Laurence 2016, p. 1–23].

В литературе подчеркиваются негативные последствия пространственной сегрегации и концентрации, которые сводятся к ограничению свободных действий и возможностей людей. Например, сосредоточение безработных может оказать разрушительное влияние не только на них самих, но и на положение района в целом [Putnam 2007]. Также отсутствие должного образования и знаний языка приводит к обострению социальных проблем и обособлению района. Негативные последствия также сказываются на усугублении отрицательного образа района, который не только не привлекает другие социальные группы населения, но и становятся изолированной территорией с большой степенью маргинализации [Van Kempen, Şule Özüekren 1998; Burgers, Musterd 2002; Murie, Musterd 2004]. Это может привести к образованию гетто в районе, где все жители принадлежат к одной этнической, расовой или религиозной группе, и все члены этой группы живут именно в этом районе (т.е. они не живут за его пределами). Иными словами, речь идет об отсутствии у людей свободного выбора и возможностей жить где-то еще.

Однако у процессов пространственной концентрации и сегрегации есть немало преимуществ. Благодаря физической близости единомышленников, социальные контакты могут привести к появлению и сохранению культуры, которая не основывается на нормах и ценностях принимающего общества. Из-за качественных социальных связей люди могут помогать и поддерживать друг друга и даже извлекать из этого выгоду. Иногда из-за более обширных знаний, умений и навыков данная конкретная группа людей может приобрести конкурентные преимущества, что несколько уменьшает изоляцию для населения района.

Существуют разные подходы к объяснению концентрации и сегрегации, но самые основные – этнокультурный, территориальный (выбор района проживания), поведенческий (особенности поведения). В частности, при этнокультурном подходе жилищные условия и схемы проживания различаются между группами, и эти различия могут быть связаны с культурной дистанцией. В этом случае учитывается выбор места проживания. «Белые» и «азиаты» имеют более сильные предпочтения в отношении соседства, чем латиноамериканцы и выходцы из Африки [Clark 2009]. Например, преобладающее большинство азиатов в Великобритании все еще вдохновлено «мифом о возвращении», поэтому они не заинтересованы в ассимиляции в британском обществе [Van Kempen, Şule Özüekren 1998; Clark 2009].

Также большую роль играют социальная политика и отношение к мигрантам, поэтому правовой статус иммигрантов влияет на их предпочтения в выборе места жительства. Кроме того, иммигранты могут быть заинтересованы в получении гражданства, а политика в отношении предоставления социальной защиты, льгот и избирательных прав стимулирует иностранных граждан в принятии этого решения.

Дифференциация городского пространства показывает, как расселение иммигрантов влияет на городские структуры. В выделенных пяти столицах в последнее время миграционные процессы проявляются наиболее ярко. Цель исследования – сравнение социальной дифференциации на примере расселения иммигрантов в Москве и крупнейших столицах Европы, а также выявление особенностей адаптации иммигрантов в принимающей их среде.

Под социальной и этнической дифференциацией понимаются различия между группами населения, проживающими на определенной территории.

В сравнении с городами Европы, Москва явно проигрывает по наличию доступной соответствующей статистики. Однако и по другим городам сопоставимых данных немного. Здесь и начинается поиск взаимосвязей, корреляций, зависимостей между социальной дифференциацией и расселением иммигрантов. Для начала можно опереться на исходную гипотезу: иммигранты селятся в дешевых районах, а их массовость, в свою очередь, снижает стоимость жилья и ухудшает социальные показатели района. Однако это не всегда соответствует реальности.

Следует отметить, что во многих научных работах города рассматриваются как точки на карте, без привязки к территориальной структуре. Поэтому сравнительный географический анализ внутригородских особенностей и международного опыта зарубежных столиц крайне важен для Москвы, где существует множество оснований для возникновения социальной напряженности, так как дешевые районы притягивают как иммигрантов, так и малообеспеченных российских граждан. Москва, как и Российская Федерация в целом, с 2000-х годов начала более активно притягивать иностранных

мигрантов, поэтому зарубежный опыт представляет для нашей страны особый интерес.

В территориальном плане сопоставимы только ядра городов, центральные их части имеют некоторые различия, а агломерации[2], или городские регионы, сильно разнятся. Париж, в официальной границе имеющий площадь 105,4 км^2, крайне мал, а Иль-де-Франс, или Парижский регион (площадь 12 тыс. км^2), в 114 раз больше. Как правило, в исследованиях рассматривается Большой Париж, т.е. Париж и три соседних департамента Малой короны. В нашем исследовании были выбраны: Берлин и Мадрид в официальных границах, Лондон и Париж в несколько расширенных «больших» границах. Москва рассматривается в границах до 2012 г., т.е. до присоединения новых территорий.

Неравенство – сложное социально-экономическое явление. В науке оно изучается через призму доступа к материальным (доходам, жилью) и нематериальным ресурсам (образование, здравоохранение, культура). В последние десятилетия во всех странах мира возросло неравенство по доходам [Доклад о неравенстве, 2018]. В настоящее время эта тема является одной из наиболее обсуждаемых в научном и политическом сообществах. Однако изучать неравенство по доходам внутри глобальных городов крайне сложно. Неточные данные о показателях доходов населения по районам изучаемых городов не вполне сопоставимы, поэтому возникает необходимость искать другие индикаторы социального расслоения. Нами были совершены трудоемкие и кропотливые расчеты цен на жилую недвижимость по сайтам различных риэлторских компаний. Они выполнялись на протяжении десяти лет, т.е. с 2008 г., что позволяло выявить динамику ценообразования.

Административно-территориальное деление (АТД) Лондона представляет собой 33 крупные ячейки: Сити и 32 округа (borough), состоящих из 624 кварталов (ward). Большой Париж состоит из четырех департаментов – 20 округов Парижа в административных границах и 123 коммуны Малой Короны Парижа. Париж intra-muros (территория Парижа, ограниченная Парижской окружной дорогой, исключая Булонский и Венсенский леса) состоит из 1371 квартала. АТД Мадрида представлено 21 крупным районом, состоящим из 131 квартала. Москва в границах до 2012 г. без присоединенных территорий состоит из десяти округов, которые делятся на 125 районов.

Средняя общая площадь объектов жилищ, как правило, составляла 65–100 м^2. Далее была рассчитана удельная стоимость 1 м^2 жилья в районе (или

2. «Под городской агломерацией понимается группа близко расположенных городов, поселков и других населенных мест с тесными культурно-бытовыми и производственными связями и интенсивными маятниковыми передвижениями» (цит. по: [Перцик, 2009]).

квартале), которая исчислялась путем деления общей цены квартиры на общую площадь. Следует отметить, что так как одна из целей исследования – выявление территориальной дифференциации жилья с учетом ее динамики, составленная база подходит для оценки средней стоимости жилья, но не масштабов рынка.

Особенности расселения иммигрантов в модельных городах

Иммигрант, как правило, – это иностранец, прибывший в ту или иную страну на постоянное или временное (но длительное) пребывание. В каждой стране есть свои правила приема иммигрантов; квоты, методы и принципы учета тоже отличаются. В Великобритании иммигранты, оставшиеся на год и более, уже считаются постоянным населением. Во Франции, Великобритании, Германии выделяется категория лиц с «миграционным прошлым», к которым отнесены лица, родившиеся в этих странах. Кроме того, существует категория этнических меньшинств, о которых говорить не принято из соображений политкорректности и сохранения единства нации (именно так дело обстоит во Франции). В Великобритании выделяют расово-этнические группы, в Германии учитывается владение языком и история репатриантов. Основной критерий для выделения мигрантов в России – регистрация. «Этнические меньшинства» (кроме «белых» европейцев) фиксируются только в Лондоне. Разные принципы учета иммигрантов и этнических групп осложняют исследование проблемы и влияют на результаты анализа. За рамками изучения остаются вынужденные мигранты, которые не самостоятельно выбирают место жительства. Особую проблему не только для изучения, но и для принятия управленческих решений представляют нелегальные иммигранты, но исследование этой группы не входит в наши задачи.

Дефиницию «иммигранты» можно считать условно-собирательной. Это лица, приехавшие на постоянное или долговременное проживание, зачастую с намерением получить гражданство принимающей страны; туристы и временные работники в эту категорию не входят. Статистические данные в разных странах не вполне сопоставимы, однако заменить их нечем. В Лондоне число мигрантов составляет 3 млн человек (37% населения города), в том числе до 50% из них были рождены в Великобритании, большинство – ее граждане; в Париже – 1,6 млн (24,5%); в Берлине – 675 тыс. жителей-иностранцев (18,9%); в Мадриде – 547 тыс. иностранцев (16,9%). В Москве на миграционном учете находится 1 млн человек (9%), около половины из них – без гражданства РФ[3] [Шатило 2018].

3. На регистрационный учет становятся как иностранные, так и внутренние мигранты. Вторые за рамками данного исследования, их около 555 тыс. Однако обе

Столичные города в последнее время становятся ареной этно-социальных конфликтов, на возникновение которых влияет в том числе и история самой иммиграции. Возникновение межэтнической напряженности свидетельствует о том, что процессы нарастания различий между группами населения в крупнейших столицах Европы опережают процессы адаптации и ассимиляции. Длительность миграции, численность иммигрантов и политика, проводимая властями, определяют расселение мигрантов, появление анклавов, своеобразных «гетто». При повышении социального статуса иммигранта, роль «этничности» в его жизни снижается, что в свою очередь влияет на улучшение условий проживания и выбор района проживания.

Москва

Население Москвы в последние 30 лет растет в основном за счет приезжих – как из других регионов России, так и иммигрантов. Наблюдается естественная убыль населения, на рождаемость влияют социально-экономические процессы, способствующие снижению естественного прироста.

Миграционная политика Российской Федерации в настоящее время предусматривает как защиту прав иммигрантов, так и усиление контроля над их въездом и регистрацией. В нашей стране осуществлен диверсифицированный подход к учету видов миграции (добровольная и вынужденная, внутренняя и внешняя, легальная и др.). Принят ряд мер по сокращению нелегальной иммиграции (введение патентов для работы в 2015 г.). Следует отметить, что в связи с вынесением МФЦ (многофункциональный центр) в Новую Москву (Сахарово, 46 км от МКАД), усложнилась процедура получения регистрации, получения вида на жительство и российского гражданства. В настоящее время этот процесс стал настолько трудоемким и бюрократизированным, что порой проще и быстрее съездить в другие регионы РФ и оформиться там (в том числе и потому, что там нет таких очередей, как в Москве). Информация в СМИ предоставляется, как правило, однобоко, в более выгодном и благоприятном свете.

Официальные порайонные данные о числе и составе мигрантов взяты из официальной переписи населения Российской Федерации в 2010 г. Недостаток данных по районам Москвы о происхождении иммигрантов – не только один из важнейших дефектов статистики, но и фактор, максимально усложняющий сравнительный анализ Москвы с другими европейскими столицами, где такие данные имеются.

цифры часто считают заниженными, по некоторым оценкам, – втрое, т.е. и российских отходников, и гастарбайтеров из других стран может быть по 1,5 млн. В работе условно принята за основу цифра в 1 млн иммигрантов.

Число лиц, указавших гражданство в Москве, составило в 2010 г. 11,2 млн человек, из них иностранцами считались всего 128,2 тыс. [Мосстат 2019]. Для такого глобального города, как Москва, эта цифра прежде всего говорит о достаточном уровне учета иностранных граждан, а не об их номинальном числе. Цифра занижена, с нашей точки зрения, минимум в 10 раз. В официальной статистике фиксируются сведения о национальности и гражданстве, однако русскими могут быть представители стран СНГ, к примеру, украинцы или азербайджанцы – «коренные москвичи» во втором или третьем поколении и т.д. Среди лиц, указавших иностранное гражданство, преобладали выходцы из Украины, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении. По данным переписи, их привлекали прежде всего Южный, Западный, Северо-Восточный, Юго-Западный округа Москвы. Однако такие слишком обобщенные данные не позволяют представить подробный территориальный анализ расселения иммигрантов и даже иностранцев.

Особую ценность представляют исследования географа О.И. Вендиной [Вендина 2009]. Однако она рассматривала ситуацию на конец 1990 – начало 2000-х годов. В ее работе показано, что иностранцы в целом расселены в окраинных районах, особенно в восточных частях города. В центральной части и в западных районах, кроме Солнцева, иностранцев меньше. В статье 2019 г. О.И. Вендина, А.Н. Панин и В.С. Тикунов – как и автор настоящей статьи – опираются на перепись 2010 г. [Вендина и др. 2019].

Лондон

В Великобритании именно Лондон притягивает новых иммигрантов. До 45% прибывших этнических иммигрантов сконцентрированы в агломерации столицы, кроме пакистанцев, которых вербовали для работы на рудниках и которые расселены по всей территории страны. В Великобритании ведется этническая статистика, что, с одной стороны, облегчает исследование, но с другой – усложняет сравнение Лондона с другими столицами, так как в них учитываются не этнические группы, а страна происхождения или гражданство. В 2001 г. доля «белых британцев» в населении страны составляла 73%, к 2011 г. этот показатель сократился до 44,9%.

Для Лондона характерно разнообразие этнических групп, среди которых доминируют «небелые» (BAME – Black, Asian and minority ethnic), такие как африканские и карибские негры, индийцы, бангладешцы, пакистанцы, китайцы, метисы, арабы, вьетнамцы. Большинство из них (84%) имели гражданство Великобритании [ONS 2018]. С этим преобладанием этнических групп в большей степени связан и естественный прирост населения, на 500 тыс. человек примерно каждые восемь лет. Если иммигрантами считать лишь тех, у кого нет гражданства Великобритании, то доля иммигрантов резко упадет до

6,5% (это сильное занижение, тем более, что официальная статистика Великобритании публикует официальные данные по этническим меньшинствам, т.е. тем, кто так или иначе имеет, миграционное прошлое). Еще одна особенность Лондона связана с высокой долей иммигрантов: 37% лондонцев родом не из Великобритании (что почти в 3 раза больше, чем общий уровень по стране), из которых 25% родились за пределами Европы.

Даже на крупном административно-территориальном уровне Лондон отличает обилие районов с преобладанием этнических меньшинств и иммигрантов (в особенности «небелых»). В Лондоне из 33 районов в девяти этнические меньшинства составляют более половины населения. Кроме того, здесь в срединной зоне города есть кварталы, где доля этнических меньшинств достигает 94%.

Париж

Париж, как и Лондон, считается старейшим центром притяжения иммигрантов. В городе есть районы, привлекающие иммигрантов из более бедных стран как доступностью аренды (или покупки) жилой недвижимости, так и наличием социального жилья; в этих районах доходы ниже, безработица выше и т.д. Следует отметить, что расселение иммигрантов в Париже – результат целенаправленной и во многом ошибочной политики городских властей, которые на протяжении десятилетий строили социальное жилье в пригородных районах на севере и северо-востоке. Такие районы можно назвать «гетто», хотя их наличие властями как Парижа, так и Франции в целом отрицается. Однако есть в Париже и районы с дешевым жильем и малой долей иммигрантов. Кроме того, романо-язычные иммигранты могут селиться и в дорогих районах, так как зачастую заняты в качестве обслуживающего персонала в более богатых районах (впрочем, как и в Мадриде). Концентрация отдельных групп иммигрантов в Париже – это результат не только миграционной политики, но и политики предоставления социального жилья. Воссоединение семей трудовых иммигрантов из бывших французских колоний привело к увеличению их концентрации в районах с дешевой недвижимостью. Социальное жилье часто размещается не только на территории Малой Короны, но и за ее пределами, что привело к расширению зон притяжения иммигрантов за границами изучаемой территории.

Мадрид

Миграция в Мадрид – сравнительно новый социальный процесс. В XXI в. приток иммигрантов продолжал расти: в 2000 г. число иммигрантов в испанской столице удвоилось. В 2006 г. доля иностранцев в населении города была равна 13%, а в 2009 г. – 17%. Одной из причин увеличения притока имми-

грантов стал рост экономики Испании в 1980–1990 гг., и, в частности строительный бум. В эти годы в стране начался рост доходов и увеличение спроса на услуги. Развивающаяся экономика требовала новых рабочих рук, дефицит которых возник на фоне демографического спада и увеличения роли третичного сектора. Еще одной причиной роста иммиграции стало ужесточение приема иммигрантов в США, что изменило направление эмиграции из стран Латинской Америки в Испанию, куда была упрощена процедура въезда. Иммигранты в основном расселялись в более дешевых районах.

С 2008 г. из-за мирового финансово-экономического кризиса начал сокращаться приток иммигрантов в Мадрид. Многие иммигранты уезжали не только из Мадрида, но и из Испании, так как столица редко бывала главным центром их притяжения. Особо отмечено в официальных данных, что большинство иммигрантов – женщины. Начиная с 2017 г. число иммигрантов в Мадрид стало постепенно увеличиваться, но их расселение меняется мало.

Берлин

По численности населения Берлин – крупнейший город Германии, но он расположен вдали от остальных центров страны, а его долгая история с разделением на Восточный и Западный Берлин до сих пор влияет на большинство социальных и экономических процессов: в восточных районах меньше доля иммигрантов, потому что они селились в западной части, кроме этого доходы на востоке страны ниже. В последние десятилетия наблюдается рост числа берлинцев с иностранными паспортами. Если учитывать иммигрантов, получивших немецкое гражданство, Берлин – это один из самых полиэтничных городов Германии, хотя до воссоединения страны он отличался моноэтническим составом населения.

Мигранты из разных стран способствуют росту населения Берлина. Традиционно миграционную картину сформировала трудовая иммиграция из стран Западной Европы, США в Западный Берлин. В Восточный Берлин приезжали выходцы из стран соцлагеря, однако в целом иммигрантов там в 3 раза меньше, чем в Западном Берлине, что прослеживается и поныне. Еще одна особенность Берлина заключается в том, что в центральных районах вдоль бывшей Берлинской стены располагаются районы концентрации иммигрантов, где их доля составляет 30–50%.

Взаимосвязь расселения иммигрантов со стоимостью жилой недвижимости

Для иммигрантов приобретение (и аренда) жилья – одна из важнейших задач. Поэтому комплексный анализ расселения иммигрантов и цен на жилье

отражает не только социальную дифференциацию, но и общие проблемы городов и их новых горожан.

Для того, чтобы более объективно провести сравнение городов (с учетом разных статистических данных о доле, составе иммигрантов и их доходах) автором был разработан алгоритм отбора «средних» квартир или домов. В результате была составлена собственная база данных с ценами на жилую недвижимость по web-сайтам риэлторских компаний. Объекты недвижимости выбраны максимально схожие в изучаемых городах. От каждого района и квартала отбирались более 40 предложений об аренде или продаже трехкомнатных квартир, или квартир с двумя спальнями. Эксперты по изучению рынков недвижимости считают эту выборку максимально репрезентативной. За 2008–2018 гг. было изучено порядка 350 тыс. предложений со 170 сайтов.

На дифференциацию стоимости жилья в Москве влияют экономические и внеэкономические факторы, на изменение цен повлиял мировой финансово-экономический кризис 2008 г. и валютный кризис 2014–2015 гг. Для Москвы характерна радиально-кольцевая структура распределения цен на жилье с более дорогой застройкой в западной части города. Почти все элитные жилые комплексы находятся внутри Садового кольца и районах, ограниченных ТТК за редким исключением. Также по ценам на жилую недвижимость выделены Западный и Северо-Западный округа, а также районы вдоль магистралей (Ленинский, Ленинградский, Кутузовский проспекты, иногда – проспект Мира). Самая обширная зона – это жилая застройка со средними ценами на недвижимость, в которую попадают 55 районов Москвы. Сюда входят большинство районов Восточного административного округа между МКАД и ТТК. К самым дешевым отнесены районы на юго-востоке города. История их развития связана с размещением промышленных зон. В эту же категорию входят и просто отдаленные от центра районы (например, Бутово, Бирюлево и др.).

Для Лондона характерна большая степень мозаичности распределения цен на жилье. Даже внутри небольших кварталов цены на жилье сильно различаются. В Лондоне выявлена зона высоких цен в центре на юго-западе города, хотя это более заметно на уровне кварталов, чем районов.

В Большом Париже резко доминирует Париж в административных границах. Самые дорогие районы – центр и запад города, самые дешевые – коммуны департамента Сена-Сен-Дени. В районах близких к Парижу и особенно в тех, где хорошо развита деловая инфраструктура, в частности Ла-Дефанс, также стоимость жилья растет.

В Мадриде зоны дорогого жилья находятся в центральных районах и более зеленых северо-западных кварталах. Однако по последним данным, в городе усиливается социальное расслоение и по имущественному признаку. Более дорогие объекты недвижимости становятся еще более недоступными для горожан, в то время как процесс запоздалой реконструкции центральных

районов с более старой исторической застройкой с целью привлечения состоятельных слоев населения, дополнительно усилил контрасты.

Берлин по стоимости жилья более контрастен, чем по расселению иммигрантов. Цены здесь не сильно влияют на расселение иммигрантов. На фоне других изучаемых городов Берлин может считаться самым дешевым, но в последнее время рост цен более заметен, что объясняется нехваткой жилья и низкими процентами по ипотеке.

Заключение

В глобальных городах Европы рассмотрены разные модели расселения иммигрантов. В Лондоне и Париже как наиболее экономически успешных, обилие иммигрантов не всегда означает, что район беден. В Лондоне обособленно селятся «белые британцы», но одновременно есть зоны корреляции высокой доли иммигрантов и высокой стоимости жилья.

В Большом Париже наблюдается более равномерное расселение иммигрантов в целом. Однако есть группы, которые очень узко локализированы и создают социальную напряженность, другие – более равномерно распределены по городу и более благополучны на фоне повышенных контрастов в стоимости жилья. Департамент Сена-Сен-Дени резко выделяется по дешевизне жилья, низким доходам, уровню безработицы и наибольшей доли иммигрантов.

В Мадриде наблюдается сходная с Парижем картина: в местах с дорогим жильем и при посольствах, вузах, в деловых районах обособленно селятся выходцы из более «богатых» стран. Расселение этнических групп коррелирует с доходами и состоянием рынка, которые влияют на возможности населения приобрести или арендовать жилье.

В Берлине до сих пор ощущается фактор Берлинской стены: на западе доля иммигрантов почти в 3 раза выше, чем в восточной части города. В центральных и дешевых районах вдоль бывшей Берлинской стены селятся самые разнообразные группы мигрантов, которые после объединения Германии стали постепенно селиться и в восточной части города. Кроме того, районы, расположенные в восточной части Берлина, притягивают инвесторов из других европейских стран, которых привлекают низкие цены на недвижимость.

В Москве на фоне других столиц очень скудны порайонные данные о происхождении и количестве иммигрантов. Это делает ее почти не сопоставляемой с другими изучаемыми глобальными городами Европы в рамках поставленных исследовательских задач. Опыт зарубежных столиц важен для Москвы, он был бы полезен для принятия более грамотных управленческих решений и сокращению иммиграционных проблем, связанных с растущим числом иммигрантов, с которыми уже столкнулись глобальные города Европы.

Библиография

Битюкова В.Р., Махрова А.Г., Соколова Е.П. Экологическая ситуация как фактор дифференциации цен на жилье в г. Москве // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 6. С. 34–41.

Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 115–122.

Вендина О.И. Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–148.

Вендина О.И., Паин Э.А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.

Доклад о неравенстве в мире 2018. 20 с. // WID.WORLD [Электронный ресурс]. URL: https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf (дата обращения 10.10.2019).

Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // SPERO. 2008. № 9. С. 7–22.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 18–44.

Капралов А.В. Социально-экономические проблемы расселения иммигрантов в Парижской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2008. № 6. С. 54–59.

Махрова А.Г. Особенности стадиального развития Московской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 10–16.

Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–164.

Мосстат: Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области: официальный сайт. URL: https://mosstat.gks.ru/ (дата обращения: 20.03.2020).

Перцик Е.Н. Геоурбанистика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2009. 432 с.

Попов А.А., Шатило Д.П., Саульская Т.Д. Промышленные зоны г. Москвы как фактор экологической ситуации и дифференциации цен на жилье // Экология и промышленность России. 2016. № 2. С. 32–38.

Савоскул М.С. Территориальные системы международных миграций населения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015а. № 6. С. 11–18.

Савоскул М.С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 2015б. № 4 (50). С. 56–65.

Слука Н.А Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.

Трейвиш А.И. Схемы осредненных регионов России: попытка моделирования «снизу» // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 6. С. 5–18.

Шатило Д.П. Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов) в крупных столицах Европы. Автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2018. 28 с.

Bailey N., Gen, W., van, Musterd S. Remaking Urban Segregation: Processes of Income. Sorting and Neighbourhood Change // Population Space and Place. 2017. N 23(3). P. 1–16.

Burgers J., Musterd S. Understanding Urban Inequality. A model based on existing theories and an empirical illustration // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. N 2. P. 403–413.

Cassiers T., Kesteloot C. Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities // Urban Studies. 2012. Vol. 49 (9). P. 1909–1924.

Clark W. Changing residential preferences across income, education, and age: Findings from the multi-city study of urban inequality // Urban Affairs Review. 2009. N 44 (3). P. 334–355.

Grzegorczyk A. Social and ethnic segregation in the Paris metropolitan area at the beginning of the 21st century // Regional studies on development (MGRSD). 2013. Vol. 17. N 2. P. 20–29.

Häussermann H., Haila A. The European city: a conceptual framework and a normative project. Y. Kazepov (Ed.) // Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements and the Challenge to Urban Cohesion, Oxford: Blackwell, 2005. P. 43–65.

Herbert D. Introduction: Geographical Perspectives and Urban Problems // Social Problems and the City: Geographical Perspectives. Oxford: University Press, 1979. P. 1–10.

Jaczewska B., Grzegorczyk A. Residential segregation of metropolitan areas of Warsaw, Berlin and Paris // Geographia Polonica. 2016. Vol. 89. Iss. 2. P. 141–168.

Johnston R.J., Gregory D., Smith D.M. The Dictionary of Human Geography. 2 Ed. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 576 p.

Kemper F.J. Restructuring of Housing and Ethnic Segregation: Recent Developments in Berlin // Urban Studies. 1998. Vol. 35. N 10. P. 1765–1789.

Kesteloot C. Urban socio-spatial configurations and the future of European cities // Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 123–148.

Laurence J. Wider-community Segregation and the Effect of Neighbourhood Ethnic Diversity on Social Capital: An Investigation into Intra-Neighbourhood Trust in Great Britain and London. Newbury Park: SAGE Publications, 2016.

Mingione E. Family, welfare and districts: the local impact of new migrants in Italy // European Urban and Regional Studies. 2009. N 16. P. 225–236.

Murie A., Musterd S. Social Exclusion and Opportunity Structures in European Cities and Neighbourhoods // Urban Studies. 2004. Vol. 41. N 8. P. 1441–1459.

Musterd S. Social and ethnic segregation in Europe: levels, causes and effects // Journal of Urban Affairs. 2005. N 27. P. 331–348.

ONS (Office for National Statistics): official site // URL:www.ons.gov.uk/ (дата обращения: 28.02.2020).

Peach C. Slippery segregation: discovering or manufacturing ghettos? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. N 35. P. 1381–1395.

Préteceille E. La ségrégation ethno-raciale a-t-elle augmenté dans la métropole parisienne? // Revue française de sociologie. 2009. N 50 (3). P. 489–519.

Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century: The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. N 30 (2). P. 137–174.

Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2 edition. Princeton: Princeton University Press; 2001. 480 p.

Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West. London: Routledge, 2015. 414 p.

Uslaner E. Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion. New York: Cambridge University Press, 2012. 284 p.

Van der Meer T., Tolsma J. Ethnic diversity and its effects on social cohesion // Annual Review of Sociology. 2014. N 40 (1). P. 459–478.

Van Kempen R., ŞuleÖzüekren A. Ethnic segregation in cities: new forms and explanations in a dynamic world // Urban studies. 1998. N 35(10). P. 1631–1656.

References

Bailey N., Gen, W., van, Musterd S. Remaking Urban Segregation: Processes of Income. Sorting and Neighbourhood Change. Population Space and Place. 2017. N 23(3). P. 1–16.

Bityukova V., Makhrova A., Sokolova Ye. Ekologicheskaya situaciya kak factor differenciacii cen na zhil'e v g. Moskve [The ecological situation as a factor in the differentiation of housing prices in Moscow]. Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. 2006. N 6. P. 34–41. (In Russ.)

Burgers J., Musterd S. Understanding Urban Inequality. A model based on existing theories and an empirical illustration. International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. N 2. P. 403–413.

Cassiers T., Kesteloot C. Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities. Urban Studies. 2012. Vol. 49 (9). P. 1909–1924.

Clark W. Changing residential preferences across income, education, and age: Findings from the multi-city study of urban inequality. Urban Affairs Review. 2009. N 44 (3). P. 334–355.

Doklad o neravenstve v mire 2018 [World Inequality Report 2018]. 20 p. // WID.WORLD. Electronic Resource. URL: https://wir2018.wid.world/files/ download/wir2018-summary-russian.pdf (date of access: 10.10.2019). (In Russ.)

Grzegorczyk A. Social and ethnic segregation in the Paris metropolitan area at the beginning of the 21st century. Regional studies on development (MGRSD). 2013. Vol. 17. N 2. P. 20–29.

Häussermann H., Haila A. The European city: a conceptual framework and a normative project. Ed. by Y. Kazepov. Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements and the Challenge to Urban Cohesion, Oxford: Blackwell, 2005. P. 43–65.

Herbert D. Introduction: Geographical Perspectives and Urban Problems. Social Problems and the City: Geographical Perspectives. Oxford: University Press, 1979. P. 1–10.

Jaczewska B., Grzegorczyk A. Residential segregation of metropolitan areas of Warsaw, Berlin and Paris. Geographia Polonica. 2016. Vol. 89. Is. 2. P. 141–168.

Johnston R.J., Gregory D., Smith D. M. The Dictionary of Human Geography. 2 Ed. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 576 p.

Kapralov A. Social'no-ekonomicheskie problem rasseleniya immigrantov v Parizhskoj aglomeracii [Socio-economic problems of the immigrants resettlement in the Paris agglomeration]. Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. 2008. N 6. P. 54–59. (In Russ.)

Kemper F.J. Restructuring of Housing and Ethnic Segregation: Recent Developments in Berlin. Urban Studies. 1998. Vol. 35. N 10. P. 1765–1789.

Kesteloot C. Urban socio-spatial configurations and the future of European cities. Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 123–148.

Laurence J. Wider-community Segregation and the Effect of Neighbourhood Ethnic Diversity on Social Capital: An Investigation into Intra-Neighbourhood Trust in Great Britain and London. Newbury Park: SAGE Publications, 2016.

Makhrova A. Osobennosti stadial'nogo razvitiya Moskovskoj aglomeracii [Specific features of stadial development of the Moscow agglomeration]. Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. 2014. N 4. P. 10–16. (In Russ.)

Mingione E. Family, welfare and districts: the local impact of new migrants in Italy. European Urban and Regional Studies. 2009. N 16. P. 225–236.

Mkrtchyan N. Migracionnaya mobil'nost' v Rossii: ocenki i problemy analiza [Migration mobility in Russia: assessments and problems of analysis]. SPERO. 2009. N 11. P. 149–164. URL: http://spero.socpol.ru/ docs/N11_2009_08.pdf (date of access: 10.06.2018). (In Russ.)

Mosstat: Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po g. Moskve i Moskovskoj oblasti: oficial'nyj sajt [Office of the Federal State Statistics Service for Moscow and the Moscow Region]. URL: https://mosstat.gks.ru/ (date of access: 20.03.2020). (In Russ.)

Murie A., Musterd S. Social Exclusion and Opportunity Structures in European Cities and Neighbourhoods. Urban Studies. 2004. Vol. 41. N 8. P. 1441–1459.

Musterd S. Social and ethnic segregation in Europe: levels, causes and effects. Journal of Urban Affairs. 2005. N 27. P. 331–348.

ONS (Office for National Statistics): official site. URL: www.ons.gov.uk/ (date of access: 28.02.2020).

Peach C. Slippery segregation: discovering or manufacturing ghettos? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. N 35. P. 1381–1395.

Pertsik E. Geourbanistika [Urban geography]. Moscow: Publishing Center Academia, 2009. 432 p. (In Russ.)

Popov A., Saulskaya T., Shatilo D. Promyshlennye zony g. Moskvy kak factor ekologicheskoj situaci i differenciacii cen na zhil'e [The Industrial Zones as a Factor of Ecological Situation and Housing Prices Variation in Moscow]. Ecology and Industry of Russia. 2016. Vol 20. N 2. P. 32–38. (In Russ.)

Préteceille E. La ségrégation ethno-raciale a-t-elle augmenté dans la métropole parisienne? Revue française de sociologie. 2009. N 50 (3). P. 489–519.

Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century: The 2006 Johan Skytte Prize Lecture. Scandinavian Political Studies. 2007. N 30 (2). P. 137–174.

Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2 edition. Princeton: Princeton University Press; 2001. 480 p.

Savoskul M. Obzor teorij mezhdunarodnoj migracii naseleniya vtoroj poloviny XX v. [Theory of international migration in the second half of the 20th century]. Regional studies. 2015b. N 4 (50). P. 56–65. (In Russ.)

Savoskul M. Territorial'nye sistemy mezhdunarodnyh migracij naseleniya [Territorial systems of international population migration]. Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. 2015a. N 6. P. 11–18. (In Russ.)

Shatilo D. Social'naya differenciaciya gorodskih territorij (na primere stoimosti zhil'ya i rasseleniya immigrantov) v krupnyh stolicah Evropy [Social differentiation of urban areas (on the example of the houses prices and the immigrants' settlement pattern) in large European capitals]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2018. 28 p. (In Russ.)

Sluka N. Geodemograficheskie fenomeny global'nyh gorodov [Geodemographic phenomena of global cities]. Smolensk: Oikumena, 2009. 317 p. (In Russ.)

Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West. London: Routledge, 2015. 414 p.

Treivish A. Skhemy osrednennyh regionov Rossii: popytka modelirovaniya «snizu» [Schematics of Russia's Averaged Regions: Modeling Attempted "from Below"]. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic. 2017. N 6. P. 5–18. (In Russ.)

Uslaner E. Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion. New York: Cambridge University Press, 2012. 284 p.

Van der Meer T., Tolsma J. Ethnic diversity and its effects on social cohesion. Annual Review of Sociology. 2014. N 40 (1). P. 459–478.

Van Kempen R., ŞuleÖzüekren A. Ethnic segregation in cities: new forms and explanations in a dynamic world. Urban studies. 1998. N 35 (10). P. 1631–1656.

Vendina O. Kul'turnoe raznoobrazie i pobochnye effekty etnokul'turnoj politiki v Moskve [Cultural diversity and side effects of ethnocultural politics in Moscow]. Immigrants in Moscow. Ed. by Zh. Zayonchkovskaya. Moscow: Three squares, 2009. P. 45–148. (In Russ.)

Vendina O., Pain E. Mnogoetnichnyj gorod. Problemy i perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem v krupnejshih gorodah [Multi-ethnic city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities]. Moscow: Sector, 2018. 184 p. (In Russ.)

Vendina O., Panin A., Tikunov V. Social'noe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social space of Moscow: features and structure]. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic. 2019. N 6. P. 115–122. (In Russ.)

Zajonchkovskaya Zh.A., Mkrtchyan N.V. Rol' migracii v dinamike chislennosti i sostava naseleniya Moskvy [The role of migration in the dynamics of the number and composition of the population of Moscow Immigrants in Moscow]. Immigrants in Moscow. Ed. by Zh. Zayonchkovskaya. Moscow: Three squares, 2009. P. 18–44. (In Russ.)

Zubarevich N. Social'no-ekonomicheskoe razvitie regionov: mify i realii vyravnivaniya [Socio-economic development of regions: myths and realities of alignment]. SPERO. 2008. N 9. P. 7–22. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.13

Д.И. Булдакова

РЕЗОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА «О ВАЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ДЛЯ БУДУЩЕГО ЕВРОПЫ» В ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЙСКИХ СМИ 2019 г.

Аннотация. *Статья посвящена освещению в российских СМИ резолюции Европейского Парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (19 сентября 2019). Автор рассказывает как о самой резолюции, так и о том, почему именно эта тема стала объектом пристального внимания СМИ. Причина в том, что Россия и Запад оценивают роль пакта Молотова – Риббентропа диаметрально противоположно. Автор описывает и анализирует различные точки зрения на заключение пакта – как советскую, германскую и западную 1930–1940-х годов, так и современную, нашедшую выражение в отечественной и западной историографии, а также научной публицистике. Таким образом, эта историческая ситуация изучается как в синхронической, так и в диахронической плоскостях.*

Следует отметить, что в большинстве статей, несмотря на все их различия, приводятся ссылки на высказывания действующих российских политиков, а именно: Президента РФ В.В. Путина и официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой и др. Помимо высказываний действующих политиков анализируются взгляды современных историков на тему резолюции, пакта Молотова – Риббентропа, итогов и последствий Второй мировой войны.

В основе заключения лежит вывод, согласно которому обе стороны – как российская, так и западная – упрекают друг друга в намеренном искажении фактов и попытках добиться их переоценки. Целью этих действий является создание такого образа событий конца 1930–1940-х годов, который соответствовал бы современной политической прагматике каждой из сторон. Впрочем, этот прецедент не является уникальным и характеризуют не столько специфику исторической ситуации периода Второй мировой войны, сколько нынешнюю напряженность в отношениях между Россией и Западом.

Ключевые слова: *Европейский парламент; резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»; пакт Молотова – Риббентропа; Вторая мировая война; российские СМИ; Владимир Путин; Министерство иностранных дел Российской Федерации; исторический ревизионизм.*

**Булдакова Дарья Игоревна – младший научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН);
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Россия, Москва. E-mail: darinbouldakova@yandex.ru**

Buldakova D.I. The resolution of European parliament «On the importance of European remembrance for the future of Europe», as construed in the Russian Mass Media, 2019

Abstract. *The article focuses on how the Russian mass media represented the European Parliament's resolution «On the importance of European remembrance for the future of Europe» (19 Sep. 2019). The author characterizes the resolution itself and the reasons why this specific topic has attracted so much of media attention. What would seem to fuel the discussion around this historical issue is the fact that Russia and the Western world have contrasting attitudes to the role of the Molotov – Ribbentrop Pact, signed in 1939. Accordingly, the author describes and analyzes different standpoints on that event – expressed in the 1930s and 1940s in Soviet, Nazi and Western sources as well as in the current points of view of Russian and Western historians and political essayists. Thus, the problem under study is examined both synchronically and diachronically.*

The article highlights the factors that link all the media materials on the given topic. It is emphasized that most of them – no matter how different they are in their attitude towards the historical events analyzed – contain references to the statements by the contemporary Russian politicians – primarily President V. Putin and M. Zakharova, the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs. In addition to their pronouncements, the text deals with the views of the contemporary historians on such issues as the EU's resolution, the Molotov – Ribbentrop Pact, the outcomes and the consequences of the Second World war.

Concluding, the author states that both sides – the Russian and the Western one – keep accusing each other of deliberate fact distortion and attempts to re-evaluate the events of the 1930s – 1940s. These stances are politically-generated and targeted at presenting the events that preceded the Second World War in a way that would be consistent with the present-day political aims of Russia and her Western opponents. This situation, however, is not unique and characterizes the currently existing tensions between political rivals rather than the real course of events.

Keywords: *the European Parliament; resolution «On the importance of European remembrance for the future of Europe»; the Molotov – Ribbentrop Pact; the Second World War; Russian media; Vladimir Putin; The Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation; historical revisionism.*

Buldakova Daria Igorevna – Junior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Ph.D. Student, Russian State University for the Humanities (RGGU); Russia, Moscow. E-mail: darinbouldakova@yandex.ru

Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» была принята 19 сентября 2019 г. 535 депутатов резолюцию поддержали, 66 – проголосовали против, 52 – воздержались.

В резолюции высказывается осуждение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, которые, согласно резолюции, «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй мировой войны» [Importance of European remembrance for the future of Europe 2019].

Пакт Молотова – Риббентропа, осуждаемый в резолюции, всегда оценивался (в том числе и современниками) неоднозначно. Так, даже И.В. Сталин еще в 1939 г. признавал, что «Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии» [Безыменский 2009, с. 267], но делал ставку на то, «чтобы они (капиталистические страны. – *Д. Б.*) подрались хорошенько и ослабили друг друга» [Безыменский 2009, с. 267]. Более того, уже во время Великой Отечественной войны Сталин по-прежнему не признавал подписание пакта ошибкой: «Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом» [Сталин 1948, с. 11]. К.М. Симонов был солидарен со Сталиным: «В моих глазах Сталин был прав, что сделал это. А то, что практически ни Англия, ни Франция, объявив войну немцам, так и не пришли полякам на помощь, подтверждало для меня то, что писалось о бесплодности и неискренности с их стороны тех военных переговоров о договоре, который мог бы удержать Германию от войны. Вдобавок было на очень свежей памяти всё давнее: и Мюнхен, и наша готовность вместе с Францией, если она тоже это сделает, оказать помощь Чехословакии, и оккупация немцами Чехословакии, – всё это было на памяти, и всё это подтверждало, что Сталин прав» [Симонов 1990, с. 69].

Гитлер же писал, что Россия не заинтересована в сохранении Польши, а также – что предложение подписать пакт поступило именно от русских. Целью пакта Гитлер видел ослабление Польши, а также уничтожение гегемонии Англии [Ширер 2015, с. 571]. Примерно те же мысли высказывал генерал вермахта (затем – военный историк) К. фон Типпельскирх: «Они (русские. – *Д. Б.*) решили нарушить свою прежнюю сдержанность и первые стали зондировать почву в Берлине, что позволило вскоре сделать вывод об их стремлении к политическому взаимопониманию с Германией» [Типпельскирх 1999,

с. 13]; «То, что Гитлер хотел войны, хотя бы локальной, является документально подтвержденным фактом. Но он бы не добился так легко этой цели, если бы не нашел необходимых союзников и противников в лице Советского Союза, Англии и Польши. Решающее значение имела позиция Советского Союза. Когда Гитлер заручился его согласием, у него появилась уверенность в том, что он выиграет войну против западных держав» [Типпельскирх 1999, с. 16].

У. Черчилль считал, что «только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт», хотя и оправдывал действия СССР тем, что «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи» [Черчилль 1997, с. 189].

На протяжении десятилетий СССР отрицал существование секретного протокола к пакту (несмотря на гриф секретности на протоколе, информация о его существовании утекла практически сразу) – документа, определявшего сферы влияния СССР и гитлеровской Германии по отношению к странам Балтии и юго-востока Европы, в частности Польше. Впервые текст протокола был обнародован только 24 декабря 1989 г. – на Съезде народных депутатов СССР, где подписание пакта было осуждено. Безусловно, протокол не был юридическим основанием для передела границ, однако сам факт его существования этот передел предрешил. Именно в связи с этим дискуссии о пакте Молотова – Риббентропа не утихают и по сей день, и именно в связи с этим в резолюции Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» осуждается подписание пакта, в частности, и предвоенная политика СССР в целом.

Министерство иностранных дел РФ и президент РФ, в частности, отреагировали на ряд положений резолюции негативно, а российские средства массовой информации эту реакцию широко осветили.

19 сентября, непосредственно в день принятия резолюции, вышла информационная заметка в газете «Взгляд.ру» «Европарламент принял резолюцию против пересмотра истории» [Ануфриева 2019], где делался акцент на огромном перевесе голосов «за» над «против» – 565 против 66.

Автор заметки Наталья Ануфриева ссылается не на конкретные материалы ТАСС, а на его главную страницу. Цитируются положения резолюции: «осуждает исторический ревизионизм и прославление нацистских коллаборационистов в некоторых государствах – членах ЕС» [Ануфриева 2019]; «трагическое прошлое Европы должно и впредь служить источником морального и политического вдохновения для решения задач сегодняшней жизни» [Ануфриева 2019].

Говоря же непосредственно об упоминании пакта Молотова – Риббентропа, Ануфриева подчеркивает имеющееся противоречие между позицией Европарламента по этому поводу и остальной частью резолюции: «При этом значительная часть принятой резолюции содержит резкую критику политики руководства СССР. Например, в документе утверждается, что Вторая мировая война была спровоцирована Германией и СССР, подписавшими пакт Молотова – Риббентропа» [Ануфриева 2019], а также цитируется соответствующее положение резолюции.

Автор отмечает позицию Европарламента касательно оккупации Советским Союзом части польской территории и стран Балтии, развязывания войны с Финляндией и приводит очередную цитату, которая содержит, в частности, указание на «необходимость в повышении осведомленности, проведении моральных оценок и проведении юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур» [Ануфриева 2019]. Отдельно уделяется внимание вопросу о памятниках: «Наличие в общественных местах некоторых государств-членов (ЕС. – *Д. Б.*) памятников и мемориалов, прославляющих тоталитарные режимы, открывает путь для искажения исторических фактов о последствиях Второй мировой войны, а также для пропаганды тоталитарной политической системы» [Ануфриева 2019]; – имеются в виду, очевидно, памятники советским солдатам-освободителям.

Автор не навязывает свою позицию, использует обезличенное множественное число первого рода – «отметим» [Ануфриева 2019]), выражает ее достаточно определенно. Автор указывает на остроту проблемы ревизионизма в истории, которая выражается в переписывании украинских учебников «с опорой на украинский национализм» [Ануфриева 2019], в критике Израилем Польши «за переписывание истории Второй мировой войны» [Ануфриева 2019], а также Вильнюса «за попытки скрыть участие литовцев в Холокосте» [Ануфриева 2019], в отмечании в Латвии «дня легионера Ваффен СС» [Ануфриева 2019]. Информация об этих событиях подкрепляется ссылками на другие материалы, опубликованные на «Взгляд.ру», – такие, как, например, «Историк: Заявления Киева об Анне Ярославне опираются на украинский национализм» [Никитина 2017] и «Отношение властей Латвии к акциям легионеров СС похоже на шизофрению» [Вишневский 2017]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что автор и позицию Европарламента относительно пакта Молотова – Риббентропа считает по меньшей мере переписыванием истории.

* * *

РБК опубликовали сжатый, но вместе с тем содержательный материал Е. Пудовкина и П. Химшиашвили – «Путин трижды за неделю осудил резолюцию Европарламента. Что важно знать» [Пудовкин, Химшиашвили 2019].

Материал делится на три части: «Что говорится в резолюции Европарламента» [Пудовкин, Химшиашвили 2019], «Что вызвало негодование президента России» [Пудовкин, Химшиашвили 2019] и «Как резолюция осложнила отношения с Польшей» [Пудовкин, Химшиашвили 2019].

В первой части авторы дают статистику голосов «за» и «против» принятия резолюции, указывают некоторых ее соавторов (как то бывший министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и бывший президент Румынии Т. Бэсеску) и, конечно, приводят перевод основных положений резолюции, не забыв дать ссылку на оригинал. В целом перевод корректен как с языковой, так и с идеологической точек зрения.

Во второй части авторы в том же формате поясняют, что именно вызвало недовольство президента России: в первую очередь это приравнивание Советского Союза к нацистской Германии. Так, приводится ссылка на стенограмму заседания организационного комитета «Победа», занимавшегося организацией празднования 75-й годовщины окончания Великой Отечественной войны [Заседание Российского организационного комитета «Победа» 2019]. Приравнивать же эти режимы друг к другу нельзя, поскольку «“надо вспомнить, кто напал на Польшу 1 сентября 1939 года и на Советский Союз 22 июня в 1941 году”. В обоих случаях это была гитлеровская Германия» [Пудовкин, Химшиашвили 2019].

Также авторы пишут, что Путин не считает возможным уравнивание нацизма и тоталитаризма в целом. Приводятся слова, произнесенные им на пресс-конференции 19 декабря 2019 г. [Большая пресс-конференция Владимира Путина 2019]: «Можно как угодно предавать анафеме и сталинизм, и тоталитаризм в целом, и в чем-то это будут заслуженные упреки, безусловно <...>. Но приравнивать Советский Союз или ставить на одну доску Советский Союз и фашистскую Германию – это верх цинизма» [Пудовкин, Химшиашвили 2019]. Хотя фактически повторяется то, что уже было сказано в предыдущем положении о приравнивании Советского Союза к гитлеровской Германии, не вполне ясно, что президент подразумевает под тоталитаризмом.

По мнению президента, Вторую мировую войну «[...] спровоцировал не пакт Молотова – Риббентропа, а так называемый Мюнхенский сговор 1938 года» [Пудовкин, Химшиашвили 2019]. Авторы напоминают, что же такое Мюнхенский сговор: «(Мюнхенское соглашение о передаче чехословацкой Судетской области Германии было подписано Гитлером и представителями Великобритании, Франции и Италии. – *РБК*)» [Пудовкин, Химшиашвили 2019], а также дают ссылку на неформальный саммит СНГ 20 декабря 2019 г. [Неформальный саммит СНГ 2019], где Путин об этом, собственно, и говорил. Также на этом саммите Путин напомнил главам стран СНГ, что были и другие документы о ненападении, подписанные в преддверие войны (Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей 1934 г., Англо-

германское морское соглашение 1935 г., Англо-германская декларация-пакт Чемберлена и Гитлера 1938 г., Франко-германская декларация 1938 г., Договор между Литовской республикой и Германским рейхом 1939 г., Договор о ненападении между Германским рейхом и Латвией 1939 г.); и хронологически пакт Молотова – Риббентропа из них – последний.

Наконец авторы цитируют Путина, утверждающего, что российская сторона никогда не заявляла о вине Польши, стран Балтии и Запада в развязывании Второй мировой войны. При этом в отличие от предыдущих абзацев ссылка на первоисточник не приводится.

Особое внимание в статье уделяется осложнению отношений с Польшей в результате резолюции. Так, «руководство европейских стран [перед началом Второй мировой войны. – *Д. Б.*], в том числе и Польши, “бросило свой народ под колесницу германской нацистской военной машины”, – сказал Путин 20 декабря» [Пудовкин, Химшиашвили 2019] (ссылка на первоисточник не приводится), а «через четыре дня российский президент назвал работавшего в Германии посла Польши Юзефа Липски “сволочью” и “антисемитской свиньей” за то, что тот “полностью солидаризировался с Гитлером в его антисемитских настроениях”» [Пудовкин, Химшиашвили 2019] (приводится ссылка на стенограмму заседания коллегии Министерства обороны от 24 декабря 2019 г. [Заседание коллегии Министерства обороны 2019]). Ранее на неформальном саммите СНГ Путин уже комментировал вторжение советских войск в Польшу в 1939 г.: по словам президента, поскольку это произошло уже после того, как в Польшу вторглись нацисты, «“польское правительство утратило контроль за страной, за управлением вооруженными силами”, так что “ничего у Польши Советский Союз не отбирал на самом деле”» [Пудовкин, Химшиашвили 2019].

Польская сторона в ответ сообщила, «что нападение на Польшу Германия координировала с Советским Союзом, а в результате совместных действий с Гитлером СССР захватил более половины довоенной территории Польской Республики» [Пудовкин, Химшиашвили 2019] (авторы приводят ссылку на заявление Польского института национальной памяти), а также – что «российские власти ссылаются на “пропагандистские послания времен сталинского тоталитаризма”, которые осудил один из руководителей СССР – Никита Хрущёв» [Пудовкин, Химшиашвили 2019] (авторы приводят ссылку на другую статью РБК – «МИД Польши ответил на слова Путина о причинах начала Второй мировой» [Анисимова 2019]).

Читая статью, с правой стороны экрана в разделе «Материалы по теме» можно увидеть гиперссылки на другие статьи и видеоролики РБК. Статья «Путин назвал отличие Сталина от общавшихся с Гитлером европейских коллег» (отличие заключается в том, что «Сталин не запятнал себя прямым общением с Гитлером» [Путин назвал отличие Сталина от общавшихся с

Гитлером европейских коллег 2019]) выделена наиболее крупным шрифтом. Материалы, выделенные шрифтом помельче, – «Путин назвал антисемитской свиньей работавшего в 1930-х польского посла» [Нагаев 2019] и «Захарова оценила ответ Польши на слова Путина о причинах Второй мировой» [Захарова оценила 2019].

* * *

Помимо этого материала, на РБК в сентябре – конце декабря был опубликован целый блок статей. Другой материал с красочным заголовком, опубликованный на РБК 24 декабря 2019 г. в разделе «Политика», – «Путин назвал бредом резолюцию Европарламента о Второй мировой войне». Об этом издание сообщает со ссылкой на ТАСС (не на конкретные статьи, а на главную страницу), и при цитировании с ТАСС приведена еще более яркая цитата: «Путин назвал “полным бредом” резолюцию...» [Путин назвал бредом 2019].

РБК отмечает, что, по мнению президента, коль скоро европейские депутаты ставят на одну доску СССР и Германию, они считают (авторы пишут – «намекают» [Путин назвал бредом 2019]), что Советский Союз несет ответственность за начало Второй мировой войны. Цитируя президента, авторы ссылаются на выступление Путина на ежегодной коллегии Министерства обороны РФ (гиперссылок не приводится).

Далее рассказывается история принятия резолюции: приводится гиперссылка на статью «Европарламент потребовал от России не обелять преступления режима СССР» [Выродова 2019], опубликованную в день принятия резолюции (в этой статье рассказывается лишь о сухих фактах, без каких-либо намеков на неправоту Европарламента). Однако уже в следующем абзаце говорится, что Путин резолюцию раскритиковал: если точнее, то он «и ранее критиковал этот документ» [Путин назвал бредом 2019]. В подтверждение приводится гиперссылка на также опубликованные на РБК статьи – «Путин счел беспардонной ложью резолюцию Европарламента о Второй мировой» [Бондаренко 2019] и «Путин назвал неприемлемым приравнивание СССР к фашистской Германии» [2019]. Сообщается, что президент России обвинил европейских депутатов в незнании истории и пообещал написать ответ.

* * *

Материал с резкой в целом критикой резолюции выпустила и «Российская газета». Показателен в этом смысле уже заголовок: «Кто и зачем “передергивает” историю Европы» [Шестаков 2019]. Материал приурочен к Большой пресс-конференции Путина, на которой корреспондент «Российской газеты» К. Латухина спросила президента о его отношении к приравниванию

советского режима к нацизму и фашизму в резолюции Европарламента [Владимир Путин «В документах Второй мировой все написано. Читайте» 2019]. Президент, как известно, считает, что «ставить на одну доску Советский Союз и фашистскую Германию – это верх цинизма. Значит, люди не знают историю. Читать и писать не умеют» [Владимир Путин: «В документах Второй мировой все написано. Читайте» 2019].

После лида идет 32-минутный фрагмент видеозаписи саммита СНГ, где Путин рассуждает на эту тему, анализирует документы, зачитывает цитаты европейских политиков, имевших договоренности с гитлеровской Германией. Под видеозаписью приводится высказывание президента: «Меня несколько удивила и даже немножко задела эта резолюция Европарламента о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы. Так написано» [Шестаков 2019]. На саммите Путин заявил, что поворотным моментом, после которого Вторая мировая война стала неизбежной, он считает Мюнхенский сговор.

Далее автор материала Е. Шестаков пишет следующее: «Тот вердикт Европейского парламента, в котором пакт Молотова – Риббентропа назван причиной Второй мировой войны, выглядит столь же грубым передергиванием истории, как если бы премьер Британии Борис Джонсон объявил “брекзит” результатом волеизъявления жителей Евросоюза» [Шестаков 2019]. Фраза очевидно резкая и содержит не только критику резолюции, но и прямое утверждение, что «брекзит» – вовсе не волеизъявление жителей стран ЕС. Согласие депутатов Европарламента по поводу резолюции автор называет «постыдным единомыслием» [Шестаков 2019], обвиняет в ее изначальном выдвижении (и поддержке) Литву и Польшу, а также отмечает отсутствие какого-либо упоминания в резолюции Мюнхенского сговора и иных соглашений, которые заключали с Германией страны Европы (их автор иронично называет «демократиями» [Шестаков 2019]).

Следующий абзац являет собой настолько резкую критику резолюции и Европарламента как такового, что его есть смысл процитировать полностью, без сокращений: «Нет никакого смысла анализировать решение парламентариев с точки зрения исторической науки, да и просто здравого смысла – Европейский парламент никогда не был местом, предназначенным для предметного анализа причин Второй мировой войны. Так что резолюция от 19 сентября стала еще одной вехой на пути “оболванивания” европейского общественного мнения, максимально упрощенной трактовки исторических фактов в интересах небольшой группы русофобски настроенных государств» [Шестаков 2019]. То есть автор, во-первых, подчеркивает отсутствие здравого смысла в резолюции Европарламента, во-вторых, называет его «небольшой группой государств», тем самым давая понять, что не считает их авторитетами, и в-третьих, обвиняет в злонамеренной лжи.

Русофобии посвящен немалый объем материала. Отмечается со ссылкой на российское посольство в Польше, что на польской территории было снесено более 420 советских памятников. И приводится реакция МИД РФ: «“Европарламент отметился возмутительной попыткой поставить знак равенства между нацистской Германией – страной-агрессором – и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от фашизма”, – тогда отозвалась на решение европейских депутатов [...] Мария Захарова» [Шестаков 2019].

Немалая доля обвинений досталась Польше: так, автор подчеркивает, что в 1934 г. Польша сама заключила с Германией мирный договор, а также утверждает, что та способствовала планам нацистов: «именно по нему (Мюнхенскому сговору. – *Д. Б.*) Берлин получил возможность беспрепятственно оккупировать Чехословакию. А поляки, напомню, отказались пропустить через свою территорию советские войска, чтобы те в альянсе с западными державами не смогли оказать противодействие планам Гитлера» [Шестаков 2019].

Также упоминания заслуживают следующие выражения автора: «политический коктейль» [Шестаков Е. 20.12.2019], «принятая “по понятиям” (о резолюции. – *Д. Б.*)» [Шестаков 2019] «типичный набор фраз из лексикона, относящегося к мейнстриму европейского джентльмена» (также о резолюции), «осеннее обострение» [Шестаков 2019] (о поведении польской делегации в день принятия резолюции. – *Д. Б.*) [Шестаков 2019].

Примечательно, что Шестаков использует первое лицо – «напомню». А также, судя по тому что, в ходе мероприятий по случаю 80-летней годовщины начала Второй мировой, польский президент Анджей Дуда начал свою речь с заявления о том, что Советский Союз напал на Польшу, так называемая историческая резолюция отношения к реальной, не вымышленной, не политизированной истории изначально не имела» [Шестаков 2019], – редакция «Российской газеты» со своим автором солидарна.

* * *

20 декабря 2019 г. на «Фонтанка.ру» был опубликован материал «Путина “задела” и “удивила” резолюция Европарламента о Второй мировой войне» [Путина «задела» и «удивила» 2019]. Собственно, первые два абзаца статьи – это слова президента, произнесенные им на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВУЭС) в Санкт-Петербурге. Удивительно, что даже на заседании экономического форума нашлось место и обсуждению данной резолюции [Заседание Высшего Евразийского экономического совета 2018].

Говоря о содержании резолюции, авторы сообщают «главное», а именно: что, по мнению депутатов Европарламента, СССР виновен в развязывании Второй мировой войны наравне с Германией. Затем речь идет уже о Мюн-

хенском сговоре, о котором напомнил президент, и о том, что Путин, доказывая свою позицию, продемонстрировал лидерам ВЕЭС документы того времени (в частности, запись разговора польского министра иностранных дел с послом Германии).

Далее в статье идет речь о тех случаях, когда Путин высказывался относительно резолюции, а также разъясняется, что из себя представляет ВЕЭС.

* * *

«RT» в своей статье «“Ориентация на пересмотр итогов войны”: как Европарламент объявил пакт Молотова – Риббентропа причиной Второй мировой» сообщает, что «европарламентарии обвинили Россию в искажении исторических фактов и ведении “информационной войны с целью разделить Европу”», а также что «по мнению экспертов, парламентарии искажают историческую правду в угоду внешнеполитической конъюнктуре, стремясь подорвать имидж России» [Бовдунов, Медведева 2019].

Со ссылкой на «Радио Польша» (гиперссылок не приводится) авторы сообщают, что инициатором подготовки документа с текстом резолюции выступила Литва, поддержанная польскими депутатами. Также говорится о существовании более раннего текста резолюции – от 17 сентября 2019 г.

Далее авторы приводят комментарий М. Захаровой, которая отмечает, что Европарламент теряет связь с реальностью, и комментарий ведущего научного сотрудника РИСИ О.Б. Неменского, утверждающего, что пакт Молотова – Риббентропа ничем принципиально не отличается от других пактов, подписанных в то время другими странами. Среди последних выступлений и публикаций Неменского – «Вызов польской исторической политике» [Вызов польской исторической политике 2020], «Пустые ответы, большие угрозы» [Пустые ответы, большие угрозы 2020], «Вторая мировая и Первая историческая» [Вторая мировая и Первая историческая 2020]. Неменский признает, что в пакте оговаривались пределы немецкой экспансии на восток, однако считает, что «это нельзя считать фактором, который способствовал началу Второй мировой» [Бовдунов, Медведева 2019].

Со ссылкой на другого историка, профессора НИУ ВШЭ О.А. Матвейчева, авторы напоминают, что в 1934 г. Польша и сама заключила с гитлеровской Германией договор о ненападении, а «истинная причина Второй мировой войны заключается в том, что западные страны взяли и отдали Гитлеру на растерзание Чехословакию, от которой Польша отхватила себе кусок» [Бовдунов, Медведева 2019]. Стоит отметить, что, согласно информации на официальном сайте ВШЭ, в сферу научных интересов Матвейчева входят онтология, история философии, история, экзистенциальная философия, индоевропеистика, политология, политическое консультирование. Нетрудно соответственно заметить, что чего-либо относящегося к более узким сферам, будь

то пакт Молотова – Риббентропа, польская политика или Вторая мировая война, в этом перечне просто нет [Матвейчев Олег Анатольевич].

Рассуждения европейских специалистов о причинах начала войны авторы называют не чем иным, как манипуляцией историей. Цитируется генеральный директор Фонда «Историческая память», научный сотрудник ИРИ РАН А.Р. Дюков: «“то, что Европарламент призывает бороться с другими историческими точками зрения, демонстрирует, что европейскими депутатами овладело специфическое тоталитарное мышление”». По его (Дюкова. – *Д. Б.*) словам, характер данной резолюции весьма «репрессивен», а сама она направлена на то, «чтобы вмешиваться в исторические споры и отсекать точку зрения, которая идеологически не соответствует европейским позициям» [Бовдунов, Медведева 2019].

Особенно авторы делают акцент на том, что некоторые страны ЕС запретили наряду с нацистскими символами и коммунистические, а также, что «в первоначальном варианте резолюции литовские и польские инициаторы попытались провести утверждение о недопустимости наличия в Европе мемориалов, парков и скверов, “прославляющих Советскую армию”. Однако, хоть и в измененном виде, это утверждение сохранилось и в окончательной версии документа» [Бовдунов, Медведева 2019]. Вновь цитируется Неменский, по словам которого сейчас усиливается тенденция к очернению российского имиджа, а инициаторами этой тенденции выступают Варшава и страны Балтии.

Также авторы отмечают, что подобную резолюцию Европарламент уже принимал десять лет назад, однако тогда Россию не обвиняли прямо в неверной интерпретации истории. Подобные обвинения появились еще в 2017 г. – соответствующее заявление сделал тогдашний глава польского МИДа В. Ващиковский, а союзники Польши по НАТО его поддержали.

Комментируют авторы и позицию Литвы: «Власти Литвы также предпочитают не вспоминать, что получили нынешнюю столицу Вильнюс с прилегающей территорией именно по итогам того самого пакта, который сейчас так осуждают. В 1920–1930-е годы город назывался Вильно и входил в состав Польши» [Бовдунов, Медведева 2019]. Ссылаясь на Неменского, авторы не исключают возможности того, что может быть поднят вопрос «о правомочности обладания этих стран приобретенными по его [пакта Молотова – Риббентропа. – *Д. Б.*] итогам территориями» [Бовдунов, Медведева 2019], негативное влияние декларации Европарламента на диалог между Россией и ЕС, а также – со ссылкой на Матвейчева – ослабление позиций США и европейских стран, осуждающих пакт.

* * *

Очевидно, что рассуждения о событиях 1930-х годов отражают не столько попытки восстановить ход тогдашних событий и выявить истинную при-

чину начала Второй мировой войны, сколько текущую политическую ситуацию, характеризующуюся крайним напряжением между Россией и Западом. Причем это утверждение справедливо как для России (официальную позицию которой транслируют российские СМИ), так и для Запада (так как предметом очередной дискуссии являются не заявления отдельных политиков, а принятая Европейским парламентом – представительным органом ЕС – резолюция). Европарламент, впрочем, делает некие попытки отстранения, коль скоро в резолюции есть следующее положение: «Россия остается главной жертвой коммунистического тоталитаризма, и ее становление демократическим государством будет затруднено до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут по-прежнему обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим» [Importance of European remembrance for the future of Europe 2019]. Что же касается России, то ее нынешнее руководство давно считает Российскую Федерацию правопреемником СССР (причем теперь, согласно ст. 67.1 Конституции РФ [Конституция РФ 2020], уже официально) и поэтому любые претензии в адрес Советского Союза воспринимаются лидерами РФ практически как личные.

Библиография

Анисимова Н. МИД Польши ответил на слова Путина о причинах начала Второй мировой // РБК. 2019.22.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/12/2019/5dff2bf79a794768d89c1e96 (дата обращения: 1.04.2020).

Ануфриева Н. Европарламент принял резолюцию против пересмотра истории // Взгляд.ру. 2019.19.09. URL: https://vz.ru/news/2019/9/19/998657.html (дата обращения: 3.03.2020).

Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. М.: Яуза: ЭКСМО, 2009. 476 с.

Бовдунов А., Медведева А. «Ориентация на пересмотр итогов войны»: как Европарламент объявил пакт Молотова – Риббентропа причиной Второй мировой // RT. 2019.21.09. URL: https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voina (дата обращения: 23.06.2020).

Большая пресс-конференция Владимира Путина // Kremlin.ru. 2019.19.12. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62366 (дата обращения: 12.03.2020).

Бондаренко М. Путин счел беспардонной ложью резолюцию Европарламента о Второй мировой // РБК. 2019.11.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df0fb3d9a7947d9bb521cda (дата обращения: 29.04.2020).

Вишневский В. Отношение властей Латвии к акциям легионеров СС похоже на шизофрению // Взгляд.ру. 2017.16.03. URL: https://vz.ru/world/2017/3/16/862194.html (дата обращения: 3.03.2020).

Владимир Путин: «В документах Второй мировой все написано. Читайте» // Российская газета. 2019.19.12. URL: https://rg.ru/2019/12/19/vladimir-putin-v-dokumentah-vtoroj-mirovoj-vse-napisano-chitajte.html (дата обращения: 2.04.2020).

Выродова Ю. Европарламент потребовал от России не обелять преступления режима СССР // РБК. 2019.19.09. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/09/2019/5d838f429a794751ad346271 (дата обращения: 29.04.2020).

Заседание Высшего Евразийского экономического совета // ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/06_12_2018_1.aspx (дата обращения: 07.06.2020).

Заседание Российского организационного комитета «Победа» // Kremlin.ru. 2019.11.12. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/62293 (дата обращения: 12.03.2020).

Заседание коллегии Министерства обороны // Kremlin.ru. 24.12.2019. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62401 (дата обращения: 12.03.2020).

Захарова оценила ответ Польши на слова Путина о причинах Второй мировой // РБК. 2019.22.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dff38ec9a79476c30719f3a?from=materials_on_subject (дата обращения: 1.04.2020).

Матвейчев Олег Анатольевич: [личная страница на сайте НИУ ВШЭ]. URL: https://www.hse.ru/org/persons/3625906 (дата обращения: 21.07.2020).

Нагаев К. Путин назвал антисемитской свиньей работавшего в 1930-х польского посла // РБК. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e0205f29a7947edfaca4ec9?from=materials_on_subject (дата обращения: 1.04.2020).

Неменский О.Б. Вторая мировая и Первая историческая // Российский институт стратегических исследований. 2020.06.05. URL: https://riss.ru/smi/67664/ (дата обращения: 7.07.2020).

Неменский О.Б. Вызов польской исторической политике // Российский институт стратегических исследований. 2020.15.06. URL: https://riss.ru/smi/68572/ (дата обращения: 7.07.2020).

Неменский О.Б. Пустые ответы, большие угрозы // Российский институт стратегических исследований. 2020.07.05. URL: https://riss.ru/smi/67691/ (дата обращения: 7.07.2020).

Неформальный саммит СНГ // Kremlin.ru. 2019.20.12. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/62376 (дата обращения:12.03.2020).

Никитина О. Историк: Заявления Киева об Анне Ярославне опираются на украинский национализм // Взгляд.ру. 2017.31.05. URL: https://vz.ru/news/2017/5/31/872670.html (дата обращения: 3.03.2020).

Новый текст Конституции с поправками 2020 – Ст. 67.1. URL: http://duma.gov.ru/news/48953/ (дата обращения: 22.07.2020).

Пудовкин Е., Химшиашвили П. Путин трижды за неделю осудил резолюцию Европарламента. Что важно знать // РБК. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e02044b9a7947ed72a460bc (дата обращения: 12.03.2020).

Путина «задела» и «удивила» резолюция Европарламента о Второй мировой войне // Фонтанка.ру. 2019.20.12. URL: https://www.fontanka.ru/2019/12/20/119/ (дата обращения: 07.06.2020).

Путин назвал бредом резолюцию Европарламента о Второй мировой войне // РБК. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe (дата обращения: 29.04.2020).

Путин назвал неприемлемым приравнивание СССР к фашистской Германии // РБК. 2019.19.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dfb5cac9a79471408c74080 (дата обращения: 29.04.2020).

Путин назвал отличие Сталина от общавшихся с Гитлером европейских коллег // РБК. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e022cea9a794702099a7a36?from=materials_on_subject (дата обращения: 1.04.2020).

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине / Предисловие Л. Лазарева. М.: Книга, 1990.431 с. (Время и судьбы).

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5 изд-е. М.: Военное издательство, 1948. 207 с.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны 1939–1945. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. 795 с.

Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. / пер. с англ.; под ред. А.С. Орлова. М.: Терра, 1997. Т. 1: Надвигающаяся буря. 336 с.

Шестаков Е. Кто и зачем «передергивает» историю Европы // Российская газета. 2019.20.12. URL: https://rg.ru/2019/12/20/kto-i-zachem-peredergivaet-istoriiu-evropy.html (дата обращения: 2.04.2020).

Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М.: АСТ, 2015. 1216 с.

A statement of the Institute of National Remembrance in connection with the remarks of the President of the Russian Federation on the subject of World War II and its causes // Institute of National Remembrance. URL: https://ipn.gov.pl/en/news/3270,A-statement-of-the-Institute-of-National-Remembrance-in-connection-with-the-rema.html (дата обращения: 1.04.2020).

Importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. 2019.19.09. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 24.04.2020).

References

A statement of the Institute of National Remembrance in connection with the remarks of the President of the Russian Federation on the subject of World War II and its causes. Institute of National Remembrance. URL: https://ipn.gov.pl/en/news/3270,A-statement-of-the-Institute-of-National-Remembrance-in-connection-with-the-rema.html (date of access: 1.04.2020).

Anisimova N. MID Pol'shi otvetil na slova Putina o prichinah nachala Vtoroj mirovoj [Polish Ministry of Foreign Affairs has answered to Putin's words about the reasons for the beginning of the Second World War]. RBK. 2019.22.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/12/2019/5dff2bf79a794768d89c1e96 (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Anufrieva N. Evroparlament prinyal rezolyuciyu protiv peresmotra istorii [The Europarliament has adopted the resolution against the review of history]. Vzglyad.ru. 2019.09.19 URL: https://vz.ru/news/2019/9/19/998657.html (date of access: 3.03.2020). (In Russ.)

Bezymensky L.A. Stalin I Gitler pered skhvatkoj [Stalin and Hitler before the fight]. Moscow: Yauza: EKSMO, 2009. – 476 p. (In Russ.)

Bol'shaya press-konferenciya Vladimira Putina [Vladimir Putin's great press-conference]. Kremlin.ru. 2019.19.12. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62366 (date of access: 03.12.2020). (In Russ.)

Bondarenko M. Putin schel bespardonnoj lozh'yu rezolyuciyu Evroparlamenta o Vtoroj mirovoj [Putin considered the European Parliament resolution about the Second World War as an out-and-out lie]. RBK. 2019.12.11. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df0fb3d9a7947d9bb521cda (date of access: 04.29.2020). (In Russ.)

Bovdunov A., Medvedeva A. «Orientaciya na peresmotr itogov vojny»: kak Evroparlament ob"yavil pakt Molotova – Ribbentropa prichinoj Vtoroj mirovoj [«The orientation on review of the outcome of the War»: how Molotov – Ribbentrop Pact was declared by Europarliament the reason for the Second World War. RT]. 2019.21.09. URL: https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voina (date of access: 23.06.2020). (In Russ.)

Churchill W. Vtoraya mirovaya vojna [The Second World War]. Moscow: Terra, 1997. Vol. 1: Nadvigayushchayasya burya [An impending storm]. 336 p. (In Russ.)

Importance of European remembrance for the future of Europe. European Parliament. 2019.19.09. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (date of access: 24.04.2020).

Matvejchev Oleg Anatol'evich: lichnaya stranica na sajte NIU VSHE [Personal page on the HSE website]. URL: https://www.hse.ru/org/persons/3625906 (date of access: 21.07.2020). (In Russ.)

Nagaev K. Putin nazval antisemitskoj svin'ej rabotavshego v 1930-h pol'skogo posla [Putin referred to the Polish ambassador who had worked in 1930s as an antisemitic swine]. RBK. 2019.24.12. URL:https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e0205f29a7947edfaca4ec9?from=materials_on_subject (date of access: 04.1.2020). (In Russ.)

Neformal'nyj sammit SNG [The unofficial summit of CIS]. Kremlin.ru. 2019.20.12. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/62376 (date of access: 12.03.2020).

Nemensky O.B. Pustye otvety, bol'shie ugrozy [Bare responses, major threats]. 2020.07.05. URL: https://riss.ru/smi/67691/ (date of access: 7.07.2020). (In Russ.)

Nemensky O.B. Vtoraya mirovaya i Pervaya istoricheskaya [The Second World [War] and the First Historical [War]]. 2020.06.05. URL: https://riss.ru/smi/67664/ (date of access: 7.07.2020). (In Russ.)

Nemensky O.B. Vyzov pol'skoj istoricheskoj politike [The dare to Poland's politics of memory]. 2020.15.06. URL: https://riss.ru/smi/68572/ (date of access: 7.07.2020). (In Russ.)

Nikitina O. Istorik: Zayavleniya Kieva ob Anne Yaroslavne opirayutsya na ukrainskij nacionalizm [The scholar in the field of history: Kyev's statements about Anna Yaroslavna are based on ukranian nationalism]. Vzglyad.ru. 2017.31.05. URL: https://vz.ru/news/2017/5/31/872670.html (date of access: 3.03.2020). (In Russ.)

Novyj tekst Konstitucii s popravkami 2020 – Ct. 67.1 [The new text of the Constitution with the amendments Art. 67.1]. URL: http://duma.gov.ru/news/48953/ (date of access: 22.07.2020). (In Russ.)

Pudovkin E., Khimshiashvili P. Putin trizhdy za nedelyu osudil rezolyuciyu Evroparlamenta. Chto vazhno znat' [Putin condemned the Europarliament resolution three times a week. The most important to know]. RBK. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e02044b9a7947ed72a460bc (date of access: 03.12.2020). (In Russ.)

Putin nazval bredom rezolyuciyu Evroparlamenta o Vtoroj mirovoj vojne [Putin referred to the European Parliament resolution about the Second World War as a raving]. RBK. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0207a69a7947ef60bca8fe (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Putin nazval nepriemlemym priravnivanie SSSR k fashistskoj Germanii [Putin referred to the equating USSR with Fascist Germany as something irreceivable]. RBK. 2019.19.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dfb5cac9a79471408c74080 (date of access: 29.04.2020). (In Russ.)

Putin nazval otlichie Stalina ot obshchavshihsya s Gitlerom evropejskih kolleg [Putin announced Stalin's contrast to his european colleagues who had dialogues with Hitler]. RBK. 2019.24.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e022cea9a794702099a7a36?from=materials_on_subject (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Putina «zadela» i «udivila» rezolyuciya Evroparlamenta o Vtoroj mirovoj vojne [Putin was «stinged» and «surprised» by the European Parliament resolution about the Second World War. Fontanka.ru. 2019.20.12. URL: https://www.fontanka.ru/2019/12/20/119/ (date of access: 7.09.2020). (In Russ.)

Shestakov E. Kto i zachem «peredergivaet» istoriyu Evropy [Who and why juggles with european history]. Rossiyskaya Gazeta. 2019.20.12. URL: https://rg.ru/2019/12/20/kto-i-zachem-peredergivaet-istoriiu-evropy.html (date of access: 2.04.2020). (In Russ.)

Shirer W. Vzlet I padenie Tret'ego Rejha [The rise and fall of the Third Reich]. Moscow: AST. 2015. 1216 p. (In Russ.)

Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmyshleniya o I.V. Staline [From the eyes of an our generation's person: Thoughts about I.V. Stalin]. Leningrad; Moscow: Kniga, 1990. 431 p. (In Russ.)

Stalin I.V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza [About the Great Patriotic War of the Soviet Union]. 5th edition. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1948. 207 p. (In Russ.)

Tippelskirch K. Istoriya Vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 [The history of the Second World War 1939–1945]. St. Petersburg: Poligon; Moscow: AST, 1999. 795 p. (In Russ.)

Vishnevsky V. Otnoshenie vlastej Latvii k akciyam legionerov SS pohozhe na shizofreniyu [The attitude of Latvia's government to SS legionaries' demarches looks like schizophrenia]. Vzglyad.ru. 2017.16.03. URL: https://vz.ru/world/2017/3/16/862194.html (date of access: 3.03.2020). (In Russ.)

Vladimir Putin: «V dokumentah Vtoroj mirovoj vse napisano. Chitajte» [Vladimir Putin: «Everything is written in the documents of the Second World War. Feel like reading»]. Rossiyskaya gazeta. 2019.19.12. URL: https://rg.ru/2019/12/19/vladimir-putin-v-dokumentah-vtoroj-mirovoj-vse-napisano-chitajte.html (date of access: 2.04.2020). (In Russ.)

Vyrodova Yu. Evroparlament potreboval ot Rossii ne obelyat' prestupleniya rezhima SSSR [Europarliament demanded from Russia not to whitewash crimes of USSR's thuggish regime]. RBK. 2019.19.09. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/09/2019/5d838f429a794751ad346271 (date of access: 29.04.2020). (In Russ.)

Zaharova ocenila otvet Pol'shi na slova Putina o prichinah Vtoroj mirovoj [Zakharova appraised Poland's response against Putin's speech about reasons for the Second World War]. RBK. 2019.22.12. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dff38ec9a79476c30719f3a?from=materials_on_subject (date of access: 1.04.2020). (In Russ.)

Zasedanie kollegii Ministerstva oborony [The sederunt of the Collegium of the Ministry of Defence]. Kremlin.ru. 2019.24.12. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62401 (date of access: 12.03.2020). (In Russ.)

Zasedanie Rossijskogo organizacionnogo komiteta «Pobeda» [The sederunt of the Russian advisory committee «Pobeda»]. Kremlin.ru. 2019.11.12. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/62293 (date of access: 12.03.2020). (In Russ.)

Zasedanie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta [The sederunt of the Supreme Eurasian Economic Council]. EEK – Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Commission]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/06_12_2018_1.aspx (date of access: 07.06.2020). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2021.01.14

А.А. Раренко

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РОССИИ

Аннотация. *В статье предлагается краткий экскурс в историю вопроса о социальной ответственности бизнеса. Приводятся определения понятия «социальная ответственность бизнеса» и анализируются подходы к изучению данного феномена. Отмечается, что социально ответственное поведение представителей бизнеса возможно рассматривать как в этическом ключе или как концепцию исключительно юридической ответственности, а также как часть стратегической политики организации. Описываются различия между основными национальными моделями социальной ответственности бизнеса: европейской, в том числе скандинавской, американской, смешанной и моделью «бизнес отвечает за все». Подчеркивается амбивалентный характер практик социальной ответственности бизнеса, выявляются их основные функции. Благодаря социальным программам бизнес сокращает затраты организации и риски (экономический фактор), является конкурентным преимуществом (экономический и политический факторы), способствует созданию хорошей репутации организации (политический фактор).*

Три уровня социальной ответственности бизнеса отражают поведение руководителей бизнеса.

Настоящий интерес к проблемам социальной ответственности бизнеса в России обусловлен, с одной стороны, тем, что, согласно Конституции Российской Федерации, страна декларирует себя как «социальное государство» (ст. 7). С другой стороны, концепция социальной ответственности российского бизнеса сегодня все еще находится в процессе становления. При этом в России доминирующей считается олигархическая модель корпоративной социальной ответственности, т.е. субъекты бизнеса самостоятельно определяют меру своей ответственности за социальное развитие общества. На примере ОАО «Российские железные дороги» рассматриваются проявления социальной ответственности организации на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: *социальная ответственность бизнеса; уровни социальной ответственности бизнеса; национальные модели социальной ответственности бизнеса; социальные программы; социальные практики; теория корпоративной социальной эффективности; теория акционерной стоимости; теория заинтересованности сторон; теория корпоративного гражданства.*

Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН, Россия, Москва. E-mail: andrejj97@rambler.ru

Rarenko A.A. Social responsibility of business in foreign countries and in Russia

Abstract. *The article offers a brief overview of the history of the issue of social responsibility of business. Definitions of the concept of «social responsibility of business» are given and approaches to the study of this phenomenon are analyzed. It is noted that socially responsible behavior of business representatives can be considered both in an ethical way or as a concept of exclusively legal responsibility, as well as a part of the strategic policy of the organization. The article describes the differences between the main national models of business social responsibility: European, including Scandinavian, American, mixed, and the «business is responsible for everything» model. The ambivalent nature of business social responsibility practices is emphasized, and their main functions are revealed. Due to the social programs, business reduces the organization's costs and risks (economic factor); is a competitive advantage (economic and political factors); contributes to the creation of a good reputation of the organization (political factor).*

Three levels of business social responsibility reflect the behavior of business leaders. So, the first, basic level corresponds to the «company of owners» model, which has received recognition in Anglo-Saxon countries. Business representatives must faithfully fulfill their direct obligations, including: regular payment of salaries to employees; compliance with tax and labor laws; as well as production of quality products. At the second, higher level, it is expected to develop partnerships within the organization and employees' participation in decision-making. At the third level, businesses use such programs and areas of their activities, whose scope goes beyond the enterprise, and the object of these social investments are the citizens of the country in which the business is conducted, or individual groups of the population.

The real interest in the problems of social responsibility of business in Russia is due, on the one hand, to the fact that, according to the Constitution of the Russian Federation, the country declares itself as a «social state» (Article 7), on the other hand, the concept of social responsibility of the Russian business is still in the process of formation. At the same time, the oligarchic model of corporate social responsibility is considered dominant in Russia, i.e. business entities independently determine the measure of their responsibility for the social development of society. Socially responsible principles of the Russian company Joint Stock Company «Russian Railways» (JSCo «RZD») at the present stage of development of the Russian society are being considered.

Keywords: *social responsibility of business; levels of social responsibility of business; national models of social responsibility of business; social programs; social practices; theory of corporate social efficiency; theory of shareholder value; theory of interest of parties; theory of corporate citizenship.*

Rarenko Andrey Alekseevich – Junior researcher in the Department of sociology and social psychology at INION RAN, Russia, Moscow. E-mail: andrejj97@rambler.ru

Введение

Управление бизнесом всегда рассматривалось как противостояние коммерции и этических принципов. Существует мнение, что «коммерциализация» охватила все общество и что представители бизнеса стремятся получить как можно большую прибыль любыми средствами, и нередко эта цель становится не только основной, но и единственной. На фоне таких тенденций понятие «социальная ответственность бизнеса»[1], появившееся относительно недавно в академическом и бизнес-дискурсе, приобретает в обществе все больший вес.

О социальной ответственности бизнеса стоит говорить лишь в тот момент, когда в обществе происходит переоценка роли бизнеса, а объекты бизнеса начинают осознавать свое место и свою роль в решении социальных проблем.

Первое определение практики социальной ответственности еще в 1953 г. предложил Г. Боуэн, объяснив ее следующим образом: «Социальная ответственность бизнесмена состоит в реализации такой политики, принятии таких решений либо следовании такой линии поведения, которые были бы желательны для целей и ценностей общества» [Bowen 2014, p. 6]. Проблемы социальной ответственности бизнеса рассматриваются в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [Баранова 2012; Благов 2010; Веревкин 2010; Глебова 2008; Иванов 2008; Кравцова, Матвеева 2016; Кричевский, Гончаров 2007; Палацци, Статчер 1997; Паштова, Комельков 2017; Петухов 2010; Путеводитель; Симонова, Зыков 2007; Сорокина 2019; Цей 2010; Bowen 2014; Crowther, Guler 2010]. Под социальной ответственностью бизнеса в настоящее время понимают: во-первых, комплекс направлений в области политики и действия, которые оказываются связанными с основными (ключевыми) стейкхолдерами, а также ценностями и следующими требованиям законности, в то же время учитывающими различные интересы людей, отдельных сообществ и проблемы окружающей среды; во-вторых, направленность бизнеса на устойчивое развитие; в-третьих, философско-этическую концепцию, согласно которой субъекты бизнеса не только соблюдают законы и производят качественный продукт и оказывают качественные услуги, но берут добровольно на себя определенные дополнительные обязательства пе-

1. В данной статье понятие «социальная ответственность бизнеса» используется как синоним понятий «корпоративная социальная ответственность», «социальная ответственность предприятия», «социальная ответственность организации», «социальная ответственность корпорации» и проч.

ред всем обществом в целом и проч. Таким образом, некоторые исследователи предлагают рассматривать социально ответственное поведение представителей бизнеса в этическом ключе, другие видят в нем концепцию исключительно юридической ответственности, а третьи воспринимают практики социального поведения как часть стратегической политики организации. Исследователи М. Палацци и Дж. Статчер подчеркивают, что «социальная ответственность представляет собой в своей основе философию или образ отношений между предпринимательскими кругами и обществом, причем для их реализации и устойчивости в течение длительного периода времени эти отношения требуют руководства» [Палацци, Статчер, 1997, с. 17]. Несмотря на множество определений понятия (некоторые исследователи насчитывают до 25 разных определений), в самом общем виде под социальной ответственностью бизнеса обычно понимают влияние деятельности организации на общество, т.е. ответственность людей, принимающих бизнес-решения в ходе своей профессиональной деятельности, перед теми людьми, на кого принимаемые решения прямо или косвенно влияют. Процесс принятия социальной ответственности носит двусторонний характер, поскольку, принимая на себя такую ответственность, руководители бизнеса подчеркивают свою персональную значимость и важность своей организации в обществе.

В России повышенный интерес к проблеме социальной ответственности со стороны организаций обусловлен сразу несколькими причинами. Во-первых, Россия стремится к экономической интеграции в условиях глобализации. Многие российские организации хотят выйти на международный рынок, и создание положительного имиджа компании необходимо, так как только в этом случае возможно получить дополнительные конкурентные перед другими организациями преимущества. Во-вторых, многие руководители организаций, достигнувших определенного экономического благополучия, действительно убеждены в необходимости оказывать поддержку государству на безвозмездной основе.

Границы термина «социальная ответственность предприятия»

В настоящее время в научной литературе можно выделить два подхода к пониманию термина «социальная ответственность бизнеса». В узком смысле под социальной ответственностью бизнеса понимают ответственность, которую берет на себя работодатель в отношении своих сотрудников. В этом случае речь идет, в первую очередь, о достойной и своевременной оплате труда, соблюдении прав трудящихся и проч. Однако, согласно второму, широкому, подходу, поскольку любое предприятие является субъектом государства, социальная ответственность бизнеса должна распространяться на все общество в целом. Несмотря на различия в трактовке социальной ответственности бизнеса,

все исследователи единодушны в том, что предприятия, берущие на себя практики социальной ответственности, находятся на устойчивой ступени развития.

В специальной литературе выделяют три уровня социальной ответственности бизнеса [Глебова 2008]. Первый, или базовый, уровень соответствует поведению руководителей бизнеса, придерживающихся модели «компании собственников», которая получила признание в англосаксонских странах. На первом уровне представители бизнеса обязаны добросовестно выполнять свои непосредственные обязательства, а именно: 1) регулярно выплачивать заработную плату в зависимости от квалификации работника и выполняемых им обязанностей; 2) следовать нормам трудового законодательства страны; 3) уплачивать налоги, в срок и полностью; 4) производимая продукция должна соответствовать принятым стандартам. На втором, более высоком, уровне предполагается развитие партнерских отношений внутри организации и участие работников в принятии решений. Также, помимо базовых обязательств руководителей перед работниками, работники получают определенные льготы и социальные услуги, направленные как непосредственно на работника (повышение квалификационной подготовки, улучшение условий труда, охрана труда, поддержание здоровья и проч.), так и членов его семьи (улучшение условий проживания, возможности отдыха для детей, санаторное лечение для членов семьи и т.д.). Мировая практика при этом показывает, что компании, даже очень успешные, с большей готовностью инвестируют в работника, чем в членов его семьи. Более того, с ростом заработной платы сотрудников организации, происходит постепенное сокращение программ по поддержанию членов его семьи. На третьем уровне бизнес задействует такие программы и направления деятельности, сфера которых, строго говоря, выходит за рамки предприятия, а объектом данных социальных инвестиций уже становятся граждане страны, на территории которой ведется бизнес, или отдельные группы населения. На этом уровне проводятся различные благотворительные программы, направленные, например, на развитие транспортной инфраструктуры определенного региона. Конечным результатом деятельности организации в данном случае является повышение качества жизни людей. Для достижения этой цели представители бизнес-сообщества должны находиться в партнерских отношениях с государством на всех уровнях – от муниципального до федерального, что, в свою очередь, позволяет говорить о непосредственном участии бизнеса в социально-экономической политике государства, которая направлена на устойчивое развитие.

Социальная ответственность бизнеса: К истории вопроса

Несмотря на то что в России есть свой довольно богатый опыт социальной ответственности бизнеса (в дореволюционной России были меценаты,

много средств выделявшие на благотворительность в разном виде – строительство больниц и жилья для своих работников, создание ночлежек для бездомных, приютов для детей и проч., в советский период многие предприятия имели дома отдыха для сотрудников, летние лагеря для детей сотрудников, общежития, поликлиники, больницы и т.д.), многие современные исследователи, в том числе и отечественные, изучая феномен социальной ответственности, обращаются к работам зарубежных исследователей [Петухов 2010].

Исторически сложилось так, что на большую роль в развитии социальной ответственности бизнеса в жизни общества обратили внимание в Великобритании. Именно в этой стране социальная сфера стала формироваться не только раньше, чем во многих других странах мира, но и более интенсивно. Возможно, одна из причин этого явления заключается в том, что в XIX в. в Великобритании число занятых в промышленности резко возросло – в 3 раза, с 20 до 60%, что не могло не оказать влияния на все стороны жизни британского общества – повседневную культуру, материальную, духовную, а также политику, религию и экономику.

Увеличение числа занятых в промышленности спровоцировало рост проблем: общество столкнулось с тем, что на производстве возросла потребность в детском труде, несоблюдение правил (или их недостаточное соблюдение) часто становилось причиной инвалидности у людей или даже их гибели; привлечение труда жителей колоний часто вызывало недовольство в обществе и возникновение протестных движений.

Именно в Великобритании появились первые законы, целью которых было урегулирование условий труда. В 1819 г. был принят Фабричный акт, а в 1842 г. – закон, регулирующий условия труда рабочих, занятых в горной промышленности. Таким образом, можно утверждать, что формирование первых концепций ответственности бизнеса перед обществом относится к первой половине XIX в. К этому же периоду относится зарождение благотворительности как социально полезной деятельности, в рамках которой значительные средства выделялись на конкретные цели – строительство больниц, домов для рабочих и проч. Эта деятельность первоначально не носила регулярного характера, не выстраивалась в некую стратегическую линию.

К концу XIX – началу XX в., в новых экономических условиях, вызванных, в частности, увеличением числа корпораций и усилением их влияния в обществе, например на политику, благотворительные акты стали рассматриваться как метод манипуляции общественным мнением. Кроме того многие государства, прежде всего в Западной Европе, пришли к осознанию своей социальной роли, а забота о гражданах своей страны, постепенно становясь главной идеей, закрепляется законодательно. Во второй половине XX в. особое внимание широкой общественности привлекает идея прав человека;

принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Всеобщая Декларация прав человека 10 декабря 1948 г. еще больше убедила широкую общественность в необходимости развития инициатив, связанных с социальной ответственностью бизнеса. Отчасти развитию социальной ответственности бизнеса способствовали идеи английского утилитаризма, а также либеральной морали шотландского экономиста Адама Смита (1723–1790). Бизнес-корпорации «очеловечиваются», т.е. наделяются характеристиками, присущими людям. Согласно такому подходу, компании получают не только определенные права, но и обязанности. Они обязаны соблюдать нормы, а также строго следовать определенным моральным принципам.

В середине XX в. в ряде стран Европы и в США представители широкой общественности серьезно озаботились проблемами окружающей среды, которая стала резко ухудшаться, особенно в крупных городах, из-за стремительного развития производства. Ответной мерой стали повсеместно принятые законы о защите окружающей среды. В это время в США (1955) и в Великобритании (1956) были приняты законы о контроле загрязнения воздуха. Создание в 1971 г. всемирной организации Гринпис свидетельствовало о том, что мировое сообщество в целом обеспокоено сложившейся экологической ситуацией на планете и готово объединить свои усилия в решении проблемы.

Еще одна проблема в США и странах Европы в это время привлекла внимание общественных организаций по защите гражданских прав. Речь идет о защите прав чернокожего населения, а также прав детей и женщин, сексуальных меньшинств, что не могло не отразиться на развитии идей, связанных с социальной ответственностью бизнеса, поскольку бизнес-организации стали к тому времени рассматриваться как социальные институты, определяющие жизнь страны и ее граждан.

Еще одним источником развития идей социальной ответственности следует считать религию, влияние которой, впрочем, было разным в разные эпохи и в разных регионах. Проблемы влияния религии на развитие капиталистических отношений подробно изложены М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 2011].

В настоящее время основу современного общества составляет коммерческая и производственная деятельность, а стремление к экономическому благополучию считается показателем уровня жизни людей.

Подходы к изучению социальной ответственности предприятий

Феномен социальной ответственности организаций имеет довольно длительную историю, однако его изучение началось относительно недавно, и до

сих пор не сложилось единого подхода к его анализу и описанию [Благов 2010; Веревкин 2010; Петухов 2010; Сорокина 2019] .

В настоящее время выделяют четыре основные теории социальной ответственности бизнеса: 1) теория корпоративной социальной эффективности; 2) так называемая теория акционерной стоимости, или теория корпоративного эгоизма; 3) теория заинтересованности сторон; 4) теория корпоративного гражданства. Каждая из теорий в своей основе имеет определенную социально-философскую концепцию человека и общества.

Согласно теории корпоративной социальной эффективности, социальная ответственность предприятия представляет собой, помимо требования создания материальных благ, ответственность за социальные проблемы, порождаемые деятельностью предприятия в обществе, при этом данный вид ответственности не фиксируется законодательно, т.е. бизнес добровольно берет на себя некие обязательства, исходя из понятий этики и морали, для блага общества. Таким образом, теория корпоративной эффективности подразумевает определенное корпоративное поведение организации, отражающееся на ее репутации. Эта теория также получила название «теория корпоративного альтруизма» и принадлежала Комитету по экономическому развитию (США), в рекомендациях которого, в частности, подчеркивалось, что в обязанности корпораций входит задача вносить ощутимый вклад в улучшение качества жизни американцев.

«Теория акционерной стоимости», или теория корпоративного эгоизма (разработчиком теории считается М. Фридман, озвучивший ее в 1971 г.), признает, что получение прибыли является основной и единственной задачей бизнеса в развитии социальной ответственности, а, следовательно, высшей целью является повышение стоимости его (бизнеса) акций для акционеров. Согласно этой теории утверждается, что социальная ответственность бизнеса должна быть закреплена в законодательной форме и, став таковой, соблюдаться согласно правовым отношениям и этическим нормам конкретного государства. Согласно М. Фридману, «существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, пока это осуществляется в пределах правил игры» [цит. по: Глебова 2008, с. 11].

Теория заинтересованности сторон основывается на внимании отдельных лиц или даже целых групп к организации, на которых организация так или иначе оказывает влияние. Согласно данной теории, социальная ответственность организации рассматривается как добровольно взятые обязательства, не регламентируемые на законодательном уровне, в отношении социальных групп, которые не являются акционерами (организации). В основе теории заинтересованности лежат этические принципы, принцип справедливости, а также права человека. Теория, получившая название «теория разумного эго-

изма» (англ.: enlightened self-interest), исходит из понимания того, что социальная ответственность бизнеса представляет сама по себе «хороший бизнес», поскольку благодаря ей бизнес может сократить потери прибыли в перспективе. Действительно, тратя деньги сегодня на социальные программы, организация теряет текущие прибыли, однако создает желаемое социальное окружение, что в долгосрочной перспективе приведет к устойчивым прибылям. Теория корпоративного гражданства построена на убеждении, что бизнес, будучи неотъемлемой частью общества, добровольно принимает на себя обязательства по поддержке всеобщего благополучия людей. Таким образом, речь идет о том, что оказывая поддержку гражданам, бизнес участвует в жизни общества, что и находит отражение в названии теории.

У перечисленных теорий оказывается много общего, при этом внутри каждой выделяются свои подходы. Нередко последователи определенной теории значительно расходятся в ее интерпретации.

В настоящее время не подвергается никакому сомнению, чтобы быть успешным – бизнес должен обладать привлекательностью для общества, иметь хорошую репутацию. В этом смысле концепция социальной ответственности может рассматриваться как некий механизм по созданию имиджа организации, что в конечном счете будет способствовать основной цели бизнеса – увеличению прибыли, расширению рынков сбыта и проч. И эта способность практики социальной ответственности учитывается руководителями организаций.

На современном этапе феномен социальной ответственности обладает следующими функциями: 1) сокращает затраты организации и риски (экономический фактор); 2) является конкурентным преимуществом (экономический и политический факторы); 3) способствует созданию хорошей репутации организации (политический фактор).

Во многих успешных зарубежных компаниях, например BP, ConocoPhillips, ENI S.P.A., ExxonMobil и др., есть наработанные стратегии социальной ответственности бизнеса. Стратегические намерения в области социальной ответственности многие компании не только фиксируют в программных документах, но и публично представляют. Как правило, стратегические намерения компаний охватывают такие области, как здоровье, окружающая среда и безопасность в целом. В ряде компаний при руководстве созданы специальные отделения (комитеты) социальной ответственности при руководстве, имеется должность вице-президента компании по социальной ответственности, т.е. происходит институализация социальной практики, а сама деятельность рассматривается на уровне ответственности топ-менеджмента компании (например, в компаниях BP, ChevronTexaco, Royal Dutch / Shell, PetroChina, ConocoPhillips, ENI S.P.A, ExxonMobil, PetroBras и др.).

Таким образом, осуществляя практики социальной ответственности, современные руководители не только оказывают поддержку обществу, но и за-

ботятся о будущем своей организации, осуществляя долгосрочное инвестирование. В результате такой деятельности вечное противопоставление этики и бизнеса во многом сглаживается.

Международные модели социальной ответственности бизнеса

Несмотря на то, что в настоящее время принят международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» [Руководство], согласно которому определяются отношения между бизнесом и обществом, существующие модели социальной ответственности бизнеса не являются универсальными, во многом они являются продуктом развития национальной культуры в целом. Таким образом, возможно говорить о национальных моделях социальной ответственности бизнеса. Согласно последним исследованиям, относительно стабильная практика социально ответственного поведения представителей бизнеса к настоящему времени сложилась в Великобритании, Германии, США, а также в скандинавских государствах. Сегодня к наиболее распространенным относят англо-американскую, европейскую, смешанную модели социальной ответственности бизнеса и модель «бизнес отвечает за всё».

Отличие англо-американской модели заключается в том, что в ее основе лежат принципы свободы и демократии, из чего следует, что большинство сфер социальных отношений представляются самоуправляемыми, при этом представителей бизнеса обязывают как создавать определенное количество рабочих мест и достойные условия труда, так и обеспечивать максимально эффективное использование рабочих мест. В США существуют разные методики, обеспечивающие участие субъектов бизнеса в жизни граждан, а активное участие в социальной жизни законодательно поощряется налоговыми послаблениями. В европейской модели социальная защита и обеспечение возлагаются всецело на государство, а бизнес должен выполнять налоговые обязательства, за счет которых государство исполняет социальные обязательства. Поэтому в Европе, в отличие от США, благотворительная деятельность распространена относительно мало.

Самая масштабная социальная помощь, получившая название «скандинавская модель социального государства», или «скандинавская модель социально ответственного бизнеса», существует в Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии. Здесь государство и бизнес тесно связаны, а их обязанности жестко закреплены: бизнес развивается, выплачивает высокие налоги в государственную казну, государство же распределяет платежи, в том числе, и на социальную поддержку граждан. Государству отводится доминирующая роль как по отношению к рынку, так и к гражданскому обществу. В этих странах на-

блюдается высокий уровень занятости населения, равенство между разными группами и слоями населения, поскольку государство считает своей обязанностью обеспечение гражданских прав в социальной сфере. Единственным минусом такой политики государства следует признать то, что, уходя от высоких налоговых ставок, представители бизнеса нередко перемещают его на территории государств, где налоговая система является более мягкой.

Также в некоторых государствах сегодня распространена модель «бизнес отвечает за всё». Эта модель социальной ответственности бизнеса используется, например, в Японии и Южной Корее, где на бизнес возложена обязанность обучать работников, обеспечивать их и членов их семей жильем. Отметим, что элементы данной модели были задействованы и в Советском Союзе (так, градообразующие предприятия полностью обеспечивали занятость населения, полностью содержали социальную инфраструктуру (например, детские сады, пионерские лагеря, поликлиники, санатории, профтехучилища, вузы и проч.), проводили разные социальные программы.

Особенности социальной ответственности бизнеса в России

В настоящее время концепция социальной ответственности российского бизнеса все еще находится в процессе становления. В Конституции Российской Федерации подчеркивается, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7) [Конституция]. При этом в России доминирующей считается олигархическая модель корпоративной социальной ответственности, т.е. субъекты бизнеса самостоятельно определяют меру своей ответственности за социальное развитие общества.

В то же самое время специалист в области региональной социальной политики Н. Уборевич отмечает, что в целом российский бизнес к социальным программам относится как к способу повысить свой рейтинг «здесь и сейчас» – по типу Римской империи («хлеба и зрелищ»). Речь, таким образом, идет не о систематических мероприятиях, а о разовых благотворительных акциях, приуроченных к важным, чаще всего политическим, событиям в стране [Уборевич 2005]. Это свидетельствует о том, что социальная ответственность российского бизнеса находится на начальном уровне. Среди других практикуемых российским бизнесом социальных программ Н. Уборевич называет «имиджевую поддержку социально уязвимых групп (культура, искусство, спорт, чаще всего футбол-хоккей)» [Уборевич 2005]; социальные проекты, осуществляемые на стыке внутренней и внешней социальной политики компании (т.е. при осуществлении социальных практик субъекты бизнеса решают собственные проблемы); социальные инвестиции в общество, а также в развитие человеческого капитала (имеются в виду образовательные проек-

ты, проекты, связанные с поддержанием здоровья населения, в том числе профилактика вредных привычек – наркомании, алкоголизма, курения и проч.). Подразумевается также вхождение бизнеса во власть и улучшение администрирования территорий в своих интересах и в интересах устойчивого социального развития на местах. При этом последние две социальные практики встречаются крайне редко [Уборевич 2005].

ОАО «Российские железные дороги» – одна из старейших организаций России

Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (официальное наименование на английском языке: Joint Stock Company «Russian Railways» – (JSCo «RZD») является сегодня одним из самых крупных в мире и входит в тройку лидеров железнодорожных компаний мира с огромными объемами грузовых и пассажирских перевозок, обладает высокими финансовыми рейтингами, квалифицированными специалистами во всех областях железнодорожного транспорта, большой научно-технической базой, проектными и строительными мощностями, значительным опытом международного сотрудничества. ОАО «РЖД» осуществляет транспортное обслуживание в 77 из 85 субъектов Российской Федерации и имеет зарубежные представительства в Венгрии, Иране, Китае, КНДР, Белоруссии, Польше, Словакии, Украине, Германии, Финляндии, Эстонии и Франции. Эксплуатационная длина железных дорог ОАО «РЖД» сегодня составляет 85,3 тыс. км [Путеводитель].

Холдинг «РЖД» осуществляет деятельность по грузоперевозкам, пассажирским перевозкам в дальнем следовании, пассажирским перевозкам в пригородном сообщении. Также предоставляются услуги инфраструктуры локомотивной тяги, обеспечивается ремонт подвижного состава, ведется строительство объектов инфраструктуры, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, содержатся социальная и образовательная сферы.

Организация «Российские железные дороги» является одной из старейших в Российской Федерации, история которой началась в 1834 г., когда горное ведомство пригласило в Петербург известного инженера Франца фон Герстнера. В настоящее время компания «Российские железные дороги» является самым крупным работодателем страны: в ней трудятся 1,3% от общей численности занятых в экономике страны, т.е. каждый 70-й работающий россиянин. Всего же холдинг обеспечивает работой 1,6% трудоспособных жителей РФ, еще около 1% занятости на рынке труда гарантируют регулярные заказы и инвестиционные проекты компании.

Главными целями деятельности открытого акционерного общества является обеспечение потребностей государства, юридических и физических лиц в железнодорожных перевозках, работах и услугах, оказываемых

железнодорожным транспортом, а также извлечение прибыли. Определены следующие стратегические цели компании: 1) увеличение масштаба транспортного бизнеса; 2) повышение производственно-экономической эффективности; 3) повышение качества работы и безопасности перевозок; 4) глубокая интеграция в евро-азиатскую транспортную систему; 5) повышение финансовой устойчивости и эффективности [Путеводитель].

Социальная ответственность ОАО «Российские железные дороги»

Социальная политика ОАО «Российские железные дороги», в основе которой лежит понимание, что главной ценностью компании являются ее сотрудники, реализуется посредством социальных программ, направленных как на самих сотрудников компании, так и на членов их семей. В 2007 г. ОАО «РЖД» присоединилось к Глобальному договору ООН в области корпоративной социальной ответственности. При этом главным инструментом регулирования отношений между компанией и ее работниками в социальной сфере признается «Коллективный договор ОАО “РЖД”». Помимо своих непосредственных обязательств перед сотрудниками (выплаты регулярно, в срок заработной платы в зависимости от квалификации работника и выполняемых им обязанностей; соблюдения норм трудового законодательства; уплаты налогов и проч.), ОАО «РЖД» проводит активную социальную политику, закрепленную в Уставе организации и направленную на «привлечение, удержание и мотивацию персонала для повышения производительности труда» [Путеводитель, с. 46]. Также задачей руководства компании является «обеспечение профилактики и воздействия на различные внешние и внутренние риски посредством поддержания и развития имиджа ОАО “РЖД” как социально ответственной компании на рынке труда» [Путеводитель, с. 46].

Забота о сотрудниках компании и членах их семей, среди прочего, включает в себя следующее: медицинскую помощь по программе ДМС; негосударственное пенсионное обеспечение через АО «НПФ “Благосостояние”»; компенсацию затрат работников на занятия физической культурой; предоставление мест в негосударственных учреждениях ОАО «РЖД» детям сотрудников; корпоративную поддержку: субсидии, займы и проч.; санаторно-курортное и реабилитационное лечение, оздоровление и отдых работников и членов их семей; бесплатный проезд на железнодорожном транспорте; заботу о развитии работника: образовательные программы, услуги учреждений культуры, услуги спортивных учреждений, Интернет и сотовую связь и проч. [Путеводитель]. С 2005 г. в ОАО «РЖД» реализуется концепция жилищной политики для работников, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, при этом основное внимание уделяется молодым и многодетным семьям,

одиноким родителям, воспитывающим детей. Также ОАО «РЖД» издает единственную в России федеральную отраслевую газету – «Гудок».

На балансе ОАО «РЖД» находятся медицинские учреждения в разных субъектах РФ, оздоровительные учреждения для неработающих пенсионеров, работников и членов их семей, учебные центры профессиональных квалификаций, учебный центр ДОСС, Петропавловская техническая школа, детские оздоровительные лагеря, 70 Дворцов культуры железнодорожников (в том числе Центральный – ЦДКЖ). Корпоративный университет РЖД является стратегическим партнером ОАО «РЖД» в области управления кадровым потенциалом и инновационным центром бизнес-образования руководителей компании [Путеводитель].

ОАО «РЖД» поддерживает ряд спортивных клубов и коллективов, среди наиболее известных – футбольный клуб «Локомотив» (Москва); хоккейный клуб «Локомотив» (Ярославль) и баскетбольный клуб «Локомотив-Кубань», генеральным спонсором которых является ОАО «РЖД»; компания также спонсирует автогоночную команду «Russian Time» в гоночной серии GP2. С 1936 г. функционирует добровольное спортивное общество железнодорожников «Локомотив», в финансировании которого с 2003 г. принимает участие ОАО «РЖД».

В 2019 г. решением правления ОАО «РЖД» была утверждена концепция развития профориентационной деятельности компании до 2015 г. Большое внимание в ОАО «РЖД» уделяется привлечению и закреплению молодежи в компании посредством программ профессиональной ориентации и адаптации для детей, студентов, молодых сотрудников и членов их семей, также существует система непрерывного образования по схеме: детский сад – школа – вуз – подразделение компании. Поддерживаемая ОАО «РЖД» дополнительная профориентационная общеобразовательная и общеразвивающая программа «Страна железных дорог» действует на постоянной основе на базе МДЦ «Артек», ВДЦ «Смена», ВДЦ «Океан» и ориентирована на детей – победителей конкурсных отборов со всей России. На федеральном уровне ОАО «РЖД» ежегодно в пяти-семи городах РФ проводит для школьников Фестиваль профессий «Билет в будущее», задача которого заключается в том, чтобы познакомить участников с актуальными отраслевыми задачами железнодорожного транспорта. Совместно с Образовательным центром «Сириус» ОАО «РЖД» реализует совместные мероприятия для одаренных детей, организует стажировки студентов – выпускников Образовательного центра «Сириус» на своих предприятиях.

ОАО «РЖД» является партнером МГУ им. Ломоносова, организуя производственную практику, в частности для выпускников факультета государственного управления [Путеводитель].

Сотрудники ОАО «РЖД» принимают активное участие в жизни российского общества: из 3,8 млн российских волонтеров около 60 тыс. работают в РЖД (по данным на 2018 г.).

Заключение

Несмотря на то что в настоящее время в России практики социальной ответственности бизнеса находятся в стадии становления, некоторые исследователи считают возможным говорить об особой – российской – модели социальной ответственности бизнеса. Многие эксперты разделяют мнение, что сегодня в России представители бизнеса в основном реализуют программы социальной ответственности бизнеса в соответствии с европейской моделью (базовый уровень социальной ответственности) и не видят необходимости (и / или не имеют возможности) выходить на более высокие уровни ответственности. Впрочем, есть и исключения, например ОАО «РЖД», демонстрирующее по сравнению с другими субъектами российского бизнеса достойный уровень программ социальной ответственности.

Библиография

Баранова Ю.А. Социальная ответственность бизнеса: Теоретический аспект // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2012. № 4 (48). С. 225–228.

Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: Эволюция концепции. СПб.: СПбГУ, 2010. 272 с.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 2011. 178 с.

Веревкин Л.П. Социальная ответственность бизнеса // Мониторинг общественного мнения. № 1 (95). 2010. Янв.-февр. С. 37–48.

Глебова И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом. Казань: Каз. гос. ун-т, 2008. 113 с.

Иванов С.Ю. Социальная ответственность бизнеса: Содержание и пути реализации // Труд и социальные отношения. 2008. № 7. С. 55–61.

Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 15.07.2020).

Кравцова Е.М., Матвеева В.Ю. Модели социальной ответственности бизнеса в мировой экономике // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6 (1). С. 81–98.

Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф. Корпоративная социальная ответственность. М.: Дашков и К°, 2007. 216 с.

Палацци М., Статчер Дж. Корпоративная социальная ответственность и успех в бизнесе. М.: Права человека, 1997. 59 с.

Паштова Л.Г., Комельков М.В. Социальная ответственность бизнеса: Мировые тенденции и отечественные особенности // Финансовая аналитика: Проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 8. С. 895–911.

Петухов К.А. Феномен корпоративной социальной ответственности в странах Запада // Вестн. Пермск. ун-та. Философия. Психология. Социология. Вып. 2010. 3 (3). С. 104–119.

Путеводитель нового сотрудника. Информационный справочник. М.: РЖД, б / г. 103 с.

Руководство по социальной ответственности // StandartGos.ru URL: https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%A0_%D0%98%D0%A1%D0%9E_26000-2012 (дата обращения: 26.07.2020).

Симонова Л.М., Зыков В.В. Социальная ответственность бизнеса и устойчивая конкурентоспособность. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2007. 180 с.

Сорокина Е.А. Тренды корпоративной социальной ответственности бизнеса в России // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2019. Экономические науки. Вып. 66. № 9 (431). С. 182–188.

Строева О.А., Мироненко Н.В., Иванов Х.М. Корпоративная социальная ответственность: Российские и зарубежные стандарты // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Сер. Экономика и управление. Т. 11. № 1 . С. 120–131.

Суева Ю.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как фактор устойчивого развития экономики региона и страны в целом // Вопросы инновационной экономики. 2011. Т. 1. № 10. С. 25–33.

Уборевич Н. Бизнес в общем-то хочет выращивать мозги // Коммерсант ДЕНЬГИ. 2005. № 31 (563). 8.08. https://www.kommersant.ru/doc/599280 (дата обращения: 15.07.2020).

Цей С.А. Корпоративная социальная ответственность – путь к устойчивому развитию // Новые технологии. 2010. № 2 . С. 127–132.

Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. Iowa City: University of Iowa Press, 2014. 298 p.

Crowther D., Guler A. (Eds) A Handbook of Corporate Governance and Social Responsibility. Gower publishing company, 2010. 144 p.

References

Baranova Ju.A. Social'naja otvetstvennost' biznesa: Teoreticheskij aspekt [Business social responsibility: Theoretical aspect]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstva, 2012. N 4 (48). P. 225–228. (In Russ.)

Blagov Ju.E. Korporativnaja social'naja otvetstvennost': Jevoljucija koncepcii [Cooperative social responsibility: Evolution concept]. Saint Petersburg: SPbGU, 2010. 272 p. (In Russ.)

Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. Iowa City: University of Iowa Press, 2014. 298 p.

Cej S.A. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' – put' k ustojchivomu razvitiju [Cooperative social responsibility – way to the stable development]. Novye tehnologii. 2010. N 2 . P. 127–132. (In Russ.)

Crowther D., Guler A. (Eds) A Handbook of Corporate Governance and Social Responsibility. Gower publishing company, 2010. 144 p.

Glebova I.S. Social`naya otvetstvennost` biznesa v Rossii i za rubezhom. Kazan`: Izdatelstvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 113 p. (In Russ.)

Ivanov S.Ju. Social'naja otvetstvennost' biznesa: Soderzhanie i puti realizacii [Business social responsibility: Contents and ways to follow]. Trud i social'nye otnoshenija. 2008. N 7. P. 55–61. (In Russ.)

Konstituciya Rossijskoj Federacii [Russian Constitution]. Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (date of access: 15.07.2020). (In Russ.)

Kravcova E.M., Matveeva V.Ju. Modeli social'noj otvetstvennosti biznesa v mirovoj jekonomike [Models of business social responsibility in the world economy]. Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2016. T. 6 (1). P. 81–98. (In Russ.)

Krichevskij N.A., Goncharov S.F. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' [Cooperative social responsibility]. Moscow: Dashkov i K°, 2007. 216 p. (In Russ.)

Palacci M., Statcher Dzh. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' i uspeh v biznese [Cooperative social responsibility and business success]. Moscow: Prava cheloveka, 1997. 59 p. (In Russ.)

Pashtova L.G., Komel'kov M.V. Social'naja otvetstvennost' biznesa: Mirovye tendencii i otechestvennye osobennosti [Business social responsibility: World tendencies and the Russian peculiarities]. Finansovaja analitika: Problemy i reshenija. 2017. Vol. 10. N 8. P. 895–911. (In Russ.)

Petuhov K.A. Fenomen korporativnoj social'noj otvetstvennosti v stranah Zapada [Cooperative social responsibility phenomenon in Western countries] // Vestnik permskogo universiteta. 2010. Ser. Filosofija. Psihologija. Sociologija. Iss. 3 (3). P. 104–119. (In Russ.)

Putevoditel' novogo sotrudnika. Informacionnyj spravochnik [Guide of the new worker. Information guide]. Moscow: RZhD, b. / g. 103 p. (In Russ.)

Rukovodstvo po social`noj otvetstvennosti // StandartGos.ru URL: https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%A0_%D0%98%D0%A1%D0%9E_26000-2012 (date of access: 26.07.2020). (In Russ.)

Simonova L.M., Zy`kov V.V. Social`naya otvetstvennost` biznesa i ustojchivaya konkurentosposobnost`. Tyumen`: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 180 p. (In Russ.)

Sorokina E.A. Trendy` korporativnoj social`noj otvetstvennosti biznesa v Rossii. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. E`konomicheskie nauki. Iss. 66. N 9 (431). P. 182–188. (In Russ.)

Stroeva O.A., Mironenko N.V., Ivanov X.M. Korporativnaya social`naya otvetstvennost`: Rossijskie i zarubezhny`e standarty`. Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. 2016. Ser. E`konomika i upravlenie. Vol. 11. N 1 . P. 120–131. (In Russ.)

Sueva Ju. V. Korporativnaja social'naja otvetstvennost' biznesa kak faktor ustojchivogo razvitija jekonomiki regiona i strany v celom [Business cooperative social responsibility as a factor of stable development of the region and the country as a whole]. Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2011. Vol. 1. N 10. P. 25–33. (In Russ.)

Uborevich N. Biznes v obshhem-to xochet vy`rashhivat` mozgi. Kommersant DEN`GI. 2005. N 31 (563). 8.08. URl: https://www.kommersant.ru/doc/599280 (date of access: 15.07.2020). (In Russ.)

Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: Progress, 2011. 178 p. (In Russ.)

Verevkin L.P. Social'naja otvetstvennost' biznesa [Business social responsibility]. Monitoring obshhestvennogo mnenija. N 1 (95). Jan.-feb. 2010. P. 37–48. (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 1 – 2021 (110)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.К. Летунова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15.03.2021 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 17,22
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 3

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У